

A-162615

ПИСЬМА
РУСКАГО ОФИЦЕРА.

IV.

A-1621615

copy
3/14/47

8P-12-19

ПИСЬМА РУСКАГО ОФИЦЕРА

О

ПОЛЬШЬ, АВСТРІЙСКИХЪ ВЛА-
ДѢНІЯХЪ, ПРУССІИ и ФРАНЦІИ,

СЪ

ПОДРОБНЫМЪ ОПИСАНІЕМЪ ПОХОДА
РОССІЯНЪ ПРОТИВУ ФРАНЦУЗОВЪ, ВЪ
1805 и 1806,

ТАКЖЕ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАГРАНИЧНОЙ ВОЙ-
НЫ СЪ 1812 ПО 1815 ГОДЪ.

Съ присовокупленіемъ
замѣчаній, мыслей и разсужденій
во время поѣздки въ нѣкоторыя
ошечесшвенныя Губерніи.

ПИСАНЫ

Федоромъ Глинкою.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1815.

~~~~~

Печашать дозволяешся съ шѣмъ, что-
бы по оппечашаніи, до вымуска въ про-
дажу, предешавлены были въ Ценсур-
ный Комишешъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Ценсурнаго Комишеша, дру-
гой для Депаршамеша Миниспершва
Народнаго Просвѣщенія, два экзешпля-
ра для Имперашорской публичной би-
бліошеки и одинъ для Имперашорской
Академіи Наукъ. Маія 3 дня 1815 года. |
Книгу сію читалъ Ординарный Про-
фессоръ *Василій Котельницкій*.

~~~~~

1626/5
705

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Село Сушоки. Маія 10, 1812.	7
Смоленскъ.	11
Гласъ Смоленскаго Гражданина на случай пробзда Государа Имперашора чрезъ городъ Смо- ленскъ.	14
Смоленскъ, 7 Іюля.	18
Соединеніе армій.	20
Солдашская пѣсня.	22
На соединеніе армій подъ стѣна- ми Смоленска 1812, 22 Іюля.	23
Свиданія 19 Іюля.	28
Взятіе Смоленска.	32
Село Цуриково.	34
Августа 15.	40
Описаніе главнаго начальника войскъ.	42
Отшшупленіе арміи.	46
Тогожъ числа.	48
Прибытіе Князя Голенищева- Кушужева.	51
Его обхожденіе.	52
Военныя чувшвованія.	55
Колодской монашшерь.	56

	Стран.
Высошы Бородинскія.	58
Начало сраженія Августа 24.	60
Поздно вѣ вечеру.	61
Августа 25. Утро.	63
Сумерки.	—
Съ 25 на 26. Глубокая ночь.	64
Бишва Бородинская.	65
Продолженіе.	71
Москва, Сентября 2.	73
Боровской перевозѣ.	75
Рязань.	77
Сентября 11.	82
Село Львово.	84
Городѣ Таруза.	87
Подвигѣ Графа Воронцова.	94
Возвращеніе къ Тарушину.	98
Сентября 30.	100
Октября 1.	101
Село Гарушино.	103
Сраженіе при Тарушинѣ.	104
Дача Кусовникова близъ Тару- шина.	107
Городѣ Вязьма.	110
Дорогобужѣ.	121
Ноября 7. На полѣ близъ Крас- наго.	127
Ошшуда же.	135

	Слран.
Мѣстечко Баево.	142
Городъ Борисовъ.	145
Вильна.	150
Опшуда же Декабря.	153
На пуши въ Гродно.	154
Гродно.	158
Слихи къ мечу, присланному опъ Ея Сіашельства, Гра- фини Орловой-Чесменской, къ Генералу Милорадовичу. . . .	162
Вѣгство Французовъ за предѣлы Россіи.	170
Генваря 1, 1813.	173
Гродно.	175
Мѣстечко Гонендзѣ.	176
Опшуда же.	177
Опшуда же Января 7 по утру. . . .	178
Мѣстечко Радзилово.	179
Деревня малый Плонскъ.	181
Опшуда же.	182
Деревня Худекъ.	185
Мѣстечко Прасницѣ.	186
Прасницѣ.	188
Опшуда же.	190
Января 17. Опшуда же.	191
18.	195
Января 21. Мѣстечко Плонскъ. . . .	197

	Стран.
Причина замедленія.	198
Хищность военная.	199
Слова Барона Аншпеша.	201
Переправа чрезъ Вислу.	204
Деревня Боршженцинь.	—
26 Января, за двѣ мили отъ Варшавы.	206
Мокашово.	207
Виланово.	215
Древній замокъ Собіескаго.	217
Варшава.	218
Картина задачи Варшавы	219
Нѣсколько словъ о Варшавѣ.	222
Продолженіе о томъ же.	223
Весна въ Варшавѣ.	230
Выѣздъ изъ Варшавы и дорож- ныя записки.	232
Мѣстечко Ярчево.	240
Городокъ Ждуни.	243
Польско-Нѣмецкіе городки.	244
Городъ Фраушташъ.	246
Тамошніе обычаи.	248
Авангардная жизнь.	250
Празднество 12 Марша.	251

ПИСЬМА
РУСКАГО ОФИЦЕРА
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,
содержащая въ себѣ:

ОПИСАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 ГОДА ДО ИЗГНАНІЯ НЕПРІЯТЕЛЯ
ИЗЪ РОССІИ И ПЕРЕХОДЪ ЗА ГРА-
НИЦУ ВЪ 1813 ГОДУ.

П И С Ь М А

РУСКАГО ОФИЦЕРА.

Маія 10, 1812. Село Сутоки.

Природа въ полномъ цвѣтѣ!... Зеленѣющія поля обѣщаютъ самую богашую жашву. Все наслаждается жизнью. Не знаю, отъ чего сердце мое отказывается участвовать въ общей радости шворенія. Оно не смѣетъ развернуться, подобно лисшьямъ и цвѣтамъ. Непонятное чувство, похожее на шо, которое смущаетъ насъ предъ сильною лѣшней грозою, сжимаетъ его. Предчувствіе какого-шо отдаленнаго несчастія меня пугаетъ...

Но можешъ бытъ это мечты!... „Не даромъ, говоряшъ прослоудимы, прошлаго года шакъ долго ходила въ небесахъ *невиданная звѣзда*; не даромъ горѣли города, селы, лѣса и во многихъ мѣстахъ земля выгорала: не къ добру эше все! Бытъ великой войнѣ!“ Сии добрые люди имѣютъ свои замѣчанія. Въ самомъ дѣлѣ мы живемъ въ чудесномъ вѣкѣ: природа и люди испытываютъ превращеніи необычайныя. Теперь въ вѣдомостяхъ только и пишутъ о страшныхъ наводненіяхъ, о прясеніи земли въ разныхъ странахъ; о дивныхъ явленіяхъ на небѣ. Мы читаемъ въ *Степенныхъ книгахъ*, что передъ великимъ нашесшествіемъ Татаръ на Россію солнце и луна измѣняли видъ свой и небо, чудесными знаменіями, какъ бы предувѣдомляло землю о *грядущемъ горѣ*... Не лзя не согласишься съ знаменишымъ Махіавелемъ, что мыслящіе умы шакже легко преду-

знають различные приключенія въ судьбѣ царствъ и народовъ, по известнымъ обстоятельствамъ, какъ мореплаватели зашмѣніе свѣтилъ и прочее по своимъ изчисленіямъ.

Извѣстно, до какой степени Маркизъ Куева де Бедмаръ, описанный Сеншъ-Реалемъ, силенъ былъ въ наукѣ предугадывать!... Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, шаное припеченіе войскъ къ границамъ? Къ чему самъ Государь, оставя всѣ удовольствія Спшлицы, посѣщилъ шуда раздѣляя шруды воинской жизни?— Къ чему, какъ не къ войнѣ!... Но война сія должна быть необыкновенна, ужасна!... Наполеонъ, разгромивъ большую часть Европы, стоишъ какъ туча, и хмуришя надъ Неманомъ. Онъ подобенъ бурной рѣкѣ, надменной тысячею поглощенныхъ истощниковъ; грудь Руская естъ плотина, удерживающая стремленіе, — прорвешся — и наводненіе

будешъ неслыханно! — О, другъ мой! уже ли бѣдствія *нашествій* повпоряшся во дни наши?... Уже ли покореніе?... Нѣшъ! Рускіе не выдадутъ земли своей! Если не доспанешъ воиновъ, то всякъ изъ насъ будетъ одною рукою водить соху, а другою сражаться за Отечество! —

Кого не мучилъ теперь любопытство, чѣшъ разгадать загадку будущаго? — Я читаю славную *Гедеонову* проповѣдь на разрушеніе *Лиссабона* — и живо представляешся воображенію моему, какъ величавый мужъ сей въ священныхъ сумеркахъ пространнаго храма, гдѣ голосъ его въ таинственныхъ ошывахъ поворяется, предъ лицомъ Императрицы *Елисаветы*, описывая бѣдствія колеблющейся природы и спрашную гибель *Лиссабона*, смѣло укоряешъ блестящій сонмъ вельможъ въ оставленіи пращеческихъ нравовъ, въ нѣгѣ

и роскошѣ, которыми предаю-
 ся, и вдругъ ушами боговдохно-
 веннаго Пророка гласишѣ имѣ въ
 послѣднее наставленіе сіи Свя-
 щенныя слова: и егда услышите
 гласъ его, не ожесточите сердецъ
 вашихъ.— Прощай! я иду въ свой
 садикъ поливать цвѣты и слу-
 шать громкаго соловья—пока это
 еще можно! — „Жишѣ невидимкою,
 значишѣ бышѣ щасшливу!“ го-
 воришѣ славный писатель Де-
 картъ.— Еще разъ: прощай! . . .

16 Юля, 1812.— Смоленскъ.

Сей часъ прѣхалъ я въ Смо-
 ленскъ. Какое смяшеніе распро-
 странилось было въ народъ! . . .
 Получили извѣстіе, что непріа-
 тель уже близъ Орши. Въ самомъ
 дѣлѣ всѣ корпуса, армію нашу со-
 ставляющіе, проходя различными
 пушями въ одной цѣли, соедини-
 лись въ чрезвычайно укрѣплен-
 номъ лагерѣ при Дриссѣ, и нажи-

дали непріятеля. Полагая, что онъ непременно пойдетъ на то мѣсто, чтобы купить себѣ входъ въ древніе предѣлы Россіи цѣною сраженія съ нашими войсками; ибо какъ отважишься завоевывать Государство, не разбивъ его войскъ?— Но дерзкій Наполеонъ, надѣясь на неизчислимое воинство свое, ломился прямо въ грудь Опечесова нашего. Народъ у насъ не привыкъ слышать о приближеніи непріятеля. Умы и души въ страшномъ волненіи. Уже пошлянулись длинные обозы; всякой развѣдываетъ, гдѣ безопасно? Никто не хочетъ достаться въ руки непріятелю. Кажется, въ Россіи, равно какъ и въ Испаніи, будетъ онъ покорять только землю, а не людей.— До сихъ поръ Смоленскъ совершенно опустѣлъ бы, еслибы не успокоило встревоженныхъ гражданъ его вожделѣнное присутствіе Государя. Пробѣжала изъ арміи въ Москву,

онъ удостоилъ посѣщеніемъ Своимъ нашъ городъ. При Высочайшей Особѣ Его Императорскаго Величества находились: Графъ Аракчеевъ, Министръ Полиціи Балашевъ и Александръ Семеновичъ Шинковъ, который недавно написалъ споль превосходное швореніе о любви къ Отечеству. Я узналъ отъ живущихъ на большой дорогѣ, что Государь, проѣзжая тамъ вчерашній день, весьма ласково разговаривалъ съ поселянами, заходилъ въ церкви, молился и приказывалъ народу молиться. Не такъ ли поступали древніе Цари, опцы народа? —

Я посѣшилъ было въ городъ, чшобъ взглянуть изъ толпы людей на Государя; но городъ отъ меня 45 вершъ, и я не засталъ уже Его!... Въ дорогѣ, пока кормилъ лошадей, излились чувства мои въ стихахъ. Они ходящъ шеперь здѣсь — пусть дойдутъ и къ тебѣ. —

ГЛАСЬ СМОЛЕНСКАГО ГРАЖДАНИНА
НА СЛУЧАЙ ПРОВЪЗДА ГОСУДАРЯ ИМПЕ-
РАТОРА ЧРЕЗЪ ГОРОДЪ СМОЛЕНСКЪ.

Друзья, граждане, ободрись!
Къ намъ солнце Росское взошло;
Намъ крошкѣй Александръ явилъ
Свое чело.
Какъ дѣши, вкругъ опца спекишесь,
Ошкройше радостямъ сердца,
Привѣстивуйше Царя — Опца!
Привѣстивуйше Царя — Героя,
Что въ буряхъ бранныхъ грозъ полки
Свои успроя,
Очами крошосши пришелъ возрѣшь
на чадъ,
И въ помныя сердца имъ сладость
влишь ошрадъ.
О! сколь великое народу ушѣшенье,
Монархъ! одно Твое возрѣнье!
Лишь Царь возрѣлъ — и страхъ из-
чезъ.
Спокойство на лицахъ блистаетъ,
Въ сердцахъ веселье разцвѣшаетъ,
Яснѣ блещетъ ликъ небесъ.
Ужъ жены робкія не лющъ въ сму-
щенъи слезъ;

Не здѣсь ли былъ всегда одерженъ и
попранъ?

Не здѣсь ли грудію остановленъ гра-
жданъ,

Когда лопился онъ во сердце Рускихъ
спранъ? —

Не здѣсь ли за Царей, за вѣру, за
свободу,

Смольяне пролили всю кровь свою
какъ воду? —

О, предковъ кровію умышья поля!

Враждебныхъ силъ косыми усѣянна
земля!

Вѣщайте: не былъ ли Смоленскъ
враговъ могилой?

И будешь вѣкъ. — *Потомки* крѣпки
предковъ силой!

Мы славу древню воскресимъ;

Монархъ! въ очахъ Твоихъ умремъ,
иль побѣдимъ!

Великихъ праотцевъ послѣдуемъ при-
мѣру;

И мы умѣемъ спать за вѣру!

За землю Рускую, за древній родъ
Царей. —

Нѣтъ! не допустимъ мы коснуться
олтарей;

Не выдадимъ Россійска прона :
 Надежнѣй всякихъ стѣнъ для Цар-
 ства оборона
 Къ Отечеству любовь !
 Мечи скуемъ мы изъ серповъ ;
 Съ дрекольемъ спанемъ — за свободу .
 Кто смѣетъ плѣнъ нести Россій-
 скому народу ? —
 Что врагъ непобѣдимъ , молвы по
 праздной звонъ :
 Опасенъ хитроспъю одной *Наполе-*
онъ ! —

А мы, поднявши мечъ за души и за-
 коны ,
 Нълицемѣрныя поставимъ обороны .
 Нѣшъ ! граждане ! вовѣкъ не пустимъ
 дерзкихъ силъ
 Опчизнѣ нанесли позоръ , уничиженъе .
 Не пустимъ ихъ попрашь опцовъ
 своихъ могилъ !
 Возстанешъ Богъ ! . . . и съ Нимъ
 опмщенъе ! . . .
 Онъ сломишъ громомъ гордыхъ рогъ !
 Самъ Богъ , шоль чшимый Росскимъ
 родомъ ,
 Покроетъ днѣсь Царя съ народомъ :
На зачмнающаго Богъ !

7 Юля. Смоленскъ.

Мой другъ! наспающъ времена
Минина и Пожарскаго! Вездѣ гре-
мишъ оружіе, вездѣ движущаяся
люди! Духъ народный, послѣ
двухъ сошъ-лѣшняго сна, пробуж-
дается, чую грозу военную. Гу-
бернскій Предводителъ нашъ,
Маіоръ Лесли, опъ лица всего дво-
рянства, испрашивалъ у Государя
позволеніе вооружить 20.000 рап-
никовъ на собственныи кошъ
владѣльцовъ. Государь съ велико-
душною признапельностію при-
нялъ важную жертву сію. Нахо-
дющіяся здѣсь войска и многочи-
сленная артиллерія были обо-
зрѣваемы самимъ Государемъ. Къ
нимъ, по Высочайшему повелѣнію,
должны немедленно присоеди-
ниться идущіе изъ Дорогобужа и
другихъ дело рекрутскіе баталіо-
ны. Уже передовой отрядъ, подъ
начальствомъ храбраго Генерала
Оленина, вышупилъ къ Красному.
Старый Генералъ Лесли поспѣшно

вооруживъ чешырехъ сыновъ своихъ и нѣскольکو десятковъ рашниковъ, послалъ ихъ присоединишься къ сему же опряду, чшобъ бышь впереди. Вчера приняшь Е. И. В. извощавки въ службу Г—М. Пасекъ, и получилъ начальство надъ часпю здѣшнихъ войскъ.— Земское ополченіе усердіемъ дворянъ и содѣйствіемъ здѣшняго Гражданскаго Губернатора *Барона Аша*, со всевозможною скоростію образуется. Смоленскъ принимаетъ видъ военнаго города. Безпрестанно звѣняшь колокольчики; скачущъ курьеры; провозяшь пѣнныхъ, или шпіоновъ. Нѣскольکو Польскихъ Губерній подняли знамя бунта. Не даромъ они швердили пословицу: „слышешъ пшичка весну!“ (szue ptaszek wiosne)! О заблужденіе! Они думаютъ воскреснуть среди всеобщаго разрушенія!... Общояшельства становящя бурны. Не знаю, буду ли съ побою видѣшься; но письменное

сношеніе замѣняетъ половину свиданія — такъ говоришь Персеянинъ Бек-али; я вѣрю ему — и буду стараться въ тебѣ писать. — Прощай! . . .

18 Іюля, 1812. Село Сутоки.

Наконецъ поля наши, покрытыя обильнѣйшею жашвою, должны будутъ вскорѣ содѣлаться полями сраженій. Но щасливый онъ, что послужитъ мѣстомъ соединенія обѣихъ армій, и приобрететъ, можетъ быть, въ попомощвѣ славу *Полтавскихъ*: ибо Первая Западная армія, подъ начальствомъ Барклая де Толли, а Вторая Князя Багратиона, послѣ неизчислимыхъ препятствій со стороны непріятеля, соединились наконецъ у Смоленска. Г. Платовъ прибылъ сюда же съ 15.000 Донскаго войска. Армія наша немногочисленна; но войска никогда не бывали въ такомъ устрой-

спивъ, и полки никогда не имѣли
 такихъ прекрасныхъ людей. —
 Войска получающъ наилучшее про-
 довольствіе; дворяне жертвуютъ
 всемъ. Со всѣхъ сторонъ везутъ
 печеный хлѣбъ, гонятъ скотъ и
 доставляютъ все нужное добрымъ
 нашимъ солдатамъ, кошорые
 горятъ желаніемъ сразиться у
 стѣнъ Смоленскихъ. Нѣкоторые
 изъ нихъ извѣщаютъ желаніе сіе
 самымъ проснымъ, но конечно
 изъ глубины сердца исходящимъ
 выраженіемъ: *мы уже видимъ сѣ-
 дыя бороды отцовъ нашихъ, гово-
 рятъ они: отдадимъ ли ихъ на по-
 руганіе? — Время сражаться! —*
 Сидя у полевыхъ огней, я напи-
 салъ солдатскую пѣсню, кошорую
 въ нѣкошорыхъ полкахъ пѣли, и
 еще нѣкто на соединеніе армій
 подъ стѣнами Смоленска: но и
 другое прочли на досугѣ. —

Солдатская Пьсня.

Вспомнимъ, брашцы! Россюв славу,
И поидемъ враговъ разилъ!
Защипимъ свою Державу:
Лучше смерть—чѣмъ въ рабствѣ жить!

Мы впередъ, впередъ, ребяша!
Съ Богомъ, върой и штыкомъ;
Вѣра намъ и вѣрность свяша:
Побѣдимъ, или умремъ!

Подъ Смоленскими стѣнами,
Здѣсь Россіи у дверей,
Будемъ бишься со врагами;
Не пропустимъ злыхъ звѣрей! —

Вошъ! рыдающъ наши жены,
Дѣвы, сшарцы вопіющъ,
Что злодѣи развѣренны
Мечъ и пламень къ нимъ несущъ.

Врагъ спрощивый мещешъ громы,
Храмовъ Божьихъ не щадилъ;
Топчешъ нивы, палишъ дома,
Змѣемъ лютымъ въ Русь лешилъ!

Русь свяшую разоряешъ! . . .
Нѣтъ ужъ силъ владѣшь собой:
Бранный жаръ въ крови пылаешъ,
Сердце проситъся на бой!

Мы впередъ, впередъ, ребята!
 Съ Богомъ, вѣрой и шпыкомъ;
 Вѣра намъ и вѣрность свяша:
 Побѣдимъ, или умремъ!

НА СОЕДИНЕНІЕ АРМІЙ ПОДЪ СТѢНАМИ
 СМОЛЕНСКА 1812, 22 Іюля.

Граждане, радуйтесь! приспѣль
 желанный часъ!
 Къ намъ Руски воины пришли вели-
 косерды;
 Гремить по всюду трубный гласъ,
 Предвѣстіе побѣды.
 О, Рускіе полки! вы крѣпче нашихъ
 смѣль,
 Которы времени коса уже разбила....
 Не дайте, братья! насъ, не дайте
 въ тяжкій плѣнь;
 Не дайте, чшобъ война нашъ край
 опланила.
 Наперсники побѣдъ! сыны гремя-
 щей славы!
 Трепещеть въ радости подъ вами
 здѣсь земля;

Что будешь въ оно время слезно,
 Что будешь съ вами жашвы нивъ?
 О шарцы древніе, сѣдыя!
 О дѣвы юныя, молодыя!
 О жены, лющія пошоки горькихъ слез!
 Какой васъ жребій ждешь? Что бу-
 дешъ нынѣ съ вами? —
 Вамъ мраченъ гѣ горести и свѣш-
 лый сводъ небесъ! . . .
 Чья грудь заслонитъ васъ? О, Россы!
 Богъ силъ съ нами;
 Здѣсь братья здѣсь друзья, усерд-
 ныхъ Россовъ спрои, —
 Пришли во множествѣ полночные
 герои:

.

 О! исполнили великихъ произво-
 довъ

Мірами правящей судьбы!
 Не выдайте Смольяны навѣкъ вра-
 гамъ въ рабы!
 Постойте на поляхъ подъ нашими
 сѣнами,
 И удержите мечъ, носящійся надъ
 нами!

Чрезъ васъ подъ бурями спокойство
обрѣшемъ;
Подъ тѣнію мечей мы жашву себе-
ремъ. —

А естли нужны мы — готовы все
оставить,
И грудь свою врагамъ, равно какъ
вы, представишь.

Днѣсь вои и вожди, хранимые судьбой,
Мы духомъ всѣ лешимъ къ Творцу
за васъ съ мольбой.

Вездѣ священный звонъ зовешъ на-
родъ къ моленью;

Я внемлю общему во храмахъ Рос-
скихъ пѣнью;

„О Боже! всѣ гласяшъ, карай, рази
враговъ!

Се люди дерзкіе, лихіе,

Какъ люшы аспиды глухіе

Текутъ, какъ воду пишь, въ Россіи
Россовъ кровь! —

Въ ихъ дланяхъ мечъ, языкъ въ гор-
шаняхъ изоспрился.

Огнь брани, лещи ядъ, на Руской
край полился.

Возстанъ за Россовъ Богъ—Боговъ!

И положи въ Своемъ совѣшъ,

Чтобъ сбющихъ вражду на свѣтѣ
Смести, какъ прахъ съ земли, враговъ!
Да въ бездны мрачныя сольется ихъ
народъ,

Какъ шокъ мимо-журчащихъ водъ.
За души, за Царей, за вѣру ополчимся;
Подъ кровомъ крылъ Твоихъ враговъ
не убоимся.

Когда въ могуществѣ Свяшины
Творецъ! низходишь Ты въ подлун-
ныя пустыни:
Ко шрепешнымъ полямъ склоняюща
лѣса,

Отъ взора ярости старають небеса,
И ломится земля подъ грозною спо-
пою. . . .

Властитель, правящій судьбою!
Роббешъ и молчитъ весь міръ передъ
Тобою,

Трясущая въ ужасѣ престолы и Цари,
Громами облака швой гнѣвъ на насъ
вѣщають,

И молніи швой вселенну освѣщаютъ:
Покрой Россійской край, свяшые
олшари!

Узри, какъ дождь, шекущи слезы,
Узри! услышь! снаси! разсѣй шу-
мщи грозы!

Вешупись за свой народъ! лукъ бран-
 ный нашани;
 Двинь бури—и враговъ съ земли своей
 сгони!

19 Юля. Тамъ же.

Я имѣлъ удовольствіе обнять брата моего Григорія, служащаго въ Либавскомъ пѣхожномъ полку. Общество Офицеровъ въ семъ полку прекрасное, солдаты ошмѣнно хороши.— Обѣхавъ нѣсколько полковъ, я вездѣ находилъ Офицеровъ, которые принимали меня какъ истинные друзья, какъ ближайшіе родные. Кто же такіе эти прекрасные люди? — спросишь ты. — Общѣ наши товарищи: Каделы!— О! какъ полезно общественное воспитаніе! Никакіе усшавы, никакія условія обществѣ не могутъ произвешти такихъ швердыхъ связей между людьми, какъ свытка раннихъ лѣтъ. Совоспитанники по сердцу и душѣ

вспрѣчающся вездѣ съ непришворнымъ, сердечнымъ удовольствіемъ. . . . Многие изъ шоварищей нашихъ уже *Полковниками* и въ креслахъ; но обхожденіе ихъ со мною точно то же, какое было за то предѣ симъ лѣшъ, не смотря на то, что я только *бѣдный Поручикъ!* — Какъ сладко напоминать то время, когда между богатыми и бѣдными, между дѣшными знашныхъ опцовъ и простыхъ дворянъ не было никакой разницы; когда пища, науки и рѣзвости были общими; когда, не имѣя понятія о жизни и свѣтѣ, мы такъ сладостно мечтали о шомъ и другомъ! . . . Помнишь, какъ, поворя безсмершныя слова Екаторины, что корпусъ *Кадетской* есть *роадникъ великихъ людей*, мы любили воображать себѣ, что всѣ до одного будемъ полезны Ошечеству. Но сколько изъ юныхъ расшвнй сего роадника, поверженныя въ бури случаевъ, ушра-

шли способности свои отъ бездѣйствія, сдѣлались бесполезными отъ несправедливости людей, и увяли отъ бѣдности, или въ тѣни неизвѣстности, лишенные спасительныхъ лучей — ободренія! . . .

Вчера арміи двинулись отъ Смоленска, внизъ по теченію Днѣпра, къ окрестностямъ озера Катани. Авангардъ пошелъ къ Руднѣ: отсюда ожидаютъ непріятеля, который теперь полпится на пространствѣ между Двиною и Днѣпромъ. Сіе наступательное движеніе войскъ нашихъ много обрадовало народъ. Всякой спалъ дышавъ свободнѣе! . . .

Дай Богъ нашимъ впередъ! помощи Богъ отшолкнущъ дерзкихъ отъ древнихъ рубежей нашихъ! . . . Однакожъ, идя впередъ кажется не забывающъ, о способахъ обезпечивающихъ и отступленіе. . . . На сихъ дняхъ военное начальство пребывало у Гражданскаго Губернатора надежнаго и дѣя-

шельнаго дворянина для особенныхъ важныхъ препорученій. Зная изъ многихъ опытовъ усердіе и дѣятельность брата моего *Ивана*, Губернашоръ представилъ начальству его. Тотъ часъ поручено было ему, со всевозможною скоростію, безъ лишней огласки, устроитъ сколько можно болѣе переправъ на Дѣльцѣ у Соловьева, что на большой Московской дорогѣ. Мосты сибютъ съ удивительною посѣшностію. Работаютъ день и ночь. Великія толпы народа, бѣгущія изъ разныхъ занятыхъ непріятелемъ Губерній, переправляются безпрестанно. — Но не уже ли и войска пойдутъ чрезъ нихъ? — Уже ли и Смоленскъ здадутъ? . . . Солдаты будутъ драсться ужасно! Поселяне готовы дѣлать то же. Только и говорятъ о поголовномъ наборѣ, о всеобщемъ восстаніи. „Повели, Государь! всѣ до одного идемъ!“ Духъ пробуждается, души го-

шовой. Народъ проситъ воли, чтобъ не пошеряшь вольности. — Но война народная слишкомъ нова для насъ. Кажешся еще бояшся развязашь руки. До сихъ поръ нѣшъ ни одной прокламаціи, дозволяющей сбирашся, вооружашся и дѣйспвовашъ гдѣ, какъ и кому можно. — Дозволяшъ — и мы поселяне гошовой въ подкрѣпу воинамъ. Знаемъ мѣсца, можемъ вредить; засядемъ въ лѣсахъ, будемъ держашся — и удерживашъ; станемъ сражашся — и опражашъ! . . .

Августа 4 дня. Село Сутоки, въ 2 часа за полдень.

Въ сіи минушы, какъ я пишу къ шебѣ дрожащею рукою, рѣшается судьба Смоленска. Непришель, сосредоточивъ едѣ-то великія силы, ворвался вчера въ Красное; и между шѣмъ, какъ наши смошрѣли на Рудню, онъ поле-

пѣлъ къ Смоленску, чшобѣ овладѣшь имѣ внезапно. Дивизія *Невѣровскаго* принесла сего дня Французовѣ на плечахѣ; а храбрый Генералѣ Раевскій вспрѣшилѣ ихѣ съ горшюю войскѣ и не впустилѣ вѣ городѣ. Сего дня всѣ обыватели высланы; башарей разшавлены. Непрїяшель съ двумя шами шысячѣ насшупаетѣ на Смоленскѣ, защищаемый 150.000 нашихѣ. Покровская гора еще вѣ нашихѣ рукахѣ. Теперь сраженіе горитѣ подѣ самыми стѣнами. — Когда получишь сіи спроки, по знай, что чей-нибудь жребій уже рѣшилѣ: или *отбитѣ Наполеонѣ*, или — *дверь вѣ Россію отперта!* . . .

Я сей часѣ иду помолишья вѣ послѣдній разѣ на гробахѣ родителей, и ѣду къ старшему брашумоюму *Василью*: отѣ него видно сраженіе. Прощай! —

Августа 8. Село Цуриково.

Я видѣлъ ужаснѣйшую картину — я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. Погубленіе *Лиссабона* не могло бытъ ужаснѣе. 4 Числа непріятель усремился къ Смоленску и вспрѣченъ, подъ спѣнами его, горстью неустрашимыхъ Россіянъ. 5 Числа, съ ранней зори до позднаго вечера, 12 часовъ, продолжалось сраженіе. предъ спѣнами, на спѣнахъ и за спѣнами Смоленска. Рускіе не уступали ни на шагъ мѣста; дрались какъ львы. Французы, или лучше сказать Поляки, въ бѣшеномъ изсупленіи лѣзли на спѣны, ломались въ вороша, бросались на валы, и въ безчисленныхъ рядахъ шѣснились около города по ту сторону Днѣпра. Наконецъ, упомянутый противоборствіемъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. — Злодѣи шотчасъ исполнили приказъ изверга. Тучи бомбъ,

гранатъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на дома, башни, магазейны, церкви.— И дома, церкви и башни обнялись пламенемъ — и все, что можешъ горѣшь — запылало! . . .

Опламенѣнная окрестности, густый, разноцвѣтный дымъ, багровыя зори, прескв лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, спукъ барабановъ, вопль спарцевъ, сшоны женъ и дѣшей, цѣлый народъ, упдающій на колѣни съ воздѣшными къ небу руками: вошъ что предшавлялось нашимъ глазамъ, что поражаало слухъ, и что раздирало сердце! . . . Толпы жишелей бѣжали изъ огня, полки Рускіе шли въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли ее на жершву. Длинный рядъ подводъ шянулся съ ранеными. . . .

— Въ глубокія сумерки вынесли изъ города икону Смоленскія Божія Машери. Унымый звоиъ колоколовъ, сливаясь съ прескомъ

разпадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе. Блескъ пожаровъ освѣщаль оное. Между шѣмъ черно-багровое облако дыма засѣло надъ городомъ, и ночь присоединила шемношу ко мраку, и ужасъ къ ужасу.— Смяшеніе людей было шполь велико, что многіе выбѣгали полунагими, и машери шеряли дѣшей своихъ. Козаки вывозили на сѣдлахъ младенцовъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпшвоваль адъ. Наполеонъ опдалъ приказъ, чтобъ Смоленскъ взяшъ былъ непременно 5 числа; однакожъ Рускіе опшояли его грудью, и 5 числа городъ не былъ взяшъ. Но 6 го рано — о превращенношъ судьбы! — шо, что удерживали сѣ шакимъ усиліемъ, опдали добровольно! . . . Главнокомандующій имѣль на шо *причины*. Теперь Смоленскъ ешъ огромная груда пепла; окрешности его — сушь окрешности Везувія послѣ изверженія.—

Наши поспѣшно опсшупаютъ къ *Дорогобужу*; но сей часъ, по еспь, 8 го числа къ вечеру, пріосшано-вились недалеко опъ *Бредихи*. Трешьяго дня дрались, вчера дрались, сего дня дерущся, и завшра будущъ драшься! Злодѣи берушь однимъ *многолюдствомъ*. Вооружайшесь всѣ, вооружайшесь всякъ, кшо шолько можешъ, гласишь наконецъ *Главнокомандущій* въ *последней* прокламаціи своей. — И такъ — народная война!

Его Императорское Высочество *Константинъ Павловичъ*, усердно раздѣляющій съ войскомъ шруды и опасности сего бурнаго времени, былъ свидѣтелемъ кровопролишнаго боя и страшнаго пожара *Смоленскаго*. Съ душевнымъ прискорбіемъ взиралъ онъ на разрушеніе одного изъ древнѣйшихъ городовъ своего опечесшва. — Жители *Смоленска* неушѣшны. Несшасшія ихъ неописанны. О, другъ мой! сердце швое облилось бы кро-

вію, естѣлибѣ шы увидѣлъ злополучіе моеі рoдины. Но Судьбы Вышняго неиспытанны.— Пусшь разрушающа грады, пылающі села, изпребляюща дома, изчезающі спокойствіе мирныхъ дней: но пусшь сія жершва крови и слезъ, сіи споны народа, пекущія въ облака вмѣстѣ съ куреніемъ пожаровъ, умилоспивающі наконецъ разгнѣванныя небеса! Пусшь посстраждушъ обласши; но спасеша Ошечество! Вошъ общій голосъ душъ, вошъ искренняя молишва всѣхъ Рускихъ сердецъ! —

Я и старшій брaшъ съ неперпніемъ ожидали, пока выйдешъ брaшъ нашъ *Григорій* изъ огня. Онъ былъ 12 часовъ въ спрѣлкахъ и дрался шакъ храбро, какъ шолько можешъ драшья Смольянинъ за свой ошечешвенный городъ. Въ эшомъ увѣрили насъ всѣ Ошicersы его полка. Бригадою ихъ командовалъ Генераль-Маіоръ Оленинъ, и водилъ ее въ самый жаркій

огонь. Всѣ жалѣюшѣ о смерти, отличнаго по долговременной службѣ, необычайной храбрости и добротѣ душевной, Генерала Баллы, который убитъ 5 числа въ передней цѣпи сѣрѣлковъ. — Кровопролишныя битвы еще продолжаются. Мы ложимся и вспаемъ подъ блескомъ заревъ и громомъ пересѣрѣлковъ. Мнѣ уже не лѣзя захашь домой; пушь ошрѣзанъ! И такъ иду шуда, куда двинешь всѣхъ буря войны! . . . Сколько раненыхъ! сколько бѣгущихъ! Безконечные обозы шянушя по полямъ; толпы народа сбѣшашь, сами не зная куда! . . . Мы теперь нищѣ, съ благороднымъ духомъ, бродимъ уныло по развалинамъ своего опечешва. — Бѣднѣй С. . . ! въ то время, какъ брань его сражается, и опечешвенный городъ въ глазахъ его горитъ, узнаешь онъ, что опецъ впалъ въ жестокую горячку, а машь, испуганная приближеніемъ

врага, умерла! . . . Вопль примѣръ ужаснѣйшаго положенія, въ копоромъ находящіяся шеперь многіе! — Повсюду спонъ и разрушеніе! . . . Мы живемъ во дни ужаса! . . . Прощай! — Можетъ бышь въ эшомъ мірѣ уже навсегда! . . .

15 А в г у с т а .

И такъ я шеперь: — *наслѣдія отцовъ
и родины лишень,*
Какъ птица безъ звѣзда, сталъ бурей
унесень! . . .

Сшранспвую по старающей землѣ, подъ небомъ, невнемлющимъ жалобамъ смертныхъ. — Всякой день вижу уменьшеніе опечесшва нашего и разширеніе власпи враговъ. Каждая ночь освѣщается заревами пожаровъ.

Пол-неба рдѣешь, какъ раскаленное желѣзо. Я веду совершенно кочующую жизнь, переѣзжая изъ шалаша въ шалашъ, опъ огня къ огню. Въ окрестностяхъ Дорого-

бужа вѣхали мы нѣкоторое время съ конницею Генерала Корфа. Старшій братъ мой, знающій шамъ всѣ пропинки, служилъ ей лучшимъ пушеуказашелемъ. Теперь приспаемъ чаще всего въ дежурствѣ Генерала Докторова. Нерѣдко хожу я и съ гренадерами, которыхъ ведешь Графъ Строгоновъ. Смогля на сего вождя, не подумалъ ли бы какойнибудь себялюбецъ:— имѣя неизчислимыя способности къ жизни, имѣя чины, заслуги, почести, и дома у себя имѣя рай, за чѣмъ ему бросаешься въ бури, которыми дышешь самъ адъ во дни наши; за чѣмъ наряду съ проснымъ солдатомъ, шерпя исшому, шрудъ и голодъ спремиться въ опасности на раны и смерть?— Но, вошъ что значилъ любовь къ Отечеству!... Попомки не уступающъ предкамъ. О, чувство благородное, чувство священное! обладай вѣчно сердцами Россіянъ!...

Помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали Шиллерову трагедію *Разбойники*; помнишь, какъ пугала насъ страшная картина сновидѣнія *Франца Мора*, картина, которую Шиллеръ съ искусствомъ Микель-Анджело начерпалъ пламеннымъ перомъ своимъ. Тамъ, среди ужаснаго пожара вселенной, лѣса, селы и города паюшъ какъ воскъ, и бури огненные превращаюшъ землю въ обнаженную пустыню! Такія-то картины видимъ мы всякой разъ, ложась спать! Каковы же должны бытъ сновидѣнія?—спросишь ты. Ихъ нѣтъ: успалость лишаетъ способности мечтать.—Уже и *Дорогобужъ* и *Вязьма* въ рукахъ непріятели: *Смоленская Губернія* исчезаетъ! . . . Прощай! —

А в г у с т а 16.

Я часто хожу смотрѣшь, когда онъ пробѣждаетъ мимо полковъ, и

смопрую всегда съ новымъ вниманіемъ, съ новымъ любопытствомъ на сего необыкновеннаго чловѣка. Пылающъ ли огреспности, доспающисяль селы, дорода и округи въ руки непріятеля; вопіешъ ли народъ, наполняющій лѣса, или великими толпами идущій въ далекія края Россіи: его ничшо не возмущаетъ, ничшо не сильно поколебатъ швердоспи духа его. Часшо бываю волнуемъ невольными сомнѣніями: куда идущъ войска? — Для чего уступаютъ обласши? И чѣмъ наконецъ все эшо рѣшился? Но лишь только взглядываю на лице сего Вождя силъ Россійскихъ, и вижу его спокойнымъ, свѣшлымъ, безмяшежнымъ: шо въ шу же минушу спыжусь самъ своихъ сомнѣній. Нѣшъ! думаю я, чловѣкъ, неимѣющій обдуманнаго плана и вѣрной цѣли, не можетъ имѣть шакого присущства, шакой швердоспи духа!

Онъ конечно уже сдѣлалъ заранѣе—смѣлое предначертаніе свое; и цѣль, для насъ непоспимая, для него очень ясна! Онъ дѣйствуетъ какъ *Провидѣніе*, невнятное пушыхъ воплей смертныхъ, и шернистыми пушями влекущее ихъ къ собственному ихъ благу.— Когда *Колумбъ*, посредствомъ глубокихъ соображеній, первый предугадалъ о существованіи новаго міра, и поплылъ къ нему чрезъ неизмѣримыя пространства вода, по спутники его, видя новыя звѣзды, незнакомое небо и неизвѣстныя моря, предались было молодужному опчаянію и громко возропшали. Но великій духомъ, не колеблясь ни грознымъ волненіемъ стихій, ни бурею спрасшей человѣческихъ, видѣлъ ясно предъ собою отдаленную цѣль свою, и велъ къ ней вѣреннѣйшему ему *Провидѣніемъ* корабль. Такъ, Главнокомандующій арміями, Генералъ Барклай де

Толли, проведшій съ такою оспорожносною войска наши опѣ Немана и доселѣ, что не далѣ опрѣзашь у себя ни малѣйшаго опряда; не пошерявѣ почти ни одного орудія и ни одного обоза: сей благоразумный Вождь конечно увѣнчаешь предназначія свои желаннымѣ успѣхомѣ.— Пошерянное можешь возвратить; обращенное вѣ пепелѣ возродишья вѣ лучшей красотѣ.— Щедропы Александра обновяшь края, опустошенныя Наполеономѣ. . . . Всего удивительнѣе для меня необычайная пвердосшь ведущаго арміи наши.— Смотри на него, я воображаю Катона и прекрасное мѣсто изѣ Лукановой поэмы, гдѣ авторѣ представляешь сего великаго мужа подѣ пламеннымѣ небомѣ Африки, среди раскаленныхѣ песковѣ Ливіи, превозмогающаго зной, жажду и великую скорбь душевную. Тушѣ же и прекрасный Гораціевѣ

стихъ самъ собою приходилъ
на умъ:

„И на развалинахъ попоранная все-
ленной,
„Катонъ, подъ бурями, непоколебимъ,
стоитъ!“ . . .

17 Августа.

Съ какимъ прискорбiемъ осматриваютъ они дома, въ которыхъ родились, возросли и были счастливы! Бѣдные жилища злополучныхъ странъ!

Въ одномъ прекрасномъ домѣ, близъ дороги, написаны на стѣнѣ женскою рукою сiи просьбы, но для всякаго проташельнаго слова:

Прости, моя милая родина! —

Другъ мой! настаютъ времена, когда и богачья, осматривая великолѣпныя чершогы, равняющяся съ бѣдными и умножающя шолпы бѣгущихъ. . . . Война народная часъ отъ часу являешя въ по-

вомъ блескъ. Кажется, что сгарающія селы возжигаютъ огонь мщенія въ жишеляхъ. Тысячи поселянъ, укрываясь въ лѣса, и превративъ серпъ и косу въ оружія оборонительныя, безъ искусства, однимъ мужествомъ отражаютъ злодѣевъ. Даже женщины сражаются!... Сего дня, крестьяне Гжашскаго уѣзда, деревень Князя Голицына, вышѣснены будучи изъ однихъ засѣкъ, переходили въ другіе сосѣдственныя лѣса черезъ то селеніе, гдѣ была главная кваршира. Тамъ перевязывали многихъ раненыхъ. — Одинъ 14-лѣтній мальчикъ, имѣвшій насквозь прострѣленную ногу, шелъ пѣшкомъ и не жаловался. Перевязку вышерпѣлъ онъ съ большимъ мужествомъ. Двѣ молодыя крестьянскія дѣвки ранены были въ руки. Одна бросилась на помощь къ дѣду своему; другая убила древеснымъ сукомъ Француза, поранившаго ее машь, —

Многіе имѣли прострѣленные шапки, полы и лапши. — Вошѣ почтенные поселяне-воины! — Они горько жаловались, что бывшій у нихъ управитель Полякъ, ошобравъ у нихъ всякое оружіе при приближеніи Французовъ. Долголь Руекіе будущъ поручашъ дѣшей своихъ Французамъ, а креспьянъ Полякамъ и прочимъ пришельцамъ? . . .

Того жъ числа.

Теперь начальствуешъ арріергардомъ и почти ежедневно сражаешся Генералъ-Лейшенантъ Коновницынъ, воинъ почтенный лѣшами, заслугами и подвигами. У него Адьюшаншомъ и правителемъ Канцеляріи общій совоснишанникъ и другъ нашъ Ахшарумовъ, съ кошорымъ я иногда видаюсь. — Бышъ бою кровавому, бышъ великому сраженію! — Всякой разъ, когда, идя съ солдатами

во время ночныхъ переходовъ, завожу съ ними разговоръ или слушаю ихъ разговаривающихъ, по во всѣхъ поступкахъ ихъ замѣчаю ревностное и пламенное желаніе *стать и сражаться!* Горящія окрестности, разоряемыя церкви, поруганная Святыня и сшонъ жилищей, съ неизвѣстною силою дѣйствующъ на души ихъ. О! какъ добры и благочестивы солдаты Рускіе! Чего не лзя съ ними сдѣлать? Никшо не умѣешь шакъ оцѣнить и помнишь храброси Офицера, какъ они. — Одинъ усасшый гренадеръ, когда я съ нимъ вчера разговаривалъ и объявилъ свое имя, сказалъ мнѣ: „да не родня ли вамъ Глинка, въ „Либавскомъ полку, что былъ „подъ Смоленскомъ въ стрѣлкахъ?“ — Это братъ мой, ошвѣчалъ я. — „Онъ прехрабрый, сударь, человекъ! говорилъ гренадеръ: съ нимъ весело ходишь *впередъ!*“ — Вошъ нечаянное при-

вѣнствіе — и самое лестное! —
 Ощчасу болѣе разпространяешся
 слухъ о скоромъ прибытіи къ
 арміи Свѣплѣйшаго Князя, Гра-
 фа Голенищева - Купузова. Гово-
 рящъ, что народъ вспрѣчаетъ
 его повсюду съ неизвѣстными
 восшоргомъ. Всѣ жители горо-
 довъ выходящъ на вспрѣчу, оп-
 прягающъ лошадей, везущъ на
 себѣ карешу; древніе шарцы за-
 славляющъ внуковъ лобызашъ
 шопы его; мащери выносящъ
 грудныхъ младенцевъ, падающъ
 на колѣни и подымающъ ихъ къ
 небу! Весь народъ называетъ его
спасителемъ. Государь сказалъ
 ему: „иди спасать Россію!“ —
 Россія, указывая на раны свои,
 вопіетъ: „спаси меня!“ — Без-
 смертіе уже гошовищъ мѣсто на
 сврижалѣхъ своихъ, чтобъ пере-
 дать имя его въ безконечность
 временъ. — Помнишь, какъ мы
 восхищались неподражаемымъ мѣ-
 стомъ въ Мармоншелевомъ Вели-

саріи, гдѣ онѣ представляешъ сего великаго мужа проходящимъ чрезъ шѣ самыя обласши, копорыя спасъ отъ гибели, и повсюду собирающимъ безцѣнные дани нелестнаго усердія народа. О, какъ различна слава бичей и спасишлей народовъ! —

18 Августа.

Наконецъ прибылъ сей лаврами и сѣдинами увѣнчанный Вождь! Нѣкошорые изъ почетныхъ Гжашскихъ купцовъ привезли его сами на прекрасныхъ своихъ лошадяхъ въ селеніе Царево-Займище. — Я сей часъ видѣлъ Свѣшлѣйшаго Голенищева-Кушужева, сидящаго на простой скамьѣ подлѣ одной избы; множество Генераловъ окружали его. Радость войскъ неописанна. У всѣхъ лица сдѣлались свѣшлѣе, и военные бесѣды вокругъ огня радостнѣе.

Дымныя поля биваковъ начинаюшъ оглашаться пѣснями.—

20 А В Г У С Т А .

Какъ неспрудно понравилъся солдашу! Должно показать шолько ему, что забошишь о судьбѣ его, что вникаешь въ его состояніе, что потребуешь отъ него необходимо нужнаго и ничего излишняго. Когда Свѣтлѣйшій Князь обѣзжалъ въ первый разъ полки, то солдашы засушились было, начали чисшиться, шянушъ и спроишъ. „Ненадо! „ничего эшаго ненадо! говорилъ „Князь: я прѣхалъ шолько по- „смошрѣшь, здоровы ли вы, дѣши „мои! Солдашу въ походѣ не о „щегольствѣ думашъ: ему надоб- „но ошдыхашъ послѣ шрудовъ и „гошовишъ къ побѣдѣ.” — Въ другой разъ увидѣвъ, что обозъ какого-шо Генерала мѣшаешъ идши полкамъ, онъ шотъ часъ ве-

„Абъ освободишь дорогу, и громко
 говорилъ: „Солдашу въ походѣ
 „каждый шагъ дорогъ: скорѣй
 „придешъ, больше отдыхашъ бу-
 „дешъ!“ — Такія слова Главно-
 командующаго все войско напол-
 нили къ нему довѣренностію и
 любовью. „Вошъ шо-шо прѣхалъ
 „нашъ башюшка!“ говорили сол-
 дашы; „онъ всѣ наши нужды
 „знаешъ: какъ не подрашъся съ
 „нимъ; въ глазахъ его всѣ до од-
 „ного ради головы положишь.“ —
 Бышъ великому сраженію!

Всѣ общошпельства предвѣща-
 юшъ сраженіе, долженствующее
 рѣшишь судьбу Ошечесства. Гово-
 ряшъ, что въ послѣдній разъ,
 когда Свѣплѣйшій осмашривалъ
 полки, орелъ явился въ воздухѣ
 и парилъ надъ нимъ. Князь обна-
 жилъ сѣдинами украшенную го-
 лову: все войско закричало ура! —
 Въ сей же день Главнокомандую-
 щій приказалъ служить во всѣхъ
 полкахъ молебны Смоленской Бо-

жіей Машери, и для иконы ея, находившейся при арміи, сдѣлашь новый приличный кивотъ. Все это восхищаетъ солдатъ и всякаго!

На сихъ дняхъ Смоленскій помѣщикъ нашъ Реадъ привезъ двухъ сыновъ, прекрасныхъ молодыхъ людей, и просилъ опредѣлишь ихъ въ службу (*). Другой Смольянинъ, Ропмиспръ Клатковъ, оспавя прекрасную жену и пятерыхъ дѣшей, пріѣхалъ служишь, и опредѣлился къ почтенному Генералу *Аихатеву*, кошорый опъ шяжкой боли едва передвигая ноги и почти совсѣмъ не владѣя руками, ѣздишь на дрожкахъ при своей дивизіи и бываешь въ сраженіяхъ.

Вопъ что значишь война-отестественная! . . .

(*) Три старшихъ сына сего почтеннаго дворянина, были уже прежде въ службѣ. Въ продолженіи войны четверо изъ нихъ ранены.

21 А В Г У С Т А .

Мнѣ кажется, я переселился со-
всѣмъ въ другой свѣтъ! — Куда
ни взглянешь, все пылаешь и ку-
ришься. Мы живемъ подъ пучами
дыма и въ области огней. Смерть
все ходишь между и около насъ!...
Она такъ и шрещя промежъ ря-
довъ. — Нѣтъ человека, который
бы не видалъ ее каждый день, и
каждый день цѣлыя тысячи до-
скаются ей на жершву!... Здѣсь
люди исчезаютъ какъ шѣни. Сего
дня на землѣ, а завтра подъ
землею!... Сего дня смѣемся съ
другомъ; завтра плачемъ надъ его
могилою!... Тутъ цѣлыми обще-
ствами переходяшь изъ сего на
тошъ свѣтъ такъ легко, какъ
будно изъ дому въ домъ! — Уди-
вительно, какъ привыкли здѣсь
къ смерти, въ какихъ бы видахъ
не являлась: свисшишь ли въ пу-
ляхъ, сбѣтсся ль въ градъ кар-
течь, или шумишь въ полешѣ
ядеръ и вылетаешь изъ лонаю-

щихъ бомбъ — ее никто не пугается. Всякой дѣлаешь свое дѣло и лежишь въ могилу, какъ въ носпель. — Такъ умирають сіи благородные защитники Отечества! сіи достойные Офицеры Рускіе. Солдаты видящъ ихъ всегда впереди. Опасность окружаетъ всѣхъ, и пуля рѣдкаго минуешь! . . .

22 А В Г У С Т А .

Никогда, думаю, не молились Рускіе съ такимъ усердіемъ, какъ сего дня! Поушру полки разположились около Колоцкаго монастыря. Тамъ еще оставались два или три посѣдѣлыхъ монаха. Цѣлый день церковь была опперша и полна. Я былъ у вечерни. Унылой стонъ колокола, тихое пѣніе, синеватый сумракъ, слегка просвѣпляемый тѣмною лампадою и нѣсколькими свѣчьми, которыя чуть шептались предъ

древними иконами: все сіе вмѣстѣ чудеснымъ образомъ разнолагало душу къ молишвѣ. Глубокое молчаніе почивало во храмѣ. Никшо не смѣлъ нарушить его. Въ сіи мгновенія души и сердца Рускія были въ шайной бесѣдѣ съ Божесшвомъ. У нѣкошорыхъ шолько извѣ молящихся избышюкъ грусти вырывался въ шихихъ рыданіяхъ, мѣшаясь съ дрожащимъ голосомъ убѣленнаго сѣдинами шарца. —

Видѣ пылающаго Опечештва, бѣгущаго народа, и неизвѣшность о собшвенной судьбѣ, сильно стѣснили сердце. Я вышелъ и смошрѣлъ на заходящее солнце, которое усилывалось сохранишь блескъ свой въ мушныхъ облакахъ, гонимыхъ холоднымъ вѣшромъ. Ужъ ли, думалъ я, и древняя слава Россіи угаснешъ въ буряхъ какъ оно! . . . Нѣшъ! возспалъ *духъ Руской земли!* Онъ спалъ богашырскимъ сномъ, и

пробудился въ величественномъ могуществѣ своемъ. Уже повсюду наносишь онъ удары злодѣямъ. — Нигдѣ не здаешься: не хочешь бышь рабомъ. Онъ засѣдаетъ въ лѣсахъ, сражаешься на пеплѣ селѣ, и просишь поля у врага, готовишь снасть и бишься съ нимъ цѣлые дни. —

Всѣ признаки великаго сраженія часъ опъ часу болѣе спано-
 ваясь видимы. Непрiятель сово-
 купляя силы свои, каждой день съ
 большею дерзостiю надвигаетъ.
 Силы его несмѣшны!... Онъ ши-
 ряется въ право и въ лѣво, и шем-
 нѣюшь какъ дремучiя лѣса, или
 ходяшь какъ пучи, изъ кошо-
 рыхъ, по временамъ, спрѣляетъ
 громъ!...

23 А в г у с т а .

„Тутъ ошановимся мы и бу-
 демъ сражашься!“ думалъ каждой,
 завидя вышины Бородинскiя, на

копорохъ устроили батареи. Войска перешли Калочу, впадающую здѣсь же, въ селѣ Бородинѣ, въ Москву рѣку, и устроились на пропашеніи холмовъ, омываемыхъ слияніемъ сихъ двухъ рѣчекъ. Спало войско — и не спало ни жавъ, ни деревень: первыя прищипаны, другія снесены. „Война идетъ, и мешетъ!“ Такъ говоришься издавна въ народѣ. Можешь ли бышь бѣдствіе лютейшее войны? . . .

Наступаетъ вечеръ. Наши опываются неушомимо. Засѣками городяшъ лѣса. Пальбы нигдѣ неслыхашъ. Тамъ, вдали, непріятель разводитъ огни; въшерьъ раздуваетъ пожары; и зарево выше и выше восходитъ на небеса! — По послѣднему разположенію войскъ, у насъ на правой рукѣ Милорадовичъ; на лѣвой Князь Баграціонъ; въ срединѣ Докшоровъ. Глава всѣхъ войскъ Князь Кутузовъ, подъ нимъ Барклай де

Толли. Ожидаяшъ непріятеля и сраженія. — Прощай! —

24 А В Г У С Т А .

Ошдаленной громъ пушекъ привѣщивовалъ восходящее солнце. Генералъ Кановицынъ, съ передовыми полками, схватился съ непріятелемъ подъ стѣнами Колоцкого монастыря. — Вошъ идущъ они: одинъ искусно уклоняется, другой — нагло влечетъ гремящія тысячи свои прямо на насъ. — Толпы его, шпанувшіяся по дорогѣ, вдругъ распахнулись въ право и въ лѣво. Смотрише, какая необозримость сихъ движущихся стѣнъ! ... Поля дрожащъ, кажутся, гнутся подъ множествомъ конныхъ; лѣса насыпаны снѣжками; пушки вышягивающа изъ долинъ и кустарниковъ, и въ разныхъ мѣстахъ, разными пронами пробирался, на холмы и пригорки, взвѣзжающъ. — Многочисленное

войско непріятельское колеблется: кажется въ нерѣшимости. Вошъ пошатнулось было въ лѣво, и вдругъ повалило на право. Огромныя полчища двинушя на лѣвое наше крыло. — Рускія спокойно смошряшъ на все съ укрѣпленныхъ высотъ своихъ. — Пыль, взвившаяся до небесъ — усѣдкешся. Даль яснѣетъ. Непрідатель къ чему-то готовишя. Посмошримъ къ чему? . . .

24 Августа Поздно въ вечеру.

Непрідатель, какъ шуча, засинѣлъ, сгустившишя, прошивъ лѣваго нашего крыла, и съ быспрешою молніи ударилъ на оное, хопя все сбиль и уничтожишя. — Но Князь Багратионъ, Генералъ Тугковъ, храбрый Графъ Воронцовъ и прочіе, призвавъ на помощь Бога, укрѣпиль своимъ мужешвомъ, и оградяшя шшыками Рускими, ошбросили далеко пѣхошу.

дерзко приспупавшую къ баша-реямъ. Пушки наши дѣйствовали чудесно. Кирасиры врубались съ неимовѣрною отважностію. Раздраженный непріятель нѣсколько разъ повпорялъ свои нападенія, и каждой разъ былъ опраженъ. Поле покрылось грудами шѣлъ.— Во все время, какъ мѣлкой огонь гремѣлъ неумолчно и небо дымилось на лѣвомъ крылѣ, Князь Михаила Ларіоновичъ сидѣлъ на своей деревянной скамейкѣ, которую за нимъ всегда возили, у огня, на срединѣ линій. Онъ казался очень покоенъ. Всѣ смотрѣли на него, и, какъ сказать, черпали отъ него въ сердца свои спокойствіе. Въ рукахъ его была нагайка, которую онъ то помахивалъ, то чертилъ что-то на песокъ.— Казалось, что весь онъ превратился въ слухъ и зрѣніе, то вслушиваясь въ гремящіе переходы сраженія, то внимашельно обзрѣвая положеніе мѣствъ.— Часно

пересылался съ нимъ Баграпионъ. — Ночь прекрашила бой и засвѣшила новые пожары. — Прощай до завтра !

25. У т р о :

Все тихо. Непрiяшель отды-
хаешъ; перевязываешъ вчерашнiя
раны, и окапываешъ лѣвое крыло
свое. — И наши не дремляшъ : —
готовятся ! —

25. С у м е р к и .

Я почти цѣлый день просидѣлъ
на колокольѣ въ селѣ Бородинѣ.
Опшуда, въ зришельную шруб-
ку — все, какъ на ладони ! — Они
роюшся, какъ крошкы, въ землѣ;
спрояли протромные редуты,
а пушекъ, пушекъ, и сказашь
спрашно ! — На одномъ только
окопѣ нащипалъ я — сто ! — Но
не одинъ я задержанъ былъ любо-
пытствомъ на колокольѣ : мно-

гіе Генералы всходили шуда же. —
 Общее мнѣніе было, что непріятель для того огораживаешъ лѣвое крыло свое, чтобъ свеспи всѣ войска на правое, и съ сугубымъ усиленіемъ ударить на лѣвое наше. — На средину такъ же ожидали нападенія. — Но вотъ уже сумерки! Вѣшерьъ подымается съ воємъ, и гулитъ по шалашамъ. Французы отаборились, и засвѣтили огни. Я забылъ сказать, что почти цѣлой день шайки ихъ стрѣлялись съ нашими егерями: наши не давали имъ нишъ изъ Калочи. — Прощай — темно! иду доспавашъ свѣчи. —

Съ 25 на 26. ГЛУБОКАЯ НОЧЬ.

Все безмолвствуетъ! ... Рускіе, съ чѣстною безупречною совѣстію, тихо дремлютъ, облегли дымящіеся огни. Спорожевыя цѣпи пересылаютъ одна другой прощяныя отголоски. Эхо чуетъ

впоритъ имъ. На облачномъ небѣ изрѣдка искрятся звѣзды. Такъ все покойно на нашей сторонѣ.—

Напрошивъ того: ярко блестящія упроеенные огни въ *таборахъ* (*) непріятельскихъ; музыка, пѣніе, трубные гласы и крики по всему шану ихъ разносятся.— Вотъ! слышны восклицанія! — Вотъ еще другія!... Они вѣрно привѣтствуютъ развѣзжающаго по спроямъ Наполеона. Точно такъ было предъ Аусшерлицкимъ сраженіемъ. Что будешь завтра? — Вѣрвь гасишь свѣчу; а сонъ смыкаешь глаза. — Прощай! —

29 Августа. Окрестности Москвы.

Заспонала земля, и пробудила спавшихъ на ней воиновъ. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Такъ началось безпримѣрное сраженіе Бородинское, 26

(*) *Таборъ* значить кажется бивакъ (bivouaque).

Августа. Туча ядеръ, съ визгомъ пролешевшихъ надъ шалашомъ нашимъ, пробудила меня и поварищей. Вскакиваемъ, смопримъ—гусшой шуманъ лежишъ между нами и ими. Заря только что начинала зажигаться. Неприсяель подвезъ нѣсколько сошъ орудій, и открылъ цѣлой адъ. Бомбы и ядры сыпляшя градомъ. Трескъ и взрывы повсемѣстны. Одни шалаши валяшя; другіе пылаютъ!— Войска бѣгутъ къ ружью и въ огонь.— Все сіе происходило въ *срединѣ*; а на лѣвомъ крылѣ нашемъ давно уже свирѣѣла гроза въ непрерывныхъ перекашахъ грома пушекъ и мѣлаго ружья. Мы проспились съ брашомъ. Онъ побѣжалъ съ спрѣлками защищать мостъ.— Большую часть сего ужаснаго дня проводилъ я то на главной башарѣ, гдѣ находился *Свѣтлѣйшій*, то на дорогѣ, гдѣ перевязывали раненыхъ.— — Мой другъ! я видѣлъ сіе неимовѣрно-жесто-

кое сраженіе. и ничего подобнаго въ жизнь мою не видалъ, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ и едва ли читывалъ. —

Я былъ подъ *Аустерлицемъ*; но по сраженіе, въ сравненіи съ симъ—сшибка! Тѣ, копорые были подъ *Прейсишъ-Эйлау*, дѣлающъ почти такое же сравненіе.—Надобно имѣть въ виду *Микель-Анжело*, изобразившую спрашной судъ, чтобъ осмѣлишься предсавить сіе ужасное побоище.—Подумай только, что до 400 тысячъ лучшихъ воиновъ, на самомъ мѣстномъ, по многочисленности ихъ, проспрансхвъ, почти, такъ сказать, полкаясь головами, дрались съ неслыханнымъ ошчальніемъ: 2000 пушекъ гремѣли безпрерывно. Тяжко воздыхали окрестности — и земля, казалось, шаталась подъ бременемъ сражающихся. Французы мешались съ дикимъ ошервененіемъ; Русіе остояли съ неподвижностью швер-

дѣйствіяхъ свѣнѣ. Одни спремилась дорваться до вождѣленнаго конца всѣмъ шрудамъ и дальнимъ походамъ, загребши сокровища, имъ обѣщанныя, и насладились всѣми ушѣхами жизни въ древней знаменишой столицѣ; другіе помнили, что заслоняющѣ собою сію самую столицу, сердце Россіи и мать городовъ. Оскорбленная вѣра, разоренныя области, поруганныя олшари и прахы ошцовъ, обиженные въ могилахъ, громко вопіяли о мщеніи и мужествѣ.

Сердца Рускія внимали священному волю сему, и мужество нашихъ войскъ было неописанно. Они, казалось, дорожили каждыя вершкомъ земли и бились до смерти за каждой шагъ. Многія башарей до десяти разъ переходили изъ рукъ въ руки.— Сраженіе горѣло въ глубокой долинь, и въ разныхъ мѣстахъ, съ огнемъ и громомъ, на высопы всходило.

Густой дымъ заспустилъ мѣсто шумана. Сѣдыя облака клубились надъ лѣвымъ крыломъ нашимъ, и заслоняли средину; между шѣмъ какъ на правомъ сіяло полное солнце. И самое свѣшило сіе мало видало такихъ браней на землѣ съ шѣхъ поръ, какъ освѣщаетъ ее. — Сколько пошочковъ крови! сколько тысячъ шѣлъ! „Не заглядывайте въ эшотъ лѣсокъ,” сказалъ мнѣ одинъ изъ лекарей, перевязывавшій раны: „шамъ цѣлые ностры оппиченныхъ рукъ и ногъ!” . . . Въ самомъ дѣлѣ въ рѣдкомъ изъ сраженій прошлаго вѣка бывало вмѣстѣ столько убитыхъ, раненыхъ и въ плѣнѣ взятыхъ, сколько подъ Бородинымъ оторванныхъ ногъ и рукъ было. — На мѣстѣ, гдѣ перевязывали раны, лужи крови не изсыхали. Никогда не видалъ я такихъ ужасныхъ ранъ. Разбитыя головы, оторванные ноги и размозженные руки до плечъ были обыкновенны.

Тѣ , которые несли раненыхъ , облипы были съ головы до ногъ кровью и мозгомъ своихъ товарищей. . . .

Сраженіе не умолкало ни на минуту, и дѣлой день продолжался бѣглою огонь изъ пушекъ. Бомбы, ядра и картечи лешали здѣсь шакъ густо , какъ обыкновенно лешающъ пули; а сколько здѣсь пролетѣло пуль!.. Но это сраженіе неописанно: я сдѣлалъ только абрисъ онаго. — По щасію , на то самое мѣсто , гдѣ случился я съ брашомъ , привели уже около вечера брата нашего Григорія. Онъ былъ раненъ пулею въ голову. Рана опасна, но не смертельна. Искусной лекаръ перевязалъ ее. — Вечеръ наступалъ , и непріятель началъ уклоняться. Рускіе ушояли! — Мы благословляли небо, и поспѣшили проводить раненаго въ Можайскъ. —

30 А в г у с т а .

„Такъ восходило оно въ день Аусперлицкаго сраженія!“ — сказалъ *Наполеонъ* предъ спроемъ войскъ, указывая на восходящее солнце. Надменный вождь хотѣлъ заранѣе чашать побѣду въ небесахъ? но предвѣщанія его не сбылись. — О, мой другъ! какое ужасное сраженіе было подъ *Бородинымъ*! Сами Французы говоряшъ, что они здѣлали 60,000 выспрѣловъ изъ пушекъ, и потеряли 40 Генераловъ! — Наша потеря шайже очень велика. *Князь Баграціонъ* шайжео раненъ. — „Оцѣнка людей, говоришъ премудрая *Екатерина*: не можешъ сравняшъся ни съ какими денежными убытками!“ Но въ войнѣ опечесшвенной и люди — ничто! Кровь льешся какъ вода: нишо не щадитъ и не жалѣетъ ее! — Нѣшъ, другъ мой! ни берега *Дунай* и *Рейна*, ни поля *Италіи*, ни предѣлы *Германіи* давно, а можешъ

бышь и никогда еще не видали
 споль жаркаго, споль кровопро-
 лишнаго и споль ужаснымъ гро-
 момъ пушекъ сопровождаемаго
 сраженія! — Одни шолько Рускіе
 могли устоять: они сражались
 подъ опечесшвеннымъ небомъ, и
 стояли на родной землѣ —

Однакожь Наполеонъ не остано-
 вился въ Бородинѣ: онъ вле-
 чешъ пронзенныя толпы свои
 прямо къ Москвѣ. Тамъ Милора-
 довичъ, начальствуя передовыми
 войсками, приемишъ всѣ удары
 на щипъ свой. Здѣсь составляеш-
 ся совѣщаніе объ участи Москвы.

Что будетъ? — Богу знашь! —

П. П. Я бы писалъ къ тебѣ
 болѣе и пространнѣе; но онъ не-
 сшершимой головной боли едва
 могу мыслишь. Въ теченіи всего
 этого времени, имѣвъ всегда по-
 спешью сырую землю, я сильно
 просшудилъ голову. — Лучшее опи-

саніе Бородинскаго сраженія по-
лучишь развѣ со временемъ. —
Прощай! —

2 СЕНТЯБРЯ.

Мы привезли раненаго брата
нашего въ Москву. Вотъ уже дру-
гой день, какъ я въ Столицѣ,
которую такъ часто видалъ въ
блещащемъ ея великолѣпнн, среди
шоржесствъ и пированій, и ко-
торую теперь едва, едва могу
узнать въ глубокой ея печали. О,
другъ мой! что значишь блескъ
городовъ, очаровывающій чувства
наши? Это самая шлѣнная по-
луда на мѣди, позолота на пи-
люль! Опшняли у Москвы много-
людство, движеніе народа, суешу-
спрасшей, снукъ карешъ, богат-
ство украшеній — и Москва, осн-
рошлалая, пустая, ничѣмъ не раз-
нишиа отъ просшаго уѣзднаго
города! — Все уѣхало или уѣзжа-
етъ отсюда. Вчера братъ мой,

Сергій Николаевичъ, выпроводилъ жену и дѣшей своихъ. Сегодня жегъ и рвалъ онъ всѣ Французскія книги изъ прекрасной своей библіюшеки, въ богатыхъ переплетахъ, истребляя у себя всѣ предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лѣтъ пишетъ въ пользу Опечесства, прошивъ заразъ Французскаго воспитанія, прощипельно доходишь до такой степени огорченія въ шѣ минушы, когда злодѣи уже приближаются къ самому сердцу Россіи. Я забылъ сказать шебѣ, что Государь, въ послѣдній прїездѣ свой въ Москву, пожаловалъ ему Владимірской креснѣ при слѣдующихъ словахъ: „за любовь вашу къ опечесству, „доказанную *согнненіями* и *дѣлами* вашими.“— Мы было всѣ пять братьевъ свѣхались въ Москву; но пребыли вмѣстѣ не болѣе дня. Братъ мой Иванъ уѣхалъ къ Князю Лобанову-Росшовскому, который взялъ его къ себѣ въ

Адьюпаншы. . . . Уже врагъ въ Москвѣ! Уже Французы въ священныхъ стѣнахъ древняго Кремля. . . . А мы, въ слѣдъ за Русскими войсками, пробираемся на Рязанскую дорогу. Древняя Столица Сѣвера, послѣ двухъ столѣтней свободы, должна опять почувствовать пятолу оковъ иноземныхъ! —

4 СЕНТЯБРЯ. БОРОВСКОЙ ПЕРЕВОЗЪ.

Москва въ слезахъ; Москва уныла,
Какъ темная въ пустынь ночь! —

Такъ говорилъ я, вмѣстѣ съ однимъ изъ превосходнѣйшихъ Поэтовъ нашихъ, стоя на высокомъ *Мятковскомъ курганѣ* у Боровскаго перевоза на Москвѣ рѣкѣ. — Я видѣлъ старающую Москву! Она, казалось, погружена была вся въ огненное море. Огромная черно-багровая шуча дыма висѣла надъ нею. Картина ужасная! . . .

Войска наши предпринимають какое-то очень искусное движение въ лѣво. Потеря Москвы не есть еще потеря Отечества. Такъ скажетъ исторія, и такъ говоритъ Главнокомандующій: шаковъ есть голосъ всего войска; тошоваго сражашься до послѣдней капли крови! — Ты знаешь, что въ 1571 году, при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, вся Москва раззорена и предана была пламени набѣжавшимъ съ ордою Ташарѣ Крымскимъ Ханомъ Дивлетѣ-Гиреемъ въ 24 день Маія. „Всѣ улицы наполнены были кровью и трупамн, и Москва рѣна мершвыхъ не пронесла!“ такъ повѣствуетъ Лѣтописецъ, — Въ 1612 году она шерѣбла почти шакую же участь, и славно избавлена Пожарскимъ! —

Одинъ знаменитый писатель (*) говаривалъ часто, что время на-

(*) Лейбницъ.

стоящее беременно будущимъ. А по сему-то, видя въ настоящемъ всеобщее вооруженіе, воскресшій духъ народный, швердосшь войскъ и мудросшь Вождей, я предчувствую, что будущее, рожденное щасливыми обстоятельствомъ настоящего, должно бышь нѣкошорымъ образомъ повтореніемъ прошедшаго: оно должно возвратишь намъ свободу, за которую шенерь, какъ и прежде, все ошолчаешся. — Другъ мой! будемъ молишься — и надѣяшься! —

Сентября 10. Рязань.

Съ какими шрудами, неприяшностями и препяшшвіями сопряжено всеобщее бѣгство!... По Рязанской Губерніи въ нѣсколькихъ мѣстахъ переправляющся одну шолько Оку, и ни въ одномъ мѣстѣ нѣшъ порядочной переправы! Ни къ чему годные па-

ромы, на вешкихъ канашахъ, едва могутъ водить десять лошадей и нѣсколько человекъ тогда, какъ сотни проѣзжающихъ ожидаютъ на берегу. Раненые Офицеры больше всего при себѣ спраждутъ. Цѣлая семья живущая здѣсь на пустомъ берегу, въ ожиданіи очереди переправиться. Жена одного знакомаго намъ Московскаго жителя, который простоялъ на переправѣ свое сущее, разрѣшилась отъ бремени. Положеніе отца было самое печальное; ибо нѣгдѣ было взять никакихъ средствъ для вспоможенія болящей и младенцу. — Я еще въ первый разъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и въ первый разъ вижу, что Россія здѣсь такъ мало населена. Какія обширныя поля и какъ мало жилищъ! Кажется, что вся населенность въ Россіи сдвинулась къ ея границамъ. Если бы можно было сдѣлать противоположное, чтобы народъ спѣсился

ближе вокругъ сердца своего Ощещства; а *стели* ошдѣлили бы его ошѣ чуждыхъ спранѣ, дабы разврашѣ и оружіе иноплеменниковѣ не шакѣ легко проникали вѣ него! —

Чшо сказать шебѣ болѣе о нашемѣ спранспвованіи?— Мы проѣхали Коломну, очень порядочный городѣ, пониже кошораго сливается Москва рѣка сѣ Окою. Я едва успѣлѣ взглянуть шамѣ на древнія развалины очень красивыхъ башенѣ; вихрь всеобщаго смяшенія умчалѣ и насѣ сѣ собою далѣе. Миѣ очень хотѣлось найши здѣсь Подполковника Аршиллеріи, двоюроднаго брата моего и друга *Владиміра Глинку*, кошорый, помнишь, былѣ сѣ нами вмѣсшѣ вѣ Корпусѣ; но онѣ уже ушелѣ сѣ рошою своею куда-шо за Оку. — Мы проѣзжали Зарайскѣ, прелестный городокѣ на берегу свѣшлой рѣки Осетра, впадающей вѣ Оку. Тамѣ осмошрѣлѣ

я шаринную крѣпость, называемую *Кремль*. Говоряшъ, что предки наши были непросвѣщенны; однакожь они умѣли выбирать самыя выгодныя мѣста для своихъ Кремлей (*). Зарайской Кремль служишъ сему доказательствомъ. Стоя на возвышенномъ мѣстѣ, онъ преграждаетъ переправу на рѣкѣ и можетъ дѣйствовать орудіями своими далеко по дорогѣ, извивающейся по чиспымъ и гладкимъ полямъ, по копорой прихаживали шуда Ташары. — Почти вся Рязанская Губернія полиста и безгорна: кое гдѣ холмишся. Въ каждой лоцинѣ хушорѣ или деревенька. Ручей и рошица суть сокровища въ сей споронѣ. Земля опмѣнко хлѣбородна. Женщины здѣшнія ходяшъ въ шушунахъ и на головѣ носяшъ остроугольныя китки, ко-

(*) Кремль, слово Ташарское значишъ крѣпость.

шорыя придаюшъ имъ необыкновенный ростъ. Онѣ говорятъ проѣзжимъ: „добрый господинъ, *кашатикъ*;” одна другой говорятъ: „подруга *ластушка*.”— Мужчины великорослы, свѣжи, бѣлошлы; въ обращеніи нѣсколько суровы.— Объ Рязани, по причинѣ крапнаго въ ней пребыванія, не скажу тебѣ ни слова. Я замѣшилъ только, что лучшей и огромнѣйшей изъ всѣхъ домовъ въ ней есть домъ *Откупщика*. Какъ разживаются у насъ откупщики и Французы учили!... Мы полагали, что въ такомъ городѣ, какъ Рязань, будетъ приютъ для раненыхъ; но имъ велятъ убраться въ Касимовъ; мы ѣдимъ съ брашомъ шуда.— И здѣсь все волнуется. Богъ знаетъ отъ чего? — Народъ суешливъ! —

Не припомнишь ли ты въ прошлогоднемъ *Вѣстникѣ Европы* одной очень остроумной сшашьи! — Это было какое-то *сновидѣніе*, кошорое теперь можно назвашь пророческимъ. Человѣкъ писавшій сей оприворъ, сквозь *цѣлой годъ будущаго*, видѣлъ сбывающееся нынѣ. Онъ видѣлъ, говоришь онъ, во снѣ, что будшо на Россію здѣлалось *нашествіе* и Москва окружена — *Татарами!* — Сшонъ и вопли повсемѣсны. Но побѣдоносный Ханъ *Узлу-къ-узлу* смягчается слезами нѣжнаго пола. Онъ позволяешь, каждой женщи-нѣ, вынести нас ебѣ шо, *что ей всего дороже*. Зришель во снѣ съ нешерпѣніемъ ожидаешь, что или кого сшанушь выносишь? ... На-конецъ открылись зашавы и по-валили шолпы женщинѣ. У больш-шой части изъ нихъ ноши были легки: онѣ несли шляпки, шали, лѣншы, кружева и прочія, освя-

ценныя *модю* бездѣлки. Иныя тащили кипы романовъ; другія уносили любимыхъ постельныхъ собачекъ, кошекъ, попугаевъ, кучи сладкихъ записочекъ и раззолоченныхъ альбомовъ. — Вдругъ мелькаетъ знакомое лице: жена любопытнаго зришеля.

Съ помощію нѣсколькихъ дюжинъ горнишныхъ дѣвушекъ тащитъ она на себѣ преогромной коробъ. Вотъ шумъ-то вѣрно спряшаны дѣши мои, думаешь чадолюбивый отецъ, и бѣжитъ въ слѣдъ за женою. Молодая супруга останавливается, бережно опускаетъ коробъ, съ нешерпѣніемъ открываетъ его и — ошшуда выскакиваетъ — Французъ — учитель!!! — Бѣдной мужъ ахнулъ и проснулся! — А теперь не проснешься, видя подобные случаи; ибо видишь ихъ — на яву!... Съ какимъ стараніемъ, сія скачущія за Волгу, увозятъ съ собою Французовъ и Француженокъ! — Берутъ ихъ какъ родныхъ дѣ-

шей! — Какое Французолобие! —
 Нещасныя! выѣзжая изъ тумы,
 везущь съ собою вещи, напоен-
 ныя ядомъ ея!... Не совсѣмъ-то
 хорошо и то, что по той же
 самой дорогѣ, гдѣ раненые сол-
 дашы надающь ошъ усталости,
 везущь на шелегахъ предметы
 моды и роскоши. — Увозящъ вазы,
 зеркала, диваны, спасающь Кули-
 доновъ, Венеръ; а презирающь
 шоны бѣдныхъ и не смощящъ
 на раны храбрыхъ!! —

Гремощь громъ, но не всякой
 еще крещишся! ...

21 СЕНТЯБРЯ.

Село Льгово — недалеко отъ Рязани.

Мы уже были въ Касимовѣ, но
 не болѣе двухъ дней. Три пере-
 вязки, сдѣланныя искуснымъ ле-
 каремъ, вспрѣшившимся намъ въ
 дорогѣ, облегчили рану брата
 моего. Онъ не захощьль шѣснись-
 ся въ городѣ, наполненномъ ве-

ликимъ множествомъ раненыхъ; и почувствовавъ себя въ состояніи лечиться при полку, рѣшился ѣхать къ арміи. Въ Касимовѣ любопытно видѣть древнее кладбище Ташарскихъ Хановъ и читашъ надписи на обломкахъ великолѣпныхъ надгробниковъ; но я не успѣлъ ничего видѣть. Я только видѣлъ большія барки, на кошорыхъ благородныя семейства со всѣмъ домомъ, съ каретами, лошадьми и прочимъ, шлепались внизъ по рѣкѣ. Все уплываешь, уходитъ или уѣзжаетъ! Вотъ времена! Дай Богъ, чтобы они скорѣе кончились и никогда уже не возобновлялись!

Какъ странна упряжь уѣзжающихъ! Часто подлѣ прекрасной Англійской верховой лошади, видимъ запряженную водовозную влячу; видимъ людей богато одѣтыхъ въ крестьянскихъ шельтахъ! Теперь люди испытываютъ то, о чемъ прежде едвали и слы-

шали.— Очень рѣдко видимъ бѣдующихъ къ Рязани; вездѣ оглобли и дышла повозокъ и головы лошадей обращены въ прошивную сторону. —

Сей часъ гулялъ я по берегу Оки и смотрѣлъ, какъ буря играла синими волнами ея и гнала ихъ въ далекое пространство открытыхъ степей.— Въ разныхъ мѣстахъ, примѣшны на берегахъ Оки огромныя горы сыпучаго песку: кто насыпалъ ихъ?— Вѣки, или наводненія. Песчаные берега, освѣщенные темно-зелеными елями, подъ шуманнымъ небомъ, представляющъ унылыя *Оссіановскія картины*. —

Здѣсь въ Ольговѣ есть монастырь на превысокой скалѣ надъ Окою. Опшельникъ, живущій въ немъ, можешъ смотрѣть въ одно окно на Европу, въ другое на рѣку и степи, идущія къ предѣламъ Азии. Съ одной стороны слышишь онъ шумъ страстей и

спонъ просвѣщенныхъ народовъ; съ другой представляется ему молчаливая природа, въ величественной важности своей. Полу-дикія племена, кочующія въ дальнихъ степяхъ, не имѣющія великолѣпныхъ городовъ и пышныхъ палатъ; но за то незнакомы они съ забошами и горесшиями, гнѣздящимися въ нихъ! —

26 СЕНТЯБРЯ. ГОРОДЪ ТАРУЗА.

Въ Рязани просились мы съ брашомъ Сергѣемъ; онъ повѣхалъ опыскивашъ жену свою и семейство, которое составляло все ушѣшеніе, все щастіе, трудами и бурями исполненной жизни его. — Кажется Плущархъ сказалъ, что братъ есть другъ, данный намъ Природою: мы испытали это, особенно въ теперешнемъ странствіи. —

Отъ Рязани пробѣхали опять Зарайскъ, пошомъ Каширу и Серпуховъ. —

Какія прелестныя мѣста! . . .
 Здѣсь берега Оки унизаны селе-
 ніями, расположенными на пре-
 красныхъ холмахъ, между зеле-
 ными рощицами. Почти на вся-
 кой вершѣ видимъ красивые го-
 сподскіе дома, каменные церкви,
 мельницы и сады. Какое пріят-
 ное сосѣдство! Какъ щасливы
 должны бышь здѣсь люди, ешьли
 шолько они шакъ хороши, какъ
 ихъ природа!— Женщины здѣш-
 нія имѣють живой, алой румя-
 нецъ на бѣломъ лицѣ, бѣлокуры
 и вообще очень хороши собою.—
 Здѣсь вѣрно проводятъ пріят-
 ные лѣшніе мѣсяцы, къ хозяй-
 швенныхъ занятіяхъ, во взаим-
 ныхъ другъ другу посѣщеніяхъ,
 въ прогулкахъ по свѣшлоголубой
 Окѣ и живописнымъ берегамъ ея.
 Зимой здѣсь вѣрно пользуются
 шакимъ близкимъ сосѣдствомъ;
 кашающа на легкихъ саняхъ, или
 бѣгающъ на конькахъ по свѣшло-
 му льду, изъ дому въ домъ. За-

нимающся, пріятными разгово-
рами, музыкою, полезнымъ чте-
ніемъ, и важность бесѣдъ усла-
ждаемая невинными забавами, жи-
вущъ въ дружбѣ, любви и про-
стошѣ, вовсе не заботясь о шум-
ныхъ городахъ и большомъ свѣ-
тѣ. Такъ думаешь, но со всѣмъ
не то находишь. — Къ сожалѣнію,
съ того времени, какъ Фран-
цузскія моды вскружили головы
Французскихъ пишомцевъ, на Руси
изрѣдка спали заглядывашъ въ
помѣшья свои. Собравъ сельскіе
доходы, пошъ часъ спѣшашъ при-
носишъ ихъ на олшарь модъ въ
храмахъ, воздвигнушихъ ею въ
Москвѣ. Французскія шорговки и
разсѣянная жизнь все поглоща-
юшъ! . . . *Питомцы Французовъ*,
не заботясь о наслѣдіи ошцовъ
своихъ, входяшъ въ долги, чита-
юшъ Французскіе романы и не
могушъ повѣрить, что въ странѣ
своей родной съ щастьемъ можно
въ селахъ знаться! —

Опустѣлыя каменные дома и различныя заведенія свидѣшельствуютъ, что здѣсь нѣкогда люди пользовались выгодами и прилжностями сельской жизни. Можешь бышь, теперь вразумленные пожаромъ Москвы, созженной ихъ любимцами дѣши возвращаясь къ благимъ обычаямъ ошцовъ своихъ. —

Другъ мой! Французы учителя не менѣе опасны и вредны Французовъ завоевателей: послѣдніе разрушаютъ царства; первые — добрыя нравы, копорые неоспоримо, суть первѣйшимъ основаніемъ всѣхъ обществъ и царствъ. — Рассказываютъ, что одна несчастная не Россіянка по воспитанію, слюбившись съ Французомъ, воспиташелемъ ея дѣшей, выгнала изъ дому добраго, честнаго и Генеральской чинъ уже имѣвшаго мужа своего. Она могла эшо сдѣлать: ибо къ несчастію все имѣніе принадлежишь ей. — Нѣжный

ошецъ украдкою только видаешся съ дѣтьми своими. — Когда вѣрно было всѣхъ Французовъ высылать за границу, то эшошъ назвался прежде *Италіянцемъ*, а пошомъ *Жидомъ!!!* — Каковы Французы! Нѣшъ брани, кошорой бы не сполѣ сей преврашный и разврашный народъ! —

Теперь здѣсь лобережье Оки совершенно пусто; всѣ господа уѣхали въ степи отъ Французовъ, шакъ какъ прежде, заражаясь иноземною дурью, ѣздили въ Москву и въ Парижъ къ Французамъ. —

Признаюсь шебѣ, что сколько я ни люблю прежнихъ Французскихъ, а особливо драмматиическихъ писателей; однако же лалѣ бы, чшобѣ языкъ ихъ менѣе упошребиселенѣ былъ у насъ. Онѣ шаккой же вредѣ дѣлаешъ нашему, какъ ничшошный червь прекрасному величешвенному древу, кошорого корни подтачиваешъ. —

Крайне прискорбно видѣшь и въ арміи языкъ сей въ излишнемъ употребленіи. Часто думаешь, что идешь мимо Французскихъ биваковъ! Я видѣлъ многихъ нынѣшняго воспитанія, молодыхъ людей, которые прекрасно говорятъ и пишутъ по Французски, не умѣя написать правильно нѣсколькихъ строкъ на своемъ природномъ языкѣ. Я примѣшилъ, что люди сіи умны только по Французски. Послушай ихъ говорящихъ по Руски — и вся ловкость, всѣ обороты, вся замысловатость исчезаютъ! — Это очень легко объяснить. Ты знаешь, что у Французовъ почти всѣ умники суть фразеры (fraseurs), которые умны чужимъ умомъ. Память ихъ изощряется выраженіями разныхъ писателей, и они безпрестанно повторяютъ то въ разговорахъ, что зашвердили въ книгахъ. Множество каламбуровъ, пословицъ и

памятныхъ стихозъ (des vers à retenir), придающъ разговорамъ ихъ какую-то пестроту и пріятность. . . на первый только разъ! — Однажды спросили у Дидерота, какиѣ онъ мысли о томъ человѣкѣ, съ коимъ недавно проговорилъ цѣлый часъ? — „Онъ уменъ,“ отвѣчалъ Дидеротъ. Но шѣ, коимъ знали его корешко, начали смѣяться и доказали, что онъ дуракъ. „Ну! шавъ я не виноватъ, возразилъ Дидеротъ, что онъ на одинъ только часъ залася умомъ!“ — Спало у Французовъ можно заласаться умомъ? По Руски совсѣмъ иначе: надобно сочиняшь свой разговоръ, изобрѣтать выраженія; а для эшаго нуженъ не заемной умъ. — Суворовъ зналъ прекрасно Французской языкъ; а говорилъ всегда по Руски. — Онъ былъ Руской Полковецъ!

27 СЕНТЯБРЯ.

Я бы здѣлалъ великое пресшупленіе, ешьлибѣ въ то время, какъ загружаю нѣкоторыя письма мои къ тебѣ, разными подробностями, не упомянулъ о дѣянiяхъ одного изъ знаменитѣйшихъ соотечественниковъ нашихъ. Сiи дѣянiя весьма полезныя теперь, почтенныя во всякое время, и драгоценныя для исторiи, пролагающѣ сами себѣ вѣрный путь, чрезъ благодарныя сердца современниковъ, въ память и сердца потомковъ. Я говорю о *подвигахъ* добраго человеколюбиваго Генерала Графа Воронцова. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, получа одно изъ величайшихъ наслѣдствъ въ Россiи, онъ не уснулъ на розахъ. Напрошивъ, по снѣзѣ шрудовъ и шерній, пошелъ за лавровыми вѣтвями.— Не стану разспрашивать о его храбрости—она извѣстна. Но не могу не раздѣлится съ тобою удивленiя моего

о помѣ, что ни богатство, въ кошоромъ шакъ легко *терствѣютъ сердца*, ни блескъ воинской славы не могли отвлечь его вниманія отъ спраданий ближнихъ.—

Никшо больше его не вникалъ въ нужды бѣдныхъ Офицеровъ, и никшо не былъ ближе къ принесенію имъ помощи. Онъ привлекалъ къ себѣ любовь подчиненныхъ и славился ею еще въ то время, какъ водилъ отрядъ свой по вершешамъ Балканскихъ горъ.— Отъ ремевъ на берегахъ Дуная, явился онъ въ войскахъ Второй Западной арміи. Въ день ужаснѣйшей Бородинской битвы долго отшпаивалъ, съ преданными ему гренадерами, мѣсто свое на лѣвомъ крылѣ.— Наконецъ покрытый *ранами* и славою, съ пошерю крови и памяти, унесенъ съ поля.— Теперь остановясь въ одномъ изъ своихъ помѣстій, лежащемъ на одной изъ большихъ дорогъ, ведущихъ изъ Москвы

въ глубь Россіи, онъ открылъ
 весь домъ свой къ помѣщенію,
 а сердце къ прозьбамъ несчаст-
 ныхъ. — Всѣ раненные Офицеры,
 солдашы и безпріюшные спран-
 ники Рускіе заходящъ къ нему,
 какъ въ собствѣнный домъ. Всѣмъ
 приличное содержаніе, пища и
 покровъ. Многихъ благошвори-
 тельность его одѣляетъ въ шай-
 нѣ и деньгами. Слухи о семъ, до-
 ходя до сихъ мѣствъ, восхищаютъ
 всѣхъ истинно-Рускихъ. А я сер-
 дечно радъ, когда могу золотить
письма мои немерцающимъ бле-
 скомъ Ошечесшвенныхъ добродѣ-
 шелей. — „Гдѣ дѣвалъ ты свое
 имѣніе?“ спросилъ нѣкогда Царь
 Иванъ Васильевичъ у Боярина сво-
 его *Шереметева*. „*Чрезъ руки бѣд-
 ныхъ* ошправилъ къ Богу!“ ошвѣ-
 чалъ онъ Царю. — Вошъ лучшее
 употребленіе богатствъ; употре-
 бленіе досшойное Рускихъ Вель-
 можъ! — Въ царствование Елисавет-
 ты, когда *проловѣди* начинали уже

спановишся необходимыми къ умягченію дебелившихъ въ роскоши сердець, *Гедеонъ* въ одной изъ прекраснѣйшихъ, произнесенной имъ въ день Сошествія Св. Духа, жарко всшупаешся за *бѣдныхъ*. Онъ сильно и краснорѣчиво доказываетъ, что *богачи* суть люди, кошорыхъ Богъ удостоилъ бытъ блюстишелями сокровищъ земныхъ, не для чего инаго, какъ для вѣрнѣйшаго *подѣла оныхъ бѣдныхъ* собратіямъ своимъ. Ударитъ послѣдній часъ, тѣ и другія являшся съ опчетомъ: первые въ раздачѣ; послѣдніе въ полученіи.— Молишвы бѣдныхъ опшворяшъ *врата райскіе богачамъ*.

Богачи нашего времени! какой опшвѣшъ дадите вы, ешъли гласъ Царя Небеснаго или *голосъ Отчества* спросишъ у васъ: „гдѣ дѣваете вы свои имѣнія?“—Горетѣмъ, кошорыя указавъ на *лющееся море роскоши* скажушъ: „Тамъ ушопаютъ они!“— Не

думаете ли вы, пишомцы нѣги! пресыщась спокойно *отрадами жизни*, когда прейдущь грозы и вы по прежнему въ домахъ разсѣяли ломкіе сокровища — зеркала и фарфоры свои? — Нѣшъ! тогда громкіе стоны бѣдныхъ, копорые роями пришекушъ къ нелу пожарищъ своихъ, заглушашъ всѣ пѣсни вашей радости! . . .

29 СЕНТЯБРЯ.

Наконецъ, среди опустошенныхъ селеній, по лѣсистой проселочной дорогѣ, соединяющей большую *Тульскую* съ *Калужскою*, прибыли мы къ *Тарупину*. Небольшіе опряды, разсѣянные для фуражированія, служили намъ проводниками. Обширное зарево, пылавшее на горизонтѣ, еще издавна указало мѣсто, гдѣ стояла армія на *бивакахъ*. Выѣзжаемъ изъ лѣса — и видимъ пространное

поле, ряды высоких укреплений; вправо крутые берега Нары; далее представляется множество огней, ярко свѣщающихся въ вечерних сумеркахъ, и многочисленное воинство, стройно расположенное въ соломенныхъ шалашахъ по обѣимъ сторонамъ большой дороги. Веселые клики, повсемѣстное пѣніе и музыка, въ разныхъ мѣстахъ игравшая, ясно доказывали, что духъ войскъ не былъ еще удрученъ печалію.— Здѣсь-то остановились наконецъ храбрые тысячи Русскихъ, безропотно покарывшіеся верховному произволу Царя своего, безмолвно слѣдовавшіе за своими Вождями, безпрестанно сражавшіеся, и при всегдашней побѣдѣ уступавшіе селы, города и цѣлыя области хищному врагу. Здѣсь остановились они для того, чтобы всѣмъ до одного умереть, или нанести смертельный ударъ непріятелю.—

Около ста тысячъ войскъ, чудесно укрѣпленное мѣстоположеніе и большое число пушекъ составляютъ въ семъ мѣстѣ послѣдній оплотъ Россіи. Но войско наше кипитъ мужествомъ; но любовь къ Опеческу овладѣла сердцами всего народа; но Богъ и Кушуровъ съ нами — будемъ надѣяться!

СЕНТЯБРЯ 30.

На мѣстѣ, гдѣ было село Тарушино Анны Никишишны Нарышкиной, и въ окрестностяхъ онаго явился новый военный городъ, котораго граждане — солдаты; а дома — шалаши и землянки. Въ семъ городѣ есть также улицы, площади и рынки. На сихъ послѣднихъ изобиліе Русскихъ краевъ выставляешь всѣ дары свои. Здѣсь, сверхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, можно покушать арбузы, виноградъ, и даже ананасы!... тогда,

какъ Французы ѣдятъ одну пареную рожь и, какъ говорятъ, даже конское мясо! — На площадяхъ и рынкахъ Тарушинскихъ солдашы продають опняшья у Французовъ вещи: серебро, плашье, часы, перстни и проч. Козаки водають лошадей. Маркишаншы торгуютъ винами и водкою. — Здѣсь между покупщиками, между продающими и мѣняющими, въ шумной толпѣ, отдохнувшихъ отъ трудовъ воиновъ, среди ихъ пѣсенъ и музыки, забываешь на минушу и военное время, и обшояпельства, и то, что Россія уже за Нарою! . . .

Отдыхъ, нѣкошорая свобода и небольшое довольство: вотъ все, что пѣшишь и щасшливишь военныхъ людей! —

1 О К Т Я Б Р Я .

Братъ мой, у кошораго рана еще не зажила, явьясь на службу,

былъ принятъ очень благосклонно
 Генералъ-Маіоромъ *Талызинымъ*
 и дивизионнымъ начальникомъ
 своимъ почтеннымъ Генералъ-
 Лейшенаншомъ *Калцевичемъ*.— Я
 пріѣхалъ сюда также съ шѣмъ,
 чшобъ непременно опредѣлишься
 въ полкъ. Но мнѣ надобно было
 найши Генерала, который, зная
 прежнюю мою службу, принялъ
 бы *бѣднаго Порутика*, хотя шѣмъ
 же чиномъ, не смотря на то, что
всѣ свидѣтельства и всѣ атте-
статы его оспались въ рукахъ
 непріятеля, и что на немъ ни-
 чего болѣе не было, кромѣ *синей*
куртки, сдѣланной изъ бывшего
 синяго фрака, у котораго, отъ
 кочевой жизни при полевыхъ ог-
 няхъ, полы обгорѣли.— Я пошелъ
 къ Генералу отъ Инфантеріи
Милорадовичу, живущему въ аван-
 гардѣ впереди *Тарутинской пози-*
ціи. Онъ узналъ меня, пригласилъ
 въ службу — и я уже въ службѣ —
 шѣмъ же чиномъ, какимъ служилъ

передъ опшавкою и какимъ опшавленъ, шо ешь, *Поругикомъ*, и имбю чешь находишья въ авангардъ, о кошоромъ шеперь гремишь слава по всей арміи.—

4 Октября. Село Тарутино.

Сего дня Генералъ Милорадовичъ взялъ меня съ собою оббдашь къ Генералу Дмипрію Дмипріевичу Шепелеву, кошорый имблб свои биваки за правымъ крыломъ арміи. Оббдъ былъ самый великолбпный и вкусный. Казалось, что какая нибудь волшебница лила и сыпала изъ неисшощимаго рога изобилія лучшія вина, кушанья и самые рбдкіе плоды. Хозяинъ былъ очень ласковъ со всбми, и прекраснбйшій сполъ свой украшалъ еще болбе искусствомъ угощашь. Гвардейская музыка грембла. И шакъ швой другъ, въ корень раззоренный Смоленской помбщикъ, ббд-

ный Поручикъ въ синей курткѣ, съ пусшыми карманами, имѣлъ честь обѣдать вмѣстѣ съ прищипью лучшими изъ Рускихъ Генераловъ.—Къ большому удовольствію моему я познакомился здѣсь съ любезнымъ молодымъ человекомъ Графомъ Апраксинымъ, служащимъ Адъютантомъ у Генерала Уварова. —

7 Октября. Тарутино.

Еще звѣнишь въ ухахъ ошъ вчерашняго грома. Послѣ шести мирныхъ лѣтъ я опяшь былъ въ сраженіи, опяшь слышалъ шумъ ядеръ и свистъ пуль.—Вчерашнее дѣло во всѣхъ отношеніяхъ удачно. Третьяго дня ввечеру Генералъ Бенигсенъ заѣзжалъ къ Генералу Милорадовичу съ планами. Они долго наединѣ совѣщывались. Ночью знашная часть арміи сдѣлала, шаю сказашъ, вылазку изъ крѣпкой Тарушинской позиціи. Слав-

ный Генералъ Бенигсенъ имѣлъ главное начальство въ семъ дѣлѣ. Генералъ Милорадовичъ командовалъ частію пѣхоты, почти всю кавалерію и гвардію. Нападеніе на великой авангардъ Французской арміи, подъ начальствомъ Короля Неаполишанскаго, сдѣлано было удачно и неожиданно. Непрiятель шомъ часъ началъ отступашь, и вскорѣ предался совершенному бѣгству. 20 Пушекъ, немалое число пѣнныхъ и великое множество разнаго обоза, были трофеями и плодами сего весьма искусно обдуманнаго и щасливо исполненнаго предпріятія.— Движеніями войскъ въ семъ сраженіи управлялъ извѣстный Полковникъ Толь, прославившійся личною храбростію и великими познаніями въ военномъ дѣлѣ.— Предупреждаю тебя, что всѣ описанія мои съ сей поры будутъ очень кратки: въ авангардѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени къ про-

страннымъ письменнымъ заня-
 шіямъ.— Подожди! когда нибудь
 при удобнѣйшемъ случаѣ я сооб-
 щу тебѣ подробнѣйшее описаніе
 дѣйстви войскъ подъ начальствомъ
 Генерала Милорадовича. Не знаю,
 почему большая часть знамени-
 тыхъ подвиговъ сего Генерала
 не означена въ Вѣдомостяхъ; но
 онъ, какъ я замѣтилъ, ни мало
 симъ не огорчается. Это зна-
 чить, что онъ не есть герой
 Вѣдомостей; а герой Исторіи и
 потомства.—

Скажу тебѣ, что Генералъ сей,
 принявшій, по прозвѣ Князя
 Свѣшлѣйшаго, начальство надъ
 арріегардомъ послѣ срашенія
 Бородинскаго сраженія, дрался съ
 превосходнымъ въ числѣ непріа-
 телемъ съ 29го Августа по 23е
 Сентября, т. е. 26 дней непре-
 рывно. Нѣкоторые изъ сихъ дней,
 какъ по 29 Августа, 17 Сентября
 и 20 и 22 того же мѣсяца, озна-
 менованы были большими сраже-

ніями, по десяти и болѣе тасовѣ продолжавшимися. Извѣстно ль все это у васъ? —

9 Октября. Дача Кусовникова
близъ Тарутина.

Какъ живущъ можешъ бышь человекъ! . . . Сето дня побѣжалъ Генералъ Милорадовичъ, и мы всѣ за нимъ, осматривашъ передовые посты, оставшіеся на помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ было сраженіе. Въ разныхъ мѣстахъ валялись разбросанные трупы, и между ними одинъ, весь окровавленный, казалось, еще дышалъ. Всѣ остановились надъ нимъ. Эпощъ несчастный, за три дня предъ симъ оставшійся здѣсь въ числѣ мертвыхъ, не смотря на холодныя ночи, сохранялъ еще въ себѣ искру жизни. Сильный каршечный ударъ раздробилъ ему половину головы: оба глаза были выбиты; одно ухо, вмѣстѣ съ кожей и

частью черепа, сорвано; половина оставшейся его головы облица была кровью, которая густо на ней запеклась, и за все время он еще жил!... Влили ему в рот несколько водки; игра нервов сделалась живее... „Кто ты? спрашивали у него на разных языках.— Он только мычал. Но когда спросили наконец: *не Поляк ли ты?* — Он отвечал по Польски: „Да!“ — Когда ранен? — „В послѣднем дѣлѣ,“ по ешь, ирешьяго дня. — Чувствуешь ли ты? — „Бываюшь минушь, когда чувствую — и мучусь!“ отвечал он съ тяжкимъ вздохомъ, и просилъ убедительно, чтобы его закололи. Но Генералъ приказалъ дать ему опять водки и отвезти въ ближайшую деревню. — Нѣшь, друг мой! славный *Гуфландъ* еще не все изъяснилъ намъ въ красно-рѣчивыхъ умствованіяхъ своихъ о жизни. Надобно было ему уви-

дѣшь этаго несчастнаго , чшобѣ
 поняшь, сколь долго сей *тонгайшій*
духовной спиртъ (*) можешѣ дер-
 жашься въ полу-раздробленномъ
 скудельномъ сосудѣ своемъ. —

Вчера прѣвхалѣ къ намъ изѣ
 Пажескаго корпуса сынѣ Г. П.
 М. . . . ча , о кошоромъ я шебѣ
 сполько разѣ писалѣ, и кошораго
 благорасположеніе ко мнѣ посшав-
 ляю въ великой цѣнѣ. — Сынѣ его,
 племянникѣ Генерала нашего, ешѣ
 прекрасный , благовоспитанный
 молодой человекѣ. Я душевно
 радѣ, чшо онѣ ошпаеться у насѣ.
 Теперь онѣ былѣ вмѣстѣ съ нами,
 и въ первый разѣ ошѣ роду ви-
 дѣлѣ поле сраженія, гдѣ хошя за-
 молкли громаы , но еше необсохла
 кровь. Генералѣ приказывалѣ ему
 смошрѣшь на все внимательнѣе,
 чшобы привыкашь къ ужасамъ
 войны. Въ самомъ дѣлѣ посинѣ-

(*) Выраженіе изѣ сочиненій Гуф-
 ланда.

ые шрупы, кровью и мозгомъ обрызганныя шѣла, опорванные руки и ноги, въ разныхъ мѣстахъ размешанные, должны возмущашь мирныя чувства крошкато юности, пока не привыкнешь онѣ къ шаковымъ плачевнымъ, но необходимымъ позорищамъ! —

Мы теперь перемѣстились, со всемъ дежурствомъ, въ одинъ огромный каменный домъ, копорый, по видимому, былъ некогда убранъ богатою рукою. Теперь все изломано и разорено. На бивакахъ у Козаковъ сгараютъ диваны, Вольперовы кресла, шифоньерки, бомбоньерки, кушетки, козешки и проч. Что сказала бы всевластная мода и роскошные баловни ея, увидя это въ другое время? —

23 Октября. Городъ Вязьма.

Среди дымящихся развалинъ города, бывшаго некогда великолѣп-

нымъ, подъ громомъ непрерывно
лопающихся бомбъ и гранатъ, по-
всюду злодѣями разбросанныхъ, въ
шѣсной комнашѣ полусозженного
дома, пишу къ тебѣ другъ мой!...
Торжествуйте великое праздне-
ство освобожденія Ошечества!
Враги бѣгутъ и гибнутъ; ихъ
шрупами и шрофеями ушилаютъ
себѣ пушъ Рускіе къ безсмертію.—
До сихъ поръ я не имѣлъ ни од-
ной свободной минушы. Въ ше-
ченіи 12 сутокъ мы или шли,
или сражались. Ночи, проведен-
ныя безъ сна, а дни въ сраже-
ніяхъ, погружали умъ мой въ ка-
кое-то запмѣніе — и щасливѣй-
шія произшествія: освобожденіе
Москвы, отраженіе непріятеля
ошъ Малаго Ярославца, его бѣг-
ство, мелькали въ глазахъ моихъ,
какъ свѣшлыя воздушныя явле-
нія въ шемной ночи. *Пешаныя*
извѣстія изъ арміи, рассылаемыя
нынѣ по Губерніямъ, конечно уже
извѣсшили тебѣ подробно обо

всемъ. И такъ я скажу нѣсколько словъ только о томъ, что при свободномъ досугѣ надобно бы описать на нѣсколькихъ страницахъ. Еще повторю, что о дѣлахъ Генерала Милорадовича, (который почти всякой разъ доносилъ Главнокомандующему въ двухъ или трехъ строкахъ не болѣе того, что онъ опразилъ или побилъ непріятеля тамъ и тогда-то), я постараюсь доставить тебѣ подробнѣйшее описаніе, если останусь живъ и записная книжка моя уцѣлѣетъ.

Вскорѣ послѣ Тарушинскаго дѣла, 6 го Октября, Князь Свѣтлѣйшій получилъ извѣстіе, что Наполеонъ, оставляя Москву, намѣренъ прорваться въ Малоросію. Генералъ Докторовъ съ корпусомъ своимъ опряженъ былъ къ Боровску. Въ слѣдъ за нимъ и вся армія, *фланговымъ маршемъ*, передвинулась на старую Калужскую дорогу, заслонила со-

бою врага Малороссіи и была свидѣтельницаю жаркаго боя между нашимъ 6 мѣ и 4 мѣ Французскимъ корпусами при Маломъ Ярославцѣ.

Генералъ Милорадовичъ, сдѣлавъ въ сей день съ кавалеріею 50 верстѣ, не далъ опрѣзашь себя непріятелю и поспѣшилъ къ самому шому времени, когда сраженіе пылало и присутствіе его съ войсками было необходимо. Фельдмаршалъ, удивленный шолікою быспрошою, обнималъ его и называлъ *крылатымъ*. — Въ глазахъ нашихъ сторѣлъ и разрушился Малой Ярославецъ. На разсвѣшѣ Генералъ Докторовъ, съ храбрыми войсками своего корпуса, присоединился къ арміи, которая подвинулась еще лѣвѣе, и спала швердою ногою на выднѣйшихъ высотахъ. —

Генералъ Милорадовичъ оставленъ былъ съ войсками своими на шомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ночь

прекрасила сраженіе. Весь слѣдующій день проведенъ въ небольшой шолько пушечной и ружейной переспрѣлкѣ. — Въ сей день жизнь сего Генерала была въ явной опасности, и Провидѣніе явно оказало ему покровительство Свое. Опмичаясь онъ всѣхъ шляпою съ длиннымъ султаномъ и сопровождаемый своими Офицерами, заѣхалъ онъ очень далеко впередъ, и пошчасъ обратился на себя вниманіе непріятели. Множество спрѣлковъ, заѣхавъ въ кустахъ, начали мѣшиться въ него. Едва успѣлъ выговорить Адютантъ его Паскевичъ: *въ васъ цѣлятъ Ваше Превосходительство!* — и пули зашвиспали у насъ мимо ушей. Подивись, что ни одна никого не зацѣпила. Генералъ, хладнокровно простоявъ шамъ еще нѣсколько времени, спокойно поворошилъ лошадь и шихо поѣхалъ къ своимъ колоннамъ, сопровождаемый пулями.

Послѣ сего Генералъ Ермоловъ, прославившійся и самъ необычайною храбростію, очень справедливо сказалъ Милорадовичу: „надобно имѣшь заласную жизнь, чшобъ бышь вездѣ съ Вашимъ Превосходительствомъ!“— Чрезъ два дни бѣгство непріятеля спало очевидно, и нашъ арріергардъ, сдѣлавшись уже авангардомъ, успремился преслѣдовать его. Темныя, дремучія ночи, скользія проселочныя дороги, бессонье, голодъ и шруды: во что преодолѣли мы вокуснѣйшаго флангова предпріямаго Генерала Милорадовичемъ опъ Его Высочествомъ въ Вязьмѣ. Главное сего марша было то, что совершенно ушаенъ опъ непріятеля, который тогда только узналъ, что сильное войско у него во флангъ, когда мы вступили съ нимъ въ бой; ибо до того времени одцнъ Генералъ Платовъ

шѣсниаѣ его лучшими своими
 ошрядами. Вчера началось сра-
 жение, съ первымъ лучемъ дня,
 въ 12 вершахъ ошѣ Вязьмы. У
 насѣ было 30.000, а Вице-Король
 Ишалиянскій и Маршалы Даву и
 Ней выспавили прошиву насѣ бо-
 лѣе 50,000. Непрїатель занималѣ
 попеременно шесть выгоднѣй-
 шихъ позицій; но всякой разѣ съ
 великимъ урономъ сбиваемѣ былѣ
 съ каждой побѣдоносными вой-
 сками нашими. Превосходство въ
 ошдахъ и ошчаянное сопротивле-
 шеля продлили сраже-
 нїе, бѣлый день. Онѣ хо-
 телѣ попеременно, дабы дашь
 бозамѣ, держашься
 въ Вязьмѣ и весь
 преврашїшь въ пепелѣ.
 увѣряли плѣнные; и слова
 ѣ подтверждались шѣмѣ, что
 всѣ печи печи въ домахъ на-
 полнены были порохомѣ и горю-
 чими вещешвами. Но Генералѣ
 Милорадовичѣ, пославѣ Паскевича

и Чоглокова съ пѣхоною, копорые
 пошчасъ и ворвались съ шпы-
 нами въ улицы, самъ, съ бывши-
 ми при немъ Генералами, успря
 всю кавалерію, повелъ въ обя-
 шый пламенемъ и непріацелемъ
 наполненный еще городъ. Роша
 конной артиллеріи, идя впереди,
 очищала улицы выстрѣлами; кру-
 гомъ горѣли и съ сильнымъ пре-
 скомъ распадались дома; бомбы
 и гранаты, до копорыхъ дости-
 галъ пламень, съ громомъ раз-
 ряжались; непріапель стрѣлялъ
 изъ развалинъ и садовъ; пули
 свистали по улицамъ... Но видя
 необоримую рѣшимость войскъ
 нашихъ и свою гибель, оставилъ
 онъ городъ и бѣжалъ, бросая по-
 всюду за собою зажигательныя
 вещества.— На дымящемся гори-
 зонтѣ угасало солнце. Помедли
 оно еще часъ— и поражение было
 бы совершеннѣе; но мрачная осен-
 няя ночь приняла бѣгущія толпы
 непріапеля подъ свой шокровъ.

До пяти тысяч пленных, в числе коих известный Генерал Пелешье, знамена и пушки были трофеями сего дня. Неприятель потерял конечно до 10,000. Пуш на 12 верстах ушлан его шрунами. Генерал Милорадовичь остановился в томъ самомъ домѣ, гдѣ стоялъ Наполеонъ, и велѣлъ пушить горящій городъ. Сего дня назначенъ Командантъ, устроена военная Полиція, велѣно очищать улицы отъ мершвыхъ шѣлъ, и разослано по уѣзду объявленіе, сзывающее жишелей къ возстановленію, по возможности, домовъ и храмовъ Божіихъ въ опечесивенномъ ихъ городѣ, изпоргнутомъ нынѣ изъ кровавыхъ рукъ нечестивыхъ враговъ. —

Со временемъ Благородное Дворянство и граждане Вязьмы конечно почувствуютъ цѣну сего великаго подвига и воздадутъ должную благодарность освободи-

пелю ихъ города. Пущь поспавшъ они на помъ самомъ полѣ, гдѣ было сраженіе, хоня немногочисленный, но только могущій пропи-
 вишья времени *памятникъ*, и украсшъ его, по примѣру древнихъ, престою, но всеобъясняющею над-
 писью: „Онъ признашельности
 „Благороднаго *Дворянъ* сословія и
 „гражданъ *Вязьмы* начальшвовав-
 „шему *Россійскимъ* авангардомъ
 „Генералъ онъ *Инфантеріи* Ми-
 „лорадовичу за шо, что онъ, съ
 „30,000 *Россіянъ*, разбивъ 50 ты-
 „сячное войско *непріятельское*,
 „изпоргнулъ изъ рукъ его горя-
 „щій городъ ихъ, попушилъ по-
 „жары и *возвращилъ* оный обра-
 „дованному *Опеческву* и ушѣ-
 „шеннымъ *гражданамъ* въ досто-
 „памяшный день 22 *Окшября*,
 „1812 года.” Въ одержаніи побѣды
 участвововали: *извѣсшный* *Гене-
 ралъ* *Графъ* *Осперманъ*; *Князь*
Сергій *Николаевичъ* *Долгорукій*,
 который, *ощличаясь* *прежде* на

поприщѣ дипломатическомѣ, горѣлъ желаніемъ служишь въ опечесшвенной войнѣ и промѣнялъ перо на шпагу. Но служба въ полѣ, онѣ не пересшаешь украшашь бесѣдѣ своихъ шюю же неподражаемою оспрошою ума, кошорою блисшалѣ нѣкогда при Дворахъ Государей. Рускіе ко всему способны! . . . Генералы: Ермоловѣ, Паскевичѣ, Олсуфьевѣ и Чогаковѣ храбросшю и благоразуміемъ своимъ содѣйшвовали къ совершенному пораженію врага. Полковникѣ Пошемкинѣ, съ свойшвеннымъ ему мужесшвомъ, какъ начальникѣ Шшаба по авангарду, наблюдалѣ за движеніями нашихъ войскѣ въ опаснѣйшихъ мѣсшахъ. Перновскій и Бѣлозерскій полки и башарейная роща Гулевича опшличились. —

P. S. Въ эшо самое время, какъ я пишу къ шебѣ, Генералѣ Вильсонѣ, бывшій личнымъ свидѣшелемъ вчерашняго сраженія,

описываетъ также оное сообщенникамъ своимъ. Изъ Петербурга нарочный отправится съ известіемъ о сей побѣдѣ въ Лондонъ.—

26, въ два часа по полудни.

Дорогобужь.

Вотъ сей часъ только кончилась штурмъ крепостнаго замка въ Дорогобужѣ. Мы вырвали его изъ рукъ Французовъ, захватили городъ, кошорый они уже начали жечь, и провожали ихъ ядрами, покуда не скрылись изъ глазъ нашихъ; а теперь сильная буря, вѣющая къ Западу, и Генералъ Юрковскій съ легкою конницею гоняшъ ихъ далѣе. Спужа увеличилась, метель пошемпила воздухъ. Мы забралсь въ домъ къ Пропопу, въ кошоромъ уцѣлѣли окна и немного шепло. Я нашель старую черницу, омочилъ засохшія чернила, и пишу

къ себѣ, какъ могу.— Позамедливъ нѣсколько въ Вязьмѣ, я долженъ былъ скакатьъ 30 верстѣ, чшобѣ догнасть войска наши, неослабно преслѣдовавшія непріяшеля. Я ѣхалъ вмѣстѣ съ Генераломъ Вильсономъ, кошорый не ошсшаенъ ошѣ авангарда, и по доброй волѣ бываенъ въ огняхъ. Въ какомъ печальномъ видѣ представлялись намъ завоевашели Россіи!... На той самой дорогѣ, по кошорой шли они шакъ гордо въ Москву, и кошорую сами пошомъ опушошили, они валялись въ великомъ множешвѣ мершвыми, умирающими, или въ бѣднѣйшихъ рубищахъ, окровавленные и запачканные въ сажѣ и грязи, ползали, какъ ничшожныя насѣкомыя, по грудамъ конскихъ и человѣческихъ шруповъ. Голодъ, спужа и спрахъ помрачили ихъ разсудокъ и наложили нѣмошу на уста: они ни на что не ошвѣчающъ; смощрашъ мушными гла-

зами на того, кто их спрашивает, и продолжают глотать конскія кости. — Такъ караются враги, дерзающіе наступать на землю Рускую! Подобная казнь постигла Ташаръ, дерзко набѣжавшихъ на Россію во дни малолѣтства Царя Ивана Васильевича. — „Великіе снѣги и морозы „познобили Ташаръ; а оспаль- „ныхъ Козаки добивали” — Такъ говоритъ Царственная книга. — Во всѣ сіи дни непріятель безпрестанно забавлялъ насъ *потѣшными огнями*: онъ подрывалъ великое множество пороховыхъ своихъ ящиковъ. — Богъ знаешь, какихъ только исповствъ не дѣлаешь этого непріятель? — Онъ снаряжаетъ нарочныя толпы для сожиганія деревень, прикалываетъ нашихъ плѣнныхъ и распрѣливаетъ крестьянъ. За то и крестьяне не спускаютъ имъ! Большими вагами разбѣзжаютъ они съ оружіемъ по лѣсамъ

и дорогамъ, нападающъ на обозы и сражающъ съ толпами мародеровъ, копорыхъ они по своему называютъ *мирадерами*. По ихъ полкамъ, это люди, обдирающіе міръ! —

Генералъ Вильсонъ говоритъ, что война сія подвинула Россію на цѣлое столѣтіе впередъ на пути опытовъ и славы народной. — Мой другъ! молніи и зарницы электрической своею силою способствующъ зрѣлости жажвъ; молніи войны пробуждаютъ духъ народовъ, и также ускоряющъ зрѣлость ихъ. — Таковъ порядокъ вещей подъ солнцемъ! . . .

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ видѣли мы, что крестьянки и даже малые дѣши безщадно сѣкли розгами ползающихъ Французовъ: такъ озлобили они противу себя Руской народъ! . . .

Я не сказалъ тебѣ еще о сегодняшнихъ профеяхъ нашихъ. Они состоятъ въ 600 плѣнныхъ

и двухъ пушкахъ. Все сіе досталось намъ послѣ довольно жаркаго боя. Укрѣпленныя высоты Дорогобужа должны мы были взять опкрышымъ штурмомъ; а изъ города выдши непріятеля заславилъ Генералъ Милорадовичъ искуснымъ направленіемъ дивизіи Принца Виршембергскаго въ обходъ съ лѣва.— Пожаръ началъ было распространяться и здѣсь, но гусымъ сѣгомъ и усердіемъ солдатъ нашихъ потушенъ. Тутъ также оставляется Комендантъ, которому поручено сзывать жителей на прежнія ихъ жилища.— Надобно видѣть солдатъ нашихъ, безъ ропота сносящихъ голодъ и спужу, съ пылкимъ рвеніемъ идущихъ на бой и мгновенно влещающихъ на высоты окоповъ, чѣмъ имѣть понышѣ о томъ, какъ пріятно освобождать города своего отечества! 4 Егерьскаго полка Маіоръ Русиновъ, получа рану въ руку

при началѣ штурма, велѣлъ поддерживать себя солдатамъ и продолжалъ лѣзть на валъ; чрезъ нѣсколько минутъ ему проспрѣлили ногу, и солдаты принуждены были снести его въ ровъ. Но храбрый Офицеръ сей до шѣхъ поръ не приказывалъ уносить себя далѣе и не переставалъ ободрять солдатъ, пока не увидѣлъ ихъ уже на высотѣ побѣдишелями. Это шолъ самый, кошорый вышелъ однимъ выпускомъ прежде насъ изъ Корпуса. —

Представь себѣ, другъ мой! что я шеперь только въ 60 верстахъ отъ моей родины, и не могу заглянуть въ нее!... Правда, тамъ нѣчего и смотрѣшь: все раззорено и опустѣло! — Я нашелъ бы только пепелъ и развалины; но какъ сладко еще разъ въ жизни помолишься на гробъ ошцовъ своихъ! — Теперь сходенъ я съ комешою, которая не усиѣетъ приближиться къ солнцу,

какъ вдругъ косвеннымъ путемъ удаляешся опять отъ него на неизмѣримыя пространства.— Завтра мы идемъ отсюда, но не въ Смоленскъ, а боковыми, неизвѣстными путями и дорогами, чрезъ лѣса и болота.... Послѣ узнаешь ты о семъ искусномъ и конечно гибельномъ для Французовъ движеніи нашихъ войскъ.

7 НОЯБРЯ. — НА ПОЛЬ БЛИЗЪ
КРАСНАГО.

Видишь ли, какой мы сдѣлали шагъ! отъ Дорогобужа прямо къ Красному. Смоленскъ и Дибиръ остались у насъ въ правѣ.— Тихо подкрались мы къ большой дорогѣ, изъ Смоленска въ Красное ведущей. Непрiатель полагалъ насъ за шридевяшь земель; а мы, какъ будто изъ подъ земли, очутились вдругъ передъ нимъ!— Это впрямъ по Суворовски! — Теперь называютъ это фланговымъ или боко-

вымъ маршемъ. 3 Числа Ноября
показались мы изъ лѣсовъ про-
шивъ деревни Ржавки. Непрѣ-
шель шелъ по большой дорогѣ по-
койно и весело : наславшая оп-
шпель опогрѣла жизненные силы
сихъ пишомцевъ благодѣшельнаго
климата ихъ опечестивъ. Великіе
обозы съ Сѣверными госпинцами
пянулись между колоннъ. Гене-
ралъ Милорадовичъ приказалъ
тошчасъ нападать. — Непрѣшель
оспановился, сыпнулъ въ овраги
и пароспники множесшво спрѣл-
ковъ, выславилъ, между березъ,
по вышамъ дороги легкія ору-
дія ; а тяжелой артиллеріи и
обозамъ, въ сопровожденіи кон-
ницы своей, велѣлъ спасаться вне-
редъ. Наши наступили съ обык-
новеннымъ мужесшвомъ — и дѣло
загорѣлось ! — Но не смощря на
великое превосходсшво въ силахъ
непрѣшеля предъ нами, онъ былъ
мгновенно сбивъ съ большой до-
роги, поражаемъ въ поляхъ и

одоженъ спасеніемъ своимъ одной только темнотою ночной и ближнимъ лесамъ, въ кошорыхъ скрылся.— Знамена, пушки, пѣнные и множество обоза наградили побѣдителей, на первый разъ, за трудный фланговой маршъ.— Впереди насъ видна была деревня; Генералъ Милорадовичъ хотѣлъ въ ней провести ночь; ему говоря, что тамъ еще Французы. Онъ посылаетъ Козаковъ испробовать ихъ — и мы тамъ ночевали. Послѣ сего 4, 5 и 6 числа, три дня сряду, проводили въ непрерывныхъ сраженіяхъ. Всякой вечеръ отбивали себя у Французовъ ночлегъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ большой дороги. Съ каждою утреннею зарею, когда скоро съ передовыхъ постовъ приходило извѣстіе, что колонны показались на большой дорогѣ, мы садились на лошадей и выѣзжали на бой.— Наполеону очень не нравилось, что Генералъ Мило-

радовичъ спойшѣ подѣ дорогою и разбиваетѣ въ пухѣ корпуса его; но дѣлашѣ нѣчего!... Последняя рана, нанесенная ему вчера, чувствительнѣе всѣхъ прочихъ.— Вчера— о! восхищайся, другъ мой! споль знаменишою побѣдою: вчера Генералъ Милорадовичъ разбилъ совершенно прищаци тысячный корпусъ, подѣ предводительствомъ искуснѣйшаго изъ Маршаловъ Наполеона— Нея, недавно прозваннаго имъ *Княземъ Москворѣцкимъ*.— Уронъ непріятельской чрезвычайно великъ. Всѣ чешыре начальствовавшихъ Генерала убиты. Мѣста сраженій покрыты горами непріятельскихъ тѣлъ.— Въ сіи чешыре для насъ побѣдоносные дня потеря непріятели навѣрное полагаются убитыми до 20.000; въ плѣнъ взято войсками Генерала Милорадовича: Генераловъ 2, Штабъ и Оберъ-Офицеровъ 285, рядовыхъ— сколько ты думаешь?— 22.000; пушекъ— 60!...

Поля города Краснаго въ самомъ дѣлѣ покрасѣли отъ крови.— Въ одержаніи сихъ чешверодневныхъ побѣдъ много участвовали Генералы Раевской и Паскевичъ. Храбрыя войска ихъ многія шолпы непріятельскія подняли на шпыки. Опважными нападеніями конницы предводительствовалъ Генералъ Уваровъ. — Аршиллерія оказала великія услуги. Полковникъ Мерлинъ начальствовалъ ею въ авангардѣ. Его роша и роша опважнаго Капишана Башмакова покрыли себя славою.— Дѣйствія пушекъ искуснаго и храбраго Нилуса подъ Смоленскомъ, и Гулевича подъ Вязмою остануся на всегда памянны Французамъ. — Остальные 6000 изъ разбишаго Неева корпуса, укѣпившіеся съ пушками въ лѣсахъ, прислали уже поздно въ вечеру переговорщика сказать, что они здадущя одному шолько Генералу Мидорадовичу; а иначе гошovy бишьяся

до послѣдняго. Французы называющъ Милорадовича Рускимъ Боярдомъ; плѣнные вездѣ кричашъ ему: *vive le brave Général Miloradovitsch!* — Его и самые непріатели любящъ вѣроятно за то, что онъ, сострадая объ нихъ по челоѳчеству, даетъ послѣдній свой запасъ и деньги плѣннымъ. — Послѣ всего эшаго ты видишь, что профеевъ у насъ много; лавровъ двашъ нѣгдѣ; а хлѣба — ни куска... Ты не повѣришь, какъ мы голодны! — По причинѣ крайне дурныхъ дорогъ и скорого хода войскъ, обозы наши съ сухарями опшшали; всѣ окрестности сожжены непріателемъ и досташъ нигдѣ ничего нельзя. У насъ шеперь дивяшся, какъ можно ѳсть! и не вѣрящъ тому, кто скажешъ, что онъ ѳлв. — Разбитые Французскіе обозы доставили Козакамъ возможность завести шакого рода продажу, о кошорой ты вѣрно и

неслыхиваль. Здѣсь, во рву, подлѣ большой дороги, среди разбишыхъ фуръ, изломанныхъ карешъ и мертвыхъ шѣлъ, кромѣ шубъ, бархатовъ и парчей, можно покупать серебряныя деньги мѣшками!! За сто рублей бумажками покупають обыкновенно мѣшокъ серебра, въ кошоромъ бываетъ по сту и болѣе пяши франковыхъ монетъ. Ошъ чегожъ, спросишь ты, сбываютъ здѣсь шакъ дешево серебро? — Ошъ того, что нѣгдѣ и шяжело возишь его. Однакожь куплею сею пользуюшя очень немногіе: маркишаншы и прочіе неспроевыя. — Но шамъ, гдѣ мѣряють мѣшками деньги — нѣшъ ни крохи хлѣба! — Хлѣбъ почищается у насъ единственною драгоценностію! — Всѣ почти избы въ деревняхъ сожжены, и мы живемъ подъ углами въ шалашахъ. Какъ жалко сморѣшь на плѣнныхъ женщинъ! ихъ у насъ много. Одна прекрасная Нѣмка, съ проспрѣ-

ленною рукою, лежишь въ ближайшей избѣ. Ей перевязали рану и, за неимѣніемъ хлѣба, кормяшь сахаромъ и корицею, опіяшыми у Французовъ. — Наполеонъ велѣ въ Россію цѣлый вооруженный народъ! Третьяго дня видѣли мы прекрасную женщину, разпростершую подлѣ молодого мужчины. Одно ядро лишило ихъ обоихъ жизни, можешь быть въ минуту послѣдняго прощанія. — Тогда же, въ пылу самаго жаркаго боя, подлѣ сильнымъ каршечнымъ огнемъ, двое маленькихъ дѣшей, братъ и сестра, какъ Павелъ и Виргинія, взявшись за руки, бѣжали по мершвымъ шѣламъ, сами не зная куда. Генералъ Милорадовичъ приказалъ ихъ поспѣе часъ взять и опнести на свою кварширу. Съ того времени ихъ возяшь въ его коляскѣ. Пьеръ и Лизеша, одинъ 7, другая 5 лѣтъ, очень милыя и по видимому благоспишанныя дѣши. Всякой ве-

черѣ они, сами собою, моляшся Богу, помынаюшѣ своихъ родителей, и попомѣ подходяшѣ къ Генералу цѣловашѣ его руку.—

Теперь эши бѣдняжки не вовсе сироты. Вчера между нѣсколькими тысячами плѣнныхъ увидѣли они какъ-то одного, и вдругъ вмѣстѣ закричали: „вошѣ нашѣ бабюшка!“—Вѣ самомъ дѣлѣ эшо былѣ ошецѣ ихъ, полковой слесарь. Генералѣ шопчасѣ взялъ его къ себѣ, и онѣ плачешѣ отъ радости, глядя на дѣшей. Мамы ихъ Нѣмка—убиша.—Разсказашѣ ли шебѣ обѣ ужасномѣ состоянїи людей, копорые давно ль были намѣ такѣ страшны?... Но меня зовушѣ къ Генералу.—Прости до первой свободной минушы!...

Оттуда же и того же дня.

Мой другѣ! Вѣ самыхъ дикихъ лѣсахъ Америки, вѣ обласпи лютейшихъ Каннибаловѣ, едва ли

можно видѣшь такіе ужасы, какіе предсшавляющся здѣсь ежедневно глазамъ нашимъ. До какой степени доспигаешъ оспервененіе челоѡковъ! Нѣшь! голодъ какъ бы онъ не былъ великъ, не можешъ оправдашъ такого звѣрства. Одинъ изъ нашихъ проповѣдниковъ недавно назвалъ Французовъ: обезчеловѣтившимся народомъ: нѣшь ничего справедлиѡе сего изреченія. Положимъ, что голодъ принуждаешъ ихъ искашь пищи въ навозныхъ кучахъ, въ кошкахъ, собакахъ и лошадей; но можешъ ли онъ принудить пожирашъ подобныхъ себѣ. Они, ни мало не содрогаясь, жаряшь шоварищей своихъ, и съ великимъ храднокровіемъ разсуждающъ о вкусѣ конснаго и челоѡческаго мяса (*)!—

(*) Невольно вспомнишь, что во время революціи, совсѣмъ не отъ голода, Французы убили, сжарили и съѣли многихъ своихъ *Меровъ*.

За то какъ они гибнушъ: какъ мухи въ самую позднюю осень!... У мершвыхъ лица ужасно обезображены. Злосшь, опчаяніе, бѣшенство и прочія дикія спрасши глубоко запечашлѣлись на нихъ. Видно, что сіи люди погибали въ минушы изспупленія, со скрежещомъ зубовъ и пѣною на усахъ.— *На сихъ лицахъ не услѣло водвориться и спокойствіе смерти* (*).— Тѣ, которые не совсѣмъ еще обезумѣли, безпрестанно просяшъ бѣшь; а накорми ихъ досыша щеплымъ кушаньемъ — умираюшъ!— Но большая часть изъ нихъ совсѣмъ обезумѣли; бродяшъ, какъ слѣпые. Вчера я видѣлъ одного, кошорый, въ самомъ пылу сраженія, съ величайшимъ хладнокро-

Объ этомъ не молчишъ ихъ собственная Исторія. —

(Voyez mémoires sur la révolution.)

(*) Сіе выраженіе принадлежишъ почтеннѣйшему А. С. Шишкову.

вѣемъ мошалъ въ клубокъ нишки
 и самъ съ собою разговаривалъ,
 воображая, что онъ сидитъ дома
 у своей машери. Но вчерашняя
 ночь была для меня самая ужас-
 нѣйшая. Желая немного обсу-
 шиться, мы оправили кое-какъ
 одну избу, законопанили стѣны,
 пробишья ядрами, и испопили
 печь. Солни стѣнящихъ приви-
 дѣній, какъ Шекспировы шѣни,
 бродили около насъ. Но едва по-
 чуяли они теплый духъ, какъ
 съ страшнымъ воплемъ и ревомъ
 присыпали къ дверямъ. — Одинъ
 по одному вшѣснилось ихъ нѣ-
 сколько десяшковъ, и не было мѣ-
 ша, кошораго бы они не заняли.
 Одни валялись подъ лавками и
 на полу, другіе на верхнихъ па-
 лашяхъ, подъ печью и на печи.
 Мы принуждены были помоспичь
 себѣ нѣсколько досокъ съ лавки
 на лавку. Ошягченные усшало-
 шію, уснули на нихъ. — Пе-
 редъ свѣшомъ страшной вой и

ешоны разбудили меня. Подъ нами и надъ нами множество голосовъ, на всѣхъ почти Европейскихъ языкахъ, вопили, жаловались или изрыгали прокляшя на Наполеона! Тутъ были раненые, полузамерзшя и сумасшедшя. Иной кричалъ: „помогите! помогите! Кровь льется изъ всѣхъ моихъ ранъ! Меня сбъснили!... У меня оторвали руку!... „Поспойте! удержишесь! я еще не умеръ, а вы меня бдише!“ кричалъ другой. Въ самомъ дѣлѣ они съ голоду кусали другъ друга. — Третьй дрожащимъ голосомъ жаловался, что онъ весь хладѣетъ, мерзнетъ; что уже не чувствуетъ ни рукъ, ни ногъ! И вдругъ, среди шона, вздоховъ, визга и скрежеса зубовъ, раздавался ужасный хохотъ.... Какойнибудь безумный, воображая что онъ выздоровѣлъ, смѣялся, сзывая поварищей: бить Рускихъ! — А въ слѣдъ за симъ слышанъ былъ въ другомъ углѣ

самый горестный, сердце раздирающий плачь. Я слышалъ, какъ одинъ молодой Полякъ, увидѣвъ конечно во снѣ родину свою, говорилъ громко, всхлипывая: „я опять здѣсь, о маменька моя! . . . Но, посмотри, посмотри, какъ я весь израненъ! Ахъ! для чего ты родила на свѣтѣ несчастнаго?“—

Когда разсвѣло, мы нашли нѣсколько умершихъ надъ нами и подъ нами, и рѣшились лучше бысть на спужѣ въ шалашѣ. — Между сими злополучными жертвами честолюбія случился одинъ заслуженный Французскій Капитанъ, кавалеръ почешнаго легіона. Онъ лежалъ безъ ноги подъ лавкою. — Не возможно описатьъ, какъ благодарилъ онъ за шо, что ему перевязали рану и дали нѣсколько ложекъ супу. Генералъ Милорадовичъ, немогшій равнодушно видѣть сихъ безпримѣрныхъ спрадальцевъ, велѣлъ все, что можно было, сдѣлать въ ихъ пользу. —

Въ Красномъ справили домъ для лазареша; всѣ полковые лекари явились ихъ перевязывать; больныхъ обдѣлили послѣдними сухарями и водкою; а шѣ, кошорые были поздоровѣе, выпросили себѣ нѣсколько лошадей, и шопчасѣ ихъ свѣли (*)! — Кѣ спашѣ не надобно ль въ вашу Губернію учишелей? Намедни одинѣ Французѣ, у кошораго на колѣняхъ лежало конское мясо, взламывая черепѣ недавно убишаго свсего поварища и свѣ жадносшію глошая горячій еще мозгѣ его, говорилѣ мнѣ: „возьмите меня: я могу бышѣ полезенѣ Россіи — могу воспишывать дѣшей!“ Кто знаешѣ, можешѣ бышѣ эши *выморозки* по-

(*) бооо, сдавшіеся добровольно, препровождены были шопчасѣ со всевозможными выгодами въ главную кварширу. Имѣ осшавили даже повозки свѣ грузомѣ, бывшія при нихѣ, и все, кромѣ оружія.

оправяшся и наши разхващаютъ ихъ по рукамъ — въ училищели, не давъ имъ даже и *оселовѣгитъ*ся; развѣ милосердый Государь нашъ запрешишь указомъ опцамъ и машерямъ губишь такимъ образомъ дѣшей своихъ — Для чего же у насъ сполько учебныхъ заведеній, когда брашь Французовъ людоѣдовъ въ училищели? . . .

10 НОЯБРЯ МЪСТЕЧКО БАЕВО.

Вчера перенесли мы знамена свои за древніе рубежи нашего Опечесшва. Перейдя рѣчку Мерейку, мы вступили уже въ Могилевскую Губернію. Теперь главная кваршира авангарда въ мѣстечкѣ Баевѣ, что на одной высошѣ съ м. Лядами, на большой дорогѣ находящимся. — И такъ нынѣ уже ясно и никакому сомнѣнію не подвержено, что одно посшоянное продолженіе сей войны увѣчиваешъ ея споль бли-

спашельными успѣхами. Есль-
либѣ заключили мирѣ при Тару-
шинѣ, то какѣ бы не былѣ онѣ
выгоденѣ, но Россія не имѣла бѣ
ни лавровѣ, ни профей, ни дра-
гоцѣннѣйшаго для всякаго увѣ-
ренія, что Наполеонѣ уже ни-
когда не возвратишь раззоряшь
предѣлы ея. Теперь можемѣ мы
вдохнуть спокойно! . . . Мечѣ,
висѣвшій надѣ главами нашими,
изчезѣ. Тучи, ходившія по Рус-
кому небу, быспро несущя на-
задѣ. — Мы видимѣ надѣ собою
ясную лазурѣ безмяшежнаго сво-
да, ошколѣ Всевышній благосло-
вляешѣ оружіе правыхѣ на слав-
номѣ поприщѣ его побѣдѣ.

Извѣстно однакожь, что На-
полеонѣ, прежде нежели рѣшилсѣ
осшавишь Москву, испощалѣ всѣ
усилія для заключенія мира. Му-
дрый Кутузовѣ заводилѣ вѣ сѣши
ослѣпленнаго спрасстями и гор-
досшію сего новаго Навуходоно-
сора. Онѣ спаралсѣ выиграшь

время, доколь подоспѣшь къ намъ
вѣрнѣйшая союзница — зима!

Но швердосць Государя въ сихъ
смущенныхъ обшояшельствахъ до-
стойна хвалы и удивленія совре-
менниковъ и пошомства. Испол-
ненный духомъ предвѣденія, онъ
пребылъ непоколебимъ, какъ гра-
нишный утесъ среди мяшежныхъ
морей! —

„Я прежде соглашусь перенести
„Сполицу мою на берега Ирпыша
„и ходишь въ смуромъ кафтанѣ,
„нежели заключу теперь миръ съ
„раззорившемъ Опечества!“ —

Такъ ошѣвчалъ Монархъ на
предложеніи о мирѣ. — Слухъ о
семъ дошелъ къ намъ въ армию.
Таковыя изреченія *Государей* под-
слушиваетъ *Исторія* и съ благо-
говѣніемъ передаетъ опдаленнѣй-
шимъ родамъ въ безконечность
временъ.

Мой другъ! *настоящее* повшо-
ряется въ *будущемъ*, такъ какъ
прошедшее въ *настоящемъ*! —

Преидущь времена ; лѣша обра-
 щаяся въ сполѣшія и наспанешь
 опяшь для нѣкоего изъ царствъ
 земныхъ *періодъ рѣшительный*, по-
 добный тому, копорый нынѣ по-
 крылъ Россію пепломъ, кровію и
 славою. — Но когда поколебающся
 царства и попрясушся престолы,
 тогда Государь, надъ главою ко-
 порого зашумяшъ бури, взгля-
 нешъ съ довѣренностію въ *бытія*
протекшихъ временъ, увидишъ лу-
 чезарное имя Александра I,
 возьмешъ съ него примѣръ *твер-*
дой непоколебимости, и спасая ея
 народы свои, возвеличишъ и въ
 позднѣйшихъ вѣкахъ безсмерш-
 ную славу Монарха нашего.

14 Ноября. Городъ Борисовъ.

Ушла лисица, только хвостъ
 въ западѣ остался! . . .

Никакой человѣческой умъ не
 можетъ сдѣлать соображеній луч-
 ше тѣхъ, какія сдѣланы были

Княземъ Кушуровымъ и принявъ лучшихъ мѣръ, какія принялъ онъ для поимки Наполеона у рѣки Березы въ городѣ Борисовѣ. Одна непоспѣвшая судьба могла спасти его, можешь быть для того, чтобы карать *имъ* еще человечество!— Адмиралъ Читаговъ съ арміею своею съ лѣва внизъ, а Графъ Вишгенштейнъ съ права вверхъ по теченію рѣки, сближались одинъ противъ другаго, дабы сомкнувъ войска свои, какъ двѣ стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ могъ переправиться непріятель, за коимъ шла армія Кушурова, и коимъ неослабно преслѣдовали Графъ Платовъ съ Козаками, Генералъ Милорадовичъ съ авангардомъ, Генералы Ермоловъ и Бороздинъ съ лучшими отрядами.

Всѣ эти дни погода была самая бурная и ненастная. Морозы достигали до 20 градусовъ. Мы шли проселочными дорогами;

Аршиллерія наша прорѣзывала пуши по глубокимъ снѣгамъ; пѣхоша и конница пробирались дремучими лѣсами, и при всемъ эшомъ нѣскольکو переходовъ сдѣлано по 40 верствъ въ день — Не забудь, что въ зимній день!

Духъ Великаго Суворова конечно веселился, взирая съ высотъ на столь быстрое шествіе побѣдоносныхъ Россіянъ. — Сбылся и стихъ великаго Поэта:

Гдѣ только вѣтры могутъ душь:
Просунуть шамъ полки орлины! —

Жаль однакожь, что всѣ наши шруды были напрасны! ... Наполеонъ уже за Березиною! ... Графъ Вишгенштейнъ шѣмъ же самымъ громомъ, кошорый бросалъ на Кляспицкихъ поляхъ, отбилъ у переправлявшагося непріятеля одинъ изъ заднихъ его корпусовъ, и 12 тысячъ, увидѣвъ себя окруженными, положили оружіе. — Мы осшановились въ разоренномъ и

еще дымящемся опѣ пожара Борисовѣ. — Несчастные Наполеонцы ползающѣ по шлѣющимѣ развалинамѣ и не чувствующѣ, что шѣло ихѣ горитѣ!... Тѣ, кошорые поздоровѣе, вшѣсняющѣ вѣ избы, живущѣ подѣ лавками, подѣ печьми и заползающѣ вѣ каминны. Они спрашно воющѣ, когда начнущѣ ихѣ выгонящѣ. — Недавно вошли мы вѣ одну избы и просили старую хозяйку пропощищѣ печь. „Не лѣзя шощищѣ, опѣвѣчала она: шамѣ сидящѣ Французы!“ — Мы закричали имѣ по Французски, чтошѣбѣ они выходили скорѣе *ѣсть хлѣба*. Это подѣйствовало. Тотѣ часѣ шрое, черныя какѣ Араны, выпрыгнули изѣ печи и явились передѣ нами.

Каждый предлагалѣ свои услуги. Одинѣ просился вѣ повара; другой вѣ лекаря; шрешій — вѣ *убителѣ*! — Мы дали имѣ по куску хлѣба, и они поползли подѣ печь.

Въ самомъ дѣлѣ, есѣли вамъ ужь очень надобны Французы, шо вмѣсто того, чѣобы выпи- сывать ихъ за дорогія деньги, присылайте сюда побольше под- водъ и забирайте даромъ. Ихъ можно ловить легче раковъ. По- кажи кусокъ хлѣба — и цѣлую ко- лонну сманишь! — Сколько год- ныхъ въ повара, въ музыканшы, въ лекаря, особливо для госпожъ, кошорыя наизусть перескажутъ имъ всего *Монто*; въ друзья дома (*amis de la maison*) и — въ учи- тели!!! — За недоспашкомъ Рус- кихъ мужчинъ, сражающихся за Опечесшво, они могутъ блиспать и на балахъ нашихъ богашыхъ помѣщиковъ, кошорые (знаютъ о раззореніи Россіи шолько по слу- ху! — И какъ ручашься, чѣо эши же запечные Французы, доползя до Россіи, прихолься и приоса- мясь, не вскружатъ головъ пре- краснымъ Россіянкамъ, воспишан- ницамъ — Француженокъ! . . .

Нѣкогда случилось въ древней Скифїи, что рабы опбили у египтоу своихъ, бывшихъ на войнѣ, женъ и невѣстъ ихъ. Чтобы не сыграли такой же шушки и прелестныя людодды съ героями Русскими! . . .

16 Декабря. Вильна.

Въ началѣ Октябрия былъ я нѣсколько сотъ верствъ за Москвою, въ Рязанѣ въ Касимовѣ, на берегахъ Оки. Въ Ноябрь дрались мы уже на границахъ Бѣлоруссїи; а 16 Декабря пишу къ тебѣ изъ Вильны. Такъ мыкаешься другъ швой по свѣшу! Такими исполинскими шагами шло войско наше къ побѣдамъ и славѣ! . . . Но сколько неслыханныхъ, невообразимыхъ шрудовъ перенесло войско! Сколько вышерпѣлъ другъ швой! — Однакожь я здоровъ! — Чрезъ шесшь дней буду—въ Гроднѣ.— Армія остається еще здѣсь,

чтобъ взять хопя малѣйшій роздыхъ. Авангардъ идетъ въ Гродно, копорая, со всѣми магазейнами своими, сдалась Паршизану *Денису Давыдову*. Наполеонъ бѣжишь къ Неману.

На сихъ дняхъ изволилъ прибышь сюда Государь Императоръ. Побѣдоносное воинство и ошягченный лаврами *Князь Смоленскій* встрѣшили его. Вскорѣ прибылъ и Цесаревичъ. — Радость сдѣлалась общею. Все окрешное дворянство спеклось въ городъ — и городъ заблещалъ разноцвѣтными огнями освѣщеній. Различныя прозрачныя каршины представляли Россію — шоржешвующею; *Александра* — милующимъ прешупныхъ; *Наполеона* — бѣгущимъ. Извѣшно сшало, что каршины сіи рисовалъ шощъ самый живописецъ, копорый за нѣсколькѣ предъ симъ мѣсяцовъ изображалъ шѣ же лица, шольно въ обрашномъ смыслѣ, для освѣщеній

въ честь Наполеону. Тотъ же Профессоръ, который пропелъ шеперь прегромкую оду въ честь Рускимъ, славилъ прежде Французовъ. Таковы люди! —

Трудно досстигнушь челоуѣку до такой степени славы, какою оза-ренъ Князь Свѣшлѣйшій! Но еще труднѣе бышь, какъ онъ, споль-кожъ славу, какъ и любиму. Онъ позволилъ Офицерамъ шепло одѣ-ваться въ морозы и веселишься, гдѣ можно, — и очаровалъ души! — Недавно докладывали ему: не прикажешъ ли запрешить Офи-церамъ сбирашь въ шпакширъ, находившійся прошивъ самыхъ его оконъ, гдѣ они привыкли играшь, шупишь и веселишься? „Оспавыше ихъ въ покоѣ,” отвѣ-чалъ великодушный Князь: „пустишь забавляюшся; мнѣ пріятно слы-шашъ, какъ они веселяшся! Люди, освободившіе Ошечештво, заслу-живаюшъ уваженіе. Я не люблю, чшобъ главная кваршира моя

„походила на монастырь. Веселость въ войскѣ доказываетъ господство его ищи впередъ!“

О! онъ знаетъ сердце человѣческое! Онъ знаетъ, что одною ложкою меда больше можно смазать мухъ, нежели цѣлою бочкою уксуса.

18 Д Е К А Б Р Я .

Я два раза навѣщалъ одного изъ любезнѣйшихъ Поэтовъ нашихъ, почтеннаго В. А. Жуковскаго. — Онъ здѣсь, въ Вильнѣ, былъ болѣнъ жестокою горячкою; теперь немного обмогается. — *Отегественная война* переродила людей. Благородный порывъ сердца, любящаго отечество, вмѣстѣ съ другими увлекъ и его изъ круга тихомирныхъ занятій, отъ прелестныхъ бесѣдъ съ Музами въ шумные поля брани. — Какъ грустно видѣть спрaданіе того, кто былъ такимъ прелестнымъ

пѣвцомъ во станѣ Рускихъ, и кшо дарилъ насъ такими прекрасными балладами! — Мой другъ! сія война ознаменована какою-то священною важностію, всеобщимъ стремленіемъ къ одной цѣли. Поселяне превращали серпъ и косу въ оружіе оборонительное; ошцы вырывались изъ объятій семействъ, писатели изъ объятій независимости и Музъ, чшобъ спашь грудью за родной предѣлъ. Послѣдніе, подобно шрубадурамъ рыцарскихъ временъ или Бардамъ Оссіана, пѣли и подъ шумомъ военныхъ бурь.

21 Декабря. На пути въ Гродно.

Не правда ли, чшо очень пріятно найши прекрасный кустъ розы въ дикой степи? — Точно также радуешъ насъ хорошей домъ въ разоренной споронѣ. Мы испытали пріятность такой находки, пробъжая изъ Вильны

въ Гродно.— Городня есть прекрасный сельскій домъ сестры покойнаго Короля, Графини Тишкевичевой. Вездѣ и во всемъ видѣнъ изящный вкусъ: въ выборѣ мѣста для дома, въ расположеніи комнатъ и въ уборкѣ ихъ; но болѣе всего понравились намъ каршины.

Захочешь насладиться пріятнымъ упрямъ — взглянешь на сѣбну — и видишь въ каршинѣ всѣ прелести его.— Какъ синь и прозраченъ эшошъ воздухъ! Какъ легки сіи дымчашыя облака! Какъ хороши первые лучи солнца! . . . Кажешся, видишь, какъ сіи лучи яснѣють, какъ сей воздухъ спановишся свѣшлѣ; шуманъ рѣдѣетъ, цвѣшки просыпающся, пшички спрѣсають съ крылышекъ жемчужную росу, и все въ улыбка!— Въ дополненіе видишь невинность. Въ видѣ прелестной пашушки, съ свѣжимъ, упреннимъ румянцемъ на щекахъ и съ песч-

рымъ спадомъ. Тупъ же вечеръ : какъ хорошъ!— Не волшебникъ ли какой-нибудь собралъ сизыя шѣни вечернихъ сумерокъ и бросилъ ихъ на холстъ?— Они шакъ живо изображены!— Вотъ подлинникъ лучшаго изъ Польскихъ живописцевъ. Вижу сраженіе, конный бой, или, лучше скажешь, жаркую схватку, въ которой опличаешься одинъ человекъ на дикой лошади, которая скачетъ чрезъ груды шѣлъ, бѣсится и, кажется, стремится опрокинуть и спопашать все, что ни встрѣчаетъ. Кто же эшотъ человекъ, у котораго епанча свалилась съ плечъ; который въ бѣшенствѣ рашномъ разперзалъ на себѣ одежду и обнажилъ до половины шѣло свое?— Съ длиннымъ ножомъ въ рукѣ, которымъ бьетъ лошадь и неприятелей, скачетъ онъ, какъ безумный, сквозь пули и каршечи, прямо на пушки и шпыки. . . . Я ростъ блещетъ въ его глазахъ,

пѣна клубится у рта. — Ясно видно, что судьба его зависима отъ выигрыша сего сраженія. Онъ спремится, во что бы то ни стало, одержать побѣду. — Герой покоенъ въ бою: побѣда сама находитъ и вѣнчаетъ его лаврами; а это вѣрно не Герой, ибо силится сорвать вѣнецъ награды; вѣрно не полководецъ, ибо, забывая себя, хочетъ побѣдить одною неисповою храбростию. — Ктожъ это такой? — Карпушъ! — Кисть живописца прекрасна и смѣла; но краски, кажется, слишкомъ блестящи, и вообще видна какая-то щеголеватость въ каршинѣ. Нѣтъ простоты, свойственной великимъ художникамъ.

На стѣнахъ другихъ комнатъ видны Римскія развалины, прекрасные виды, *водопады*, кошорые, кажется, брызжутъ на него, кто на нихъ смоетъ. Въ семъ прелестномъ домѣ вижу я живо-

писную Ишалию — и теряюсь въ сладких мечсахъ о ней. — Я вижу страшную Эшну, въ черной ночи, въ красныхъ зрѣвахъ, съ желтыми опшѣнками; вижу, какъ блещущъ изломчашья молніи; какъ кипитъ свирѣная лава, какъ огненное жерло *стрѣляетъ вверхъ буграми*, какъ прескаютъ на воздухъ громады и сыплется каменный дождь!... Вижу — и пугаюсь: *шакъ все это живо!*...

О, какъ прелестны искусства! Онѣ обворожаютъ смертныхъ; — онѣ очаровали и насъ спранниковъ!

26 Декабря. Гродно.

На сихъ дняхъ Графиня Орлова-Чесменская прислала Генералу Милорадовичу *мечь или саблю*, подаренную Великою Екатериною покойному родителю ея, Графу Алексѣю Григорьевичу, за изспребленіе флота при Чесмѣ. Въ шо

время, когда непріятель опустошалъ окрестности Москвы, Генералъ Милорадовичъ, узнавъ, что вблизи находишься имѣніе Графини Орловой, заслонилъ его своими войсками и, опразивъ врага, не допустилъ расхищать селъ ея и попрашь гробъ знаменишаго Орлова. Онъ сдѣлалъ сіе, слѣдуя первому порыву чувства уваженія къ заслугамъ Чесменскаго, убѣжденъ будучи, что *могила храбраго отечеству священна!* Но дочь, благоговѣющая къ праху родителя своего, приняла въ полной цѣнѣ подвигъ сей и, при лестномъ письмѣ, прислала драгоцѣнный мечъ Герою, кошорому за нѣскольکو предъ симъ лѣтъ благодарный народъ Валакской поднесъ *мечь за спасеніе Букареста.* — Дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ Фуксъ, съ свойственнѣмъ ему краснорѣчіемъ, описалъ случай сей въ нѣсколькихъ спрочахъ, кошорыя шебъ и посылаю. А къ

сему присообщаю также списки, невольно излившіеся изъ *военнаго пера моего* при созерцаніи сего памяшника временъ *Екатерины и славы вождей ея.*

„Двора Ихъ Императорскихъ Величествъ Фрейлина, Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, прислала къ Генералу опшъ Инфантеріи Михайлу Андрѣевичу Милорадовичу саблю, Всемилосшивѣйше пожалованную въ Бозѣ почивающею Императрицею Екатериною Алексѣевною покойному родителю ея, Графу Алексѣю Григорьевичу, за ишпробленіе при Чесмѣ Турецкаго флоша, при письмѣ, лешныхъ для него выраженій исполненномъ, за спасеніе имъ въ нынѣшнюю войну деревень ея, а особливо шой, гдѣ погребенъ родителъ ея. — Мечъ сей дарованъ Великою Екатериною Герою Чесменскому за ишпробленіе Ошшоманскаго спраш-

наго морскаго ополченія на водахъ Азіи, въ виду береговъ древня Элады и Іоніи. Тамъ въ первый разъ возвѣялъ флагъ Россійскій;— громъ съ Сѣвера ударилъ,— флотъ изчезъ и луна померкла. Сей мечъ, украшенный драгоценнѣйшими каменьями щедрошами безсмершныя Монархини, естъ безцѣнное знаменіе величія погдашней славы Россіи и неислѣваемый памятникъ въ родѣ родовъ Орловыхъ. Но дочь, благоговѣющая къ памяти родителя своего, къ священному для нее праху его, подносила блистательный залогъ сей знаменишюму воину, недопусшившему нечесшваго врага коснуться сей гробницы.— Милорадовичъ пріемлеши оный съ глубочайшею, живѣйшею признашельноспію; но обѣщаешъ ей извлечь оный шокмо за предѣлами Ошечешва на поражение возмушшелей спокойшвія народовъ, буде Провидѣнію паки

угодно будешь избрать его ору-
діемъ, и не прежде возложишь
на себя, доколѣ не содѣлаешься
доспойнымъ подарка, получен-
наго изъ рукъ Россіянки, пламе-
нѣющей любовію къ Опечеслву
и къ Опцу.

С Т И Х И

къ мечу, присланному отъ Ея Сія-
тельства, Графини Орловой-Че-
сменской, Его Высокопревосходи-
тельству Генералу отъ Инфантеріи
Милорадовичу.

Драгой подарокъ Грели-славы,
Какимъ пы блескомъ озаренъ!...
Залогъ священный древней славы!
Ты былъ Вождю тому врученъ,
Что гибель Опшомановъ строя,
Парилъ по безднамъ какъ орелъ.
Ты нѣкогда блисталъ въ рукъ Вождя—
Героя,
Что громомъ ополченъ, рассыпавъ
шучи стрѣль,

По гласу Росскія Паллады,
 Опламенилъ спруи Эллады,
 Облекъ пожарами моря и горизонтъ,
 Попрясъ Стамбуль, сжегъ флотъ, и
 даль пушь Россамъ въ Понтъ:
 Ты славенъ былъ въ шотъ вѣкъ;— но
 смерть, изрывъ могилу,
 Неумолима смерть Героя блескъ и
 силу
 Подъ камнемъ гробовымъ, запечата-
 ла въ ней.
 Блещащи подвиги прошли, какъ рядъ
 шѣней.

И ты, безцѣнный даръ Великія Ца-
 рицы!

Упавъ изъ мощныя десницы,
 Уснулъ въ забвеньи долгимъ сномъ.
 Ты спалъ — и годы прошекали;
 Гремѣлъ кровавыхъ браней громъ,
 Вносились царства, упадали, —
 Разилъ народы рока гнѣвъ: —
 Ты спалъ — и блескъ своихъ руби-
 новъ и шопазовъ,
 Бразильскихъ яхонтовъ, алмазовъ,
 Красой своей дивилъ одинъхъ лишь
 юныхъ дѣвъ,

И лавры, что тебя издревле повивали,
 Въ шѣни безвѣстія блѣднѣли, увя-
 дали. . . .

Ты спалъ! — „Когда швой сонъ ми-
 нешъ?

„Когда тебя пробудитъ слава,
 „Ты въ чьей рукѣ увидишь свѣтъ?“

Царица Росскихъ дѣвъ, такъ мыс-
 лишъ *Грели-слава*:

„Найдется ли Герой, чтобъ могъ
 владѣшь тобой,

„Любимой славою, предвизбранный
 судьбой,

„Чтобъ онъ въ войнѣ рѣшалъ всегда
 судьбу сраженій,

„Чтобъ въ мирѣ былъ для всѣхъ
 виною утѣшеній,

„Чтобъ въ буряхъ бившъ бросаю громъ,
 „Въ покоѣ — славился умомъ;

„И чшобы сей герой, кому самъ
 Марсъ послушенъ,

„Былъ нѣженъ, крошкѣ, добръ, —
 былъ швердѣ, великодушенъ.

„Найдется ль? — Но межъ шѣмъ Евро-
 пы общій врагъ,

Упоенъ дерзостью, исполненный оп-
 вагъ,

Ведетъ на Руской край полки не-
изчислимы.

Пожары, скорбь и смерть повсюду
Россамъ зримы:

Вездѣ гласитъ бѣду крылашая мол-
ва. . . .

Смушился Пешрополь, восплакала
Москва. . . .

Тутъ швердою стѣной Россійски
стали вои

И начались кровавы бои. —

Въ ошечествѣ война Героевъ ро-
дила.

Тутъ вновь въ пожарахъ битвъ зрящъ
быспраго Орла,

Кошорый въ славные для Россовъ
прежни годы

Надъ Альпами гремѣлъ средь ужа-
совъ природы.

Изъ мрачной тишины явился сей Ге-
рой,

Блеснулъ, и въ слѣдъ побѣдъ повелъ
Россійскій строй;

Всѣ нужды презиралъ. . . . Давноль
въ забавахъ жилъ

И въ лѣнѣ роскоши на розахъ про-
хлаждался?

Пришелъ на полѣ битвѣ и тверже
 всѣхъ казался :
 Грызъ черны сухари и горстью воду
 пилъ.
 Былъ веселъ , какъ въ пиру , при
 страшномъ бранномъ громѣ;
 Дѣлилъ съ солдатомъ прудъ , спалъ
 крѣпко на соломѣ :
 И сколько ни ходилъ съ врагомъ въ
 кровавый бой ,
 Побѣду спутницей всегда водилъ съ
 собой.
 Уже хвалы о немъ вѣщаетъ Россамъ
 слава ,
 И звукъ побѣдъ его внимаетъ Грели-
 слава.
 Уединенная , въ кругу прекрасныхъ
 дѣвъ ,
 Враждебныхъ лютыхъ ордъ ужасный
 слыша ревъ ,
 И въ заревахъ надъ ней шумящи
 бранны грозы;
 Священный Руской край въ напа-
 стяхъ страшныхъ зря ,
 Не о себѣ , о немъ лья слёзы ,
 Всѣмъ жершвовашъ стремясь для
 вѣры и Царя ,

Въ глубокой скорби восклицаетъ :
 „Уже ль и здѣсь враговъ намъ злоба
 угрожаетъ?

„И здѣсь, о родина моя!

„Гдѣ жизни на зарѣ цвѣла въ бла-
 женствѣ я! —

„Наслѣдіе отцевъ! мѣста безцѣнны,
 милы!

„Сразись ли и вы гремящею вой-
 ной?

„Увы! придетъ врагъ, и наглою
 снопой

„Попреть священный холмъ опече-
 ской могилы! . . .

„Нѣтъ! нѣтъ! ужасна мысль! не
 оскорбляй мой духъ,

„Покойся мой опецъ! покойся нѣж-
 ный другъ!

„Не будетъ возмущенъ, Герой! швой
 прахъ во гробъ:

„Я пробужу швой мечъ на ужасъ
 дерзкой злобѣ.“ —

Такъ славнаго отца дочь нѣжная
 речетъ,

И мечъ драгой пріявъ, въ роду ея
 почтенный,

Мечъ, древней славой озаренный,

Герою Росскому, враговъ разящу,
шлешъ.

Препоясуй его Екатерининъ мечъ!
Ближай, какъ молнія, въ пылу гре-
мящей брани!

Пошомства можешь ты вниманіе
привлечь.

Пошомство лучшія блюдетъ Героямъ
дани:

Умрешъ Герой; но въ гробъ не мо-
жетъ слава лечь.

Преидутъ времена, сольются въ
вѣки годы;

Изчезнетъ все, что блескъ достоин-
ства мрачитъ:

И зависть, что змѣей вокругъ лавровъ
вьясь, шипитъ,

И ложь, слѣпящая народы;—

Изчезнутъ ковы злыхъ, ползущихъ
шварей прѣ. . . .

Но слава громкихъ дѣлъ, какъ алый
лучъ зари,

Что въ воды зеркальны гадится,
Въ сердцахъ пошомковъ опзариися.—

Въ позднѣйшихъ мракъ временъ стре-
мяю я съ мыслью взоръ.

Тамъ спранникъ, вижу я, въ дни
мирные, щасливы,

Въ лугахъ , близъ златоцвѣтной
 нивы ,
 Косьми обильной зря бугоръ,
 У древнихъ старцевъ вопрошаешъ:
 „Чей прахъ въ могилахъ исплѣ-
 ваешъ ? —
 „Здѣсь Милорадовичъ на Краснен-
 скихъ поляхъ
 „Надменныхъ тысячи сразилъ и свер-
 гнулъ въ прахъ ;
 „Здѣсь славился Герой, здѣсь Вождь
 гремѣлъ войною,
 „И сладкой подарилъ попомство ши-
 шиною.“
 Такъ нѣкій Бардъ ему речешъ ;
 И , сидя на холмѣ , подъ розовой
 зарёю ,
 Задумчивъ , восхищенъ , вечернею
 порою
 Коснется струнъ — и нѣснь Герою
 воспоешь. —
 Когда же возвращусь на родину я
 самъ
 Въ объятъя прежнія свободы ,
 Увижу милые лѣса, долины, воды,
 И ошческимъ коснусь гробамъ ;

Коль хижину свою разрушенну по-
 строю (*),
 И лиру опыщу подъ пепломъ я мою,
 Тогда, о славный мечъ! я швоему
 Герою
 Еще пѣснь лучшую спою! —

28 Д Е К А Б Р Я.

„Выспунилъ, ушелъ, вырвался,
 убѣжалъ!“ изв опечесива нашего
 сей новый Капилина. — Наполе-
 онъ за Неманомъ! Уже нѣтъ ни
 одного врага на землѣ Руской! —
 Александръ Первый гошовъ по-
 ложишь мечъ свой; но Еврола
 упадая предъ нимъ на колѣна и,
 съ воздѣшными къ небу руками,
 молишь его бышь ея спасишелемъ,
 и, подобно древнему Александру,
 разсѣчь мечемъ новый Гордіян-
 скій узелъ тяжелыхъ веригъ ея

(*) Сочинишель сихъ писемъ, опѣ на-
 шесшвія враговъ, лишился всего
 своего имущества.

плѣна. — Нѣкогда Монархъ сказа-
 залъ Кушзуову: „иди спасашь
 Россію!“ — Теперь, кажешся, слы-
 шенъ въ небесахъ гласъ самаго
 Бога, вѣщающій Александрѣ
 Первому: *гряди освобождашь Евро-
 пу и спасаешь народы и Царей ея!* —
 И шакъ, за чѣмъ приходилъ На-
 полеонъ въ Россію? — Вошь во-
 просъ, для разрѣшенія котораго
 будущъ писашь цѣлыя книги. —
Удана въ мѣрѣ, семъ священнѣе всѣхъ
правъ! думалъ вождь Галловъ:
 шакъ думалъ и вождь Ташаръ! —
 Башый и Наполеонъ по кровавому
 морю хотѣли приплышь къ храму
 славы. Но кровь пролиша; а храмъ
 славы запершъ для нихъ. *Ихъ*
мавзолей — проклятіе народовъ! —

Самъ Цицеронъ, естлибъ онъ
 воскресъ шеперь, не могъ бы, ка-
 жешся, лучше изобразить насиль-
 ственнаго вшорженія враговъ въ
 землю Рускую, швердосши Госу-
 даря, народа и ужаснаго гнѣва,
 раздраженнаго Бога, посшигшаго

сіи разноплеменные орды среди торжествъ и злодѣяній ихъ, какъ все сіе изображено въ Манифестѣ, обнародованномъ въ Вильнѣ. Онъ начинается сими словами: „Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, и проч. и проч. и проч.“

П. П. Новый порядокъ устанавливается въ дежурствѣ нашемъ: всякой будетъ имѣть свою опредѣленную часть.

Храбрый Полковникъ Пошемкинъ, исправлявшій должность начальника Штаба, произведенъ на сихъ дняхъ въ Генералы и назначенъ командиромъ Лейбъ Гвардіи Семеновскаго полка; а начальникомъ Штаба по авангарду опредѣленъ, по Высочайшей волѣ, Флигель-Адъютантъ Его Величества, Полковникъ Сипягинъ, который еще въ Капшанскомъ чинѣ отличилъ себя во всѣхъ чешырехъ сраженіяхъ при Красномъ.

1 Генваря, 1813. Городъ Гродно.

Наконецъ минулъ сей 1812 годъ. Какимъ шумомъ, блескомъ и волненіемъ ознаменовалось шествіе его въ мірѣ! Ежели говоришь языкомъ Сшихошворцевъ, придавая всему лице и существенность, то я воображаю, что сей годъ, обремененный славою и преступленіями, важно вступаешь во врата вѣчности, и гордо вопрошаешь неизчислимые сонмы прошекшихъ годовъ: кто болѣе его обогрѣлъ кровію и покрылъ лаврами; кто былъ свидѣтелемъ большихъ превращеній въ судьбахъ народовъ, царствъ и вселенной?— Возспаюшъ вѣки древняго Рима, пробуждающаго времена великихъ браней, славныхъ Полководцевъ, вѣки всеобщаго переселенія народовъ... Напрасно! Древняя Исторія, кажется, не найдешь въ себѣ года, который бы во всѣхъ многоразличныхъ отношеніяхъ могъ сравняться съ

прошекшимъ.— Начало его наполнено было мрачными предвѣсшіями, шомишельнымъ ожидаіемъ. Гнѣвныя шучи сгущались на Западѣ. Въ слѣдѣ за пламенною комешою многія дневныя знаменія на небѣ являлись. Люди ожидали будущаго, какъ спрашнаго суда. Глубокая однакожъ тишина и шайна господшвова-ли на землѣ. Но сія обманчивая тишина была предвѣсшницею спрашной бури. Взволновались народы, какъ волны Океана, и всѣ силы, все оружіе Европы обра-щилось на Россію. Богъ предалъ ее на раны, но защитилъ отъ погибели. Россія опшшупила до Оки и, съ упругосшію, свойспвенною силѣ и огромности, раздви-нулась опять до Немана. Обласши ея сдѣлались проспраннымъ гробомъ неизчислимымъ врагамъ. Руской, спасишель земли своей, пожалъ лавры на снѣгахъ ея, и раз-вернулъ знамена свои на чуждыхъ

предѣлахъ. Изумленная Европа, слезами и шрауromъ покрывая, взирая на небо, невольно восклицаетъ: „великъ Богъ земли Русскія, великъ Государь и народъ ея! — Великъ Кушуровъ, Полководецъ мудрый!“ — говоритъ Испорія, и вмѣстѣ съ именемъ его пишеть на злыхъ скрижалѣхъ своихъ 1812 годъ.

2 Января. Гродно.

Вчера въ вечеру было здѣсь, такъ называемое, Казино, собраніе по билетамъ. Домъ собранія былъ освященъ. Прекрасныя патриотки, мнимыя любительницы опечесства, сначала очень не ласково смотрѣли на пригожихъ побѣдителей своихъ — Рускихъ Офицеровъ. Онѣ хотѣли казаться спрашными любительницами свободы, огорченными, томнымъ вздыхательницами о потерѣ ея; хотѣли плакать, . . . но заиграли

мазурку — и всё пустились кру-
жишься. Кажется, Польскимъ
женщинамъ меньше всего должно
бояться покорения: ихъ ловкость,
умъ и прекрасные глаза издавна
доставляли имъ победы надъ
сердцами мужчинъ, — Жаль од-
нако, очень жаль, что и Польки
поработились *Парижскимъ дура-*
тествамъ!

Января 4. Мѣстечко Гонендзѣ.

Гонендзѣ, пограничное мѣстеч-
ко въ области Бѣлоспожской надъ
рѣкою Боброю, имѣетъ около 200
домовъ. Оно окружено обшир-
ными белозами и необозримыми
понизовыми мѣстами. Теперь,
зимою, здѣсь видъ прекрасный;
а лѣтомъ все должно плавать
въ водѣ, кромѣ мѣстечка, стоя-
щаго на огромномъ камениспо-
пещаномъ возвышеніи. Большую
часть жителей составляютъ Ев-
реи. Здѣсь-то назначено *сборное*

мѣсто всему авангарду Генерала Милорадовича. Онъ состоишь изъ 6 го и 7 го пѣхотныхъ, двухъ кавалерійскихъ корпусовъ и лучаго Графа Палена опряда. Опряда Генераль - Маіора Васильчикова также къ нему принадлежишь.

6 Января. Гонендзь.

Завпрешній день переходимъ мы за границу; завтра спущимъ на землю, никогда еще Россіи не принадлежавшую. Вся армія вступаетъ въ Герцогство Варшавское тремя большими колоннами. Симъ колоннамъ дано споль искусное, вѣрное и для насъ выгодное направление, что движеніемъ ихъ по разнымъ пушамъ въ одно время займешся вдругъ все пространство отъ Данцига до Варшавы. Самая столица сія, въ случаѣ сопрощивленія ея, будетъ обойдена и мгновенно стѣснена со всѣхъ

сторонѣ. Кто же есть тайною пружиною сего спройнаго, сего искуснаго движенія войскѣ?— Тотѣ же, кто былъ причиною столь быстраго и для насѣ щасливаго оборота въ великихѣ произшедшихѣ прошекшаго года:— сшарецѣ Кушуровѣ.— Самѣ Государь неразлученѣ съ нимѣ, съ войсками и съ славою.

Гонендзь, 7 Января по утру.

При выступленіи за границу, Генералѣ Милорадовичѣ ошдалѣ приказѣ, чшобы во всѣхѣ полкахѣ служили молебны въ возблагодареніе Богу, управляющему судьбою браней, за щасливое окончаніе Опечесшвенной войны, моля, да осѣнишѣ и прославишѣ Онѣ и впредѣ оружіе Россійское, подвемлемое на освобожденіе царствѣ и народовѣ!

7 Января, м. Радзилово.

Мы уже за границей. Порядочныя дороги чрезъ болоша, каменные заборы въ поляхъ, изрядныя крещьянскіе дома, съ прекрасными садиками и прочія заведенія уподобляющъ сторону сію Нѣмецкимъ краямъ. Здѣшнія мѣста вообще наполнены болошами и лѣсами. Почва земли камениста. — Отъ Гонендзъ до Радзилова 25 верствъ. Это шакже очень небольшое мѣстечко, на высошѣ, среди болошъ.

Взгляни на хорошую топографическую каршу, и увидишь, что большая часть Герцогства занята болошами. Лѣшомъ, по неудобности мѣстъ, сторона сія весьма способна къ оборонительной войнѣ. Надобно бышь Рускимъ и воевать въ самую люшую зиму, чшобъ проходишь вездѣ. — Вся здѣшняя сторона населена Мазурами. Люди сіи подобны лѣсистой природѣ своей.

Мужчины великорослы, сильны, пасмурны и блѣднолики; женщины же вообще очень спройны и пригожи. Любимой цвѣшъ Мазуровъ синій. Они синѣютъ съ ногъ до головы.— Не думаешь ли, что мы идемъ по непріятельской землѣ, какъ грозные завоеватели; что ужасъ предшесствуетъ намъ, а опуспошеніе насъ сопровождаетъ.— Нѣтъ! насъ, по всей справедливости, можно назвать *рыцарями*. Ихъ мужество и добродѣтели спали шеперь нашими. Мы угрожаемъ сильнымъ и защищаемъ слабыхъ. Вѣра, законы и собственность народа для насъ священны. Государю угодно было распространить благость свою даже на непріятелей. Изда ны приказы и объявленія, въ которыхъ Главнокомандующій ручается за безопасность народа и приглашаетъ свѣтскія и духовныя начальства не оставаять ни домовъ, ни обязанностей своихъ,

обѣщая всѣмъ и каждому помощь и защиту. Солдаты наши въ полной мѣрѣ исполняютъ волю Государя. Сии львы въ бояхъ, крошки какъ агнцы въ хижинахъ безоружныхъ поселянъ.

Р. С. Сей часъ получено извѣстiе объ успѣхахъ оружія Россійскаго на Вислѣ и далѣе. Кенитсбергъ и Маріенвердеръ взяты Графомъ Платовымъ и Генераломъ Шепелевымъ.

8 Я Н В А Р Я.

ДЕРЕВНЯ МАЛЫЙ ПЛОТСКЪ.

Зимняя спужа и здѣсь весьма ощущительна. Надобно бытъ дѣльми Сѣвера, чшобъ переноситъ суровость сего времени года съ такимъ терпѣніемъ, какъ наши войска. Завпрешній день авангардъ имѣетъ здѣсь роздыхъ.

9. О т т у д а ж е.

Признайся, любезный другъ! что до сихъ поръ ты не имѣешь еще яснаго поняшя о нашемъ движеніи. Куда мы идемъ? какъ? съ какимъ намѣреніемъ? — Судя по крошккому обхожденію нашему съ жишелями, кажется, что мы въ самое мирное время переходимъ шолько съ однихъ кварширъ на другія. Но, судя по тому, что вошли въ непріяшельскую землю, должно думать, что мы пришли воевать. Мы беремъ всѣ должныя предосторожности: имѣемъ свой авангардъ, сославленный большею частію изъ кавалеріи, подъ командою Барона Корфа; имѣемъ арріергардъ и лучшій опрядъ подъ начальствомъ храбраго Графа Палена, надежно прикрывающій наше боковое движеніе. Я скажу тебѣ еще болѣе: мы имѣемъ передъ собою и непріяшеля. Не рѣдко спалкиваемся съ нимъ, вступаемъ въ переговоры, спо-

римъ, шумимъ, ссоримся—но не деремся! Часто уже и ружья заряжены и шпыки навострены— а сраженія нѣтъ.— Такъ воюемъ мы съ Австрійцами: и это-шо называется безкровная или политическая война. Но такъ могушь воевашь только два народа, сошворенные бышь вѣчными друзьями и одною необходимостію вовлеченные въ бурю всеобщаго раздора. Однакожь сей родъ войны пребуешь великой оспорожно-сти, осмошришельности, шерпѣ-нія и большой способности къ переговорамъ и перепискѣ. Надобно прежде предлагашь, пошомъ убѣждашь, а наконецъ уже грозишь; но чшобъ это было все испаша, у мѣша. — Получа извѣсшіе, чшо Австрійцы заступаютъ намъ дорогу, шотчасъ посылаюшь обьявить имъ, чшо авангардъ Россійскій идешь въ большихъ силахъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ очень не великъ; чшо

вся армія готова підкрѣпити його; чщо єспрошівленіє ихъ будешъ совершенно бесполезно и кровь пролила напрасно и проч.— Слова підкрѣпляюся дѣйствіємъ: обходящъ флангъ Австрійцевъ, и они, имѣя чрезъ шо доспапочную пакшическую причину къ ошступленію, совершающъ оное, не смощря на упорство надзирашелей своихъ — Французовъ.

Р. 3. Ошъ Радзилова до деревни Цлошска мѣста довольно ошкрытыя и холмистыя. Ошпроленко ошщается у насъ въ лѣвѣ за Нарвою. Около сего городка дремучіє лѣса, извѣстныє подѣ названіємъ Ошпроленской пуши. Извѣщательныє посшы наши по сю шпорону рѣки; неприяшельскіє по шу.

Тѣ, кошорые видѣли Генерала Милорадовича въ огнѣ сраженій пылкимъ, неуштрашимымъ, ужаснымъ изшребишелемъ неприяшельскихъ полковъ, дивились его хлад-

нокровію, искусству, прозорливо-
сти и великому благоразумію въ
сей новой для него и для Россіи
войнѣ.— Это подтверждаетъ ис-
тину Аббапа Сабашье, что оп-
тимальной умъ можеть бытъ спо-
особенъ ко всему.

13. Деревня Худекъ.

10, 11, 12 и 13 прошли мы чрезъ
деревни: Хлудни; Спаниславово,
Дрозжево и Худекъ. Вся сія до-
рога вообще гориста и покрыта
лѣсомъ. Здѣсь Генералъ Корфъ
имѣлъ переговоры съ Австрій-
скимъ Генераломъ Фрелихомъ.
Генералъ Милорадовичъ посылалъ
также къ нимъ съ особыми шай-
ными порученіями начальника
авангарднаго Шшаба Полковника
Сипягина. Въ слѣдствіе сихъ пе-
реговоровъ Австрійцы уступили
намъ всю дорогу до самаго мѣ-
стечка Прасницъ, и даже боль-
шой магазинъ, въ семъ мѣстечкѣ

находившійся, сдавъ оный во всей цѣлости занимавшемуся на то время заготовленіемъ впереди продовольствія для авангарда Московскаго Ополченія Маіору Павлову.

14 Января, м. Прасницъ.

Авангардъ вступилъ въ Прасницъ. Это мѣстечко только въ 80 версахъ отъ Варшавы! Всѣ здѣшніе Евреи, съ распущенными хоругвями, хлѣбомъ и солью встрѣтили Генерала Милорадовича. Ихъ радость неописанна. Бѣдныя! пѣніе Французское не легче было для нихъ, какъ для предковъ ихъ Вавилонское! . . . Теперь, по причинѣ ихъ повсемѣстности въ Европѣ, они оказываютъ намъ большія услуги, доставляя оповсюду весьма важныя и вѣрныя извѣстія.

Прасницъ довольно изрядное мѣстечко на одной изъ большихъ дорогъ изъ Пруссіи въ Варшаву.—

Но что сказать вообще о Герцогствѣ Варшавскомъ? — Въ короткое время пребыванія своего подъ властію Прусскаго правительсва получило оно самое выгодное для себя образованіе. Повсюду вспрѣчаеши вы плоды благошворительности сего умнаго и попечительнаго правительсва. Вездѣ видиши по плану выстроеныя деревни. У крестьянѣ прекрасныя свѣщницы съ большими каминами, копорые ихъ освѣщаютъ и грѣютъ. — Отъ чегожъ онѣ здѣсь лучше, нежели во всей Польшѣ? Кто строилъ ихъ? — Король! — Хошиши знашь средсва его? — Вошъ одно изъ главнѣйшихъ: каждый поселянинѣ платитъ въ казну отъ 3 до 5 злотыхъ съ избы, что составляетъ страховую пожарную сумму. Въ численности это почти ничего; въ сложности — много. Изъ сейшо суммы каждый поторѣвшій крестьянинѣ получаетъ по 500

злыхъ, и спроишь себѣ прекрасный домъ. Такимъ образомъ многія уже деревни и города въ лучшемъ и прекраснѣйшемъ видѣ возродились изъ пепла послѣ пожаровъ.

Герцогство Варшавское раздѣлено на префектуры и департаменты. — Въ каждомъ городѣ, если онъ не главный въ префектурѣ, находится подпрефектъ, по нашему исправникъ. — Герцогство имѣетъ свои деньги.

Прасницъ, 15 Января.

Сего дня Генералъ Милорадовичъ осматривалъ проходившіе войска 4 и 7 корпуса. Веселый видъ солдатъ, ихъ бодрость и свѣжестъ лицъ не показывали, чшобъ они перенесли споль много неслыханныхъ трудовъ, пройдя великое, необъясное пространство отъ Оки до Вислы въ непрерывныхъ сраженіяхъ и побѣ-

дахъ среди любуѣйшей зимы. Седьмой корпусъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Генералъ Паскевичъ, при громкомъ барабанномъ боѣ и вѣющихъ знаменахъ провелъ его быспрымъ и смѣлымъ шагомъ. Въ остаткѣ сего корпуса видѣнъ былъ пошъ же жаръ и духъ, съ какимъ изпреблялъ онъ колонны Нея подѣ Краснымъ. — Аршиллерія наша шинулась чрезъ мѣспечко безконечнымъ гужомъ.

Сего дня получено извѣстіе, что Данцигъ, въ кошоромъ заперся Генералъ Рапиръ, обложенъ нашими войсками. Кенигсбергъ, Маріенбургъ и Маріенвердеръ взяты; 15 тысячъ Прусаковъ опкло-нились отъ Французовъ къ намъ. Кажешся, что Пруссія вся съ нами. — Ренъе, съ 20ю тысячами, соспавленными изъ Французовъ, Поляковъ и Саксонцевъ, бродитъ около Варшавы; можетъ бытъ вздумаетъ защищать ее. — Но

колонны нашей главной арміи, ни на что не смотря, обходящѣ Варшаву и спѣшашѣ заняшѣ все Герцогство.

16. ПРАСНИЦЪ.

Въ авангардѣ нашемъ послѣдуешѣ нѣкошорая перемѣна. За два перехода отсюда опдѣлишя отъ него часшъ издавна въ немъ находившихся войскѣ; а присоединяшя идущіе изъ Венгрова корпуса Генераль - Лейшенанша Сакена и Князя Волконскаго. Все сіе вмѣстѣ составишѣ до 30,000 войскѣ, кошорые Генераль Милорадовичъ, переправя въ разныхъ мѣстахъ черезъ Вислу, введешѣ въ Варшаву со стороны, прошивулежащей Прагѣ. — Модлинъ, сія вновь сооруженная Наполеономъ на выгоднѣйшемъ мѣстѣ, при сліяніи Вкры съ Бугомъ и Буга (принявшаго у Серошска рѣку Нареву) съ Вислою, крѣпосшъ бу-

дешь обложена. Часть Польскаго народнаго ополченія, называемаго Коссіонерами, находившаяся въ Плоцкѣ, послѣдно ушла за Вислу Калишской префектуры въ городъ Пюшрковъ.

17 Января. Прасницъ.

„Теперь или никогда, въ гла-
 „захъ цѣлаго свѣта, должны вы
 „показать привязанность вашу
 „къ родной странѣ, любовь къ
 „свободѣ и то, что вы достойны
 „имени Поляковъ; имени, кошо-
 „рое предки ваши съ такою че-
 „стью и славою носили умѣли.“—
 Такъ восклицаетъ къ народу Иг-
 націй Ежевскій, Генералъ и Мар-
 шалокъ народнаго ополченія въ
 департаментѣ Плоцкомъ. Надоб-
 но знать, что въ это время По-
 ляки, у которыхъ и зимнія бури
 не могли еще оспудить головъ,
 задумали сдѣлать во всемъ Гер-
 цогствѣ древнее Посполитое ру-

шенъе, по естѣ, поголовное народное вооруженіе. Онѣ продолжаетъ: „Слышите ли, благородные Поляки! звукѣ шрубы, зовущій насѣ подѣ опечесшвенныя знамена для защиты родной земли! . . . Друзья и братья! наспала минуша, въ кошорую должно всѣмѣ жершвовашъ, на все опшважисья — минуша кровавыхѣ боевѣ. Спыхѣ и горе шому Поляку, кошорый предпочшешѣ спокойшвіе и цѣпи рабской жизни шрудамѣ и смерти за спасеніе разшперзаннаго опечесшва. Я въ шрешій уже разѣ приемлю начальшво надѣ ополченіемѣ народнымѣ, и всегда въ шакое время, когда бури пошрясающѣ опечесшво. Послѣдуйше за мною! и проч. проч.” — Но поздно! . . . Это все равно, когда бы кшо нибудѣ сзывалѣ народѣ спасашѣ домѣ свой, въ кошоромѣ цѣла одна шолько ша половница, на кошорой онѣ шшшшш, а все прочее

поглощено пламенемъ. — Теперь уже не время играть рыцарскія драмы. Полякамъ не на кого ѣбняшь въ ушрашѣ Государства своего, кромѣ самихъ себя. Тѣмъ ли думашь о свободѣ, копорые, раздвинувъ прежде на споль обширное пространство предѣлы земли своей, лежащей по нещасію въ самой срединѣ Европы, и огорчивъ чрезъ то большую часть державъ, вдругъ предались праздному бездѣйствію извнѣ и раздорамъ внутри? Роскошь, пороки и нововведенія нахлынули къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Древніе нравы изпѣбли. Твердость духа разсѣялась вихрями новаго образа жизни. Народъ оцѣпенѣлъ. Вельможи уснули. Но государство, засыпающее на цвѣтахъ, пробуждается обыкновенно бурями. — Нѣтъ! не это земля свободы! — Свобода хранишя и цвѣтешъ въ области уединенной, немногонародной, за хребтами вы-

сокихъ горъ, среди дремучихъ
лѣсовъ. — Мы любимъ слушать
Галгака или Арминія. Первый на
дикомъ островѣ, подъ бурями
Сѣверныхъ морей, не колеблется
даже и въ то время, когда вар-
вары гонятъ его къ морю, а море
отвергаетъ къ варварамъ; когда
приходится ему умереть или отъ
воды, или отъ желѣза. Другой,
въ древнихъ лѣсахъ Германіи,
дивъ, грозенъ, но швердъ и ве-
личественъ, стоишь по колѣни
въ болотѣ, подъ мрачнымъ скло-
номъ вѣковыхъ деревъ, и скли-
каешь полудикіе племена на раз-
шорженіе неволи. Въ горахъ Кра-
ковскихъ, въ болошисныхъ лѣ-
сахъ Герцогства Варшавскаго,
могли бы еще Поляки сбересть
свободу свою; но эшо не ше-
перь, а въ давно прошедшемъ
времени.

18 Я Н В А Р Я .

Случалось ли тебѣ видѣть, какъ знатные господа, промошавшіе все свое имѣніе, по старой привычкѣ роскошничать, заказывающіе еще обѣды, пиры и праздники, не имѣютъ уже копѣйки въ карманѣ? Такъ точно поступаетъ Наполеонъ. Разшерявъ всю свою армию, насылаетъ онъ изъ Парижа съ нарочными курьерами повелѣнія, куда иши корпусамъ, гдѣ зимовать большой армии и проч. Онъ велитъ вооружать тѣ области, которыя давно уже нами заняты; защищать тѣ города, которыя въ нашихъ рукахъ. Всѣ большія дороги наполнены нашими войсками. Вездѣ хватаютъ Парижскихъ гонцовъ и громко смѣются надъ гордыми повелѣніями великаго вождя невидимыхъ силъ.—Извѣстно, что Наполеонъ, добхавъ въ Парижъ подъ почешнымъ именемъ Коленкура, объявилъ Сенату большую часть своей

пошери, увѣряя при томъ, что
вся Руская армія побѣдила имъ на
голову, а ему повредилъ одинъ
только суровый климатъ.—Пусть
онъ говоритъ, а мы будемъ дѣ-
лать. Исторія и попоможетъ раз-
судать.

Пусть онъ обманываетъ Фран-
цузовъ; но надолго? —

Скоро, скоро нѣжныя матери,
опцы и друзья, не получая такъ
долго вѣстей о милыхъ сердцу
своему, домыслилися и воспена-
юшъ о погибели ихъ.— Напрасно
юныя жены, подъ прелестнымъ
небомъ Южной Франціи, шомяш-
ся желаніемъ увидѣшь супруговъ
своихъ, и часто въ пріянныхъ
мечтаніяхъ утренныхъ сновъ
проспиряюшъ къ нимъ обѣщанія;
напрасно опцы наряжаютъ ве-
ликолѣпныя дома для прѣзда сы-
новъ своихъ — уже не придутъ
они: мершвыя не воскресаютъ.
Они пали на кровавыхъ поляхъ
отъ Оки до Вислы, и груды ко-

стей ихъ плѣюшъ въ чуждой землѣ. Франція! наполненная шумомъ забавъ и пѣснями радости, гошовся нынѣ къ ударамъ смерпной горести!— Недостпанешъ праура и слезъ для споль многихъ потерь. А ты, о Россія, о мое Опечешво! шоржешшвуй великое празднеешво швоего освобожденія, покоясь на лаврахъ и шрофеяхъ спасителей своихъ! Долго не изгладшся изъ памяти народовъ ужасная погибель дерзающихъ на шебя! . . .

21. Мѣстечко Плонехъ.

Очень порядочное мѣстечко. Здѣсь можно найши въ лавкахъ опшличной доброшты сукна и прочіе хорошіе шовары; а погреба славяшся прекрасными, безпримѣсными винами. — Модлинъ, находящійся опшюда шолько въ двухъ миляхъ, рѣшилъ защищашся. Вчера видно было боль-

шое зарево.— Комендантъ сжегъ предмѣстiя и заперся въ крѣпости. Генералъ Маіоръ Паскевичъ съ 7мъ корпусомъ пошелъ окружить ее.— Горсть Поляковъ, запершаяся въ Модлинъ, конечно не принесетъ никакой пользы своему опечесству, не сдѣлавъ ни малѣйшаго помѣшательства и нашихъ движенiямъ. Но можетъ быть сіи зашворники хошяшъ заслужить мѣстечко въ Испорiи.— Недавно былъ у нихъ совѣтъ. Нѣкоторые предлагали сдать крѣпость, говоря, что Рускіе могутъ ее сжечь.— „Я тогда развѣ дамъ ее, гордо опвѣчалъ Комендантъ, когда плашокъ въ карманѣ моемъ загорится!“

22 Я Н В А Р Я .

Мы все въ Плонскѣ, и еще можетъ быть проспоимъ: а причина? — Авспрiйцы! — Споряшъ, упрямяшся, не хошяшъ отдавать намъ Варшавы. Впрочемъ они не

виноваты: Ренъе и Поляки не дають имъ покоя, предсавляя, что они бѣгутъ отъ горсти Рускихъ; что, совокупясь съ ними, могутъ защищать Варшаву; что у Милорадовича не болѣе 5000 войскъ, а ихъ наберется до 30,000. — Въ самомъ дѣлѣ авангардъ нашъ, опдѣля отъ себя нѣкошорые полки, и не соединясь еще съ Волконскимъ и Сакеномъ, едва ли имѣетъ 5000.

23.

Хитрость въ войнѣ необходима. Она по же, что механика въ общежитіи: ею замѣняется слабость силъ. Сего дня пушили мы порядочно пыль въ глаза Полякамъ. Поняшовскій вздумалъ прислать къ намъ своего Адьюшанша, будио для пересылки писемъ къ плѣннымъ, а въ самомъ дѣлѣ для узнанія силы нашего авангарда. Авспрійцы намернули намъ о семъ изв-подъ руки. Гене-

ралъ Милорадовичъ приказалъ
 шопчасъ горсть пѣхопы своей
 разсыпашъ по всемъ деревнямъ,
 вдоль по дорогѣ лежащимъ; кон-
 ницѣ велѣно переѣзжашъ съ мѣ-
 ста на мѣсто, появляшъся съ раз-
 ныхъ сторонъ и шѣмъ число свое
 увеличивашъ. — А пушекъ у насъ
 шакъ много, что ихъ и дѣвашъ
 нѣгдѣ было. Къ щасшю въ сей
 день, какъ нарочно, забхалъ къ
 намъ Генералъ Дохтуровъ, ко-
 шораго корпусъ не подалеку про-
 ходилъ. Наканунѣ прибыли Ге-
 нералъ-Лейтенантъ Марковъ и
 Князь Горчаковъ; послѣдній при-
 велъ съ собою не болѣе 400 чело-
 вѣкъ. Тутъ же находился и Ге-
 нералъ Уваровъ, командовавшій
 кавалеріею авангарда. Адьюшантъ
 Поняшовскаго, бѣлокурый, высо-
 кой, блѣдной, шонкой молодой
 человекъ, въ предлинныхъ баш-
 формашъ и въ прекорошкѣ мун-
 дирѣ прибылъ къ обѣду. — За
 споломъ сидѣло до десяти Гене-

раловъ. Къ крайнему удивленію, видя между ними чешырехъ, которые, имѣя по три звѣзды на груди, всегда командовали большими корпусами и сдѣлали имена свои извѣстными. Адьюшантъ Поняшовскаго подумалъ, что всѣ ихъ войска пушѣ же вмѣстѣ съ ними находяшся. — Войска авангарда, искусно по дорогѣ разспавленные, и великое множество пушекъ утвердило его въ семъ мнѣніи. И такимъ-то образомъ эшотъ шайный посланникъ Варшавы возвратился съ извѣстіемъ, что Генералъ Милорадовичъ можешъ успремишь противъ нее по крайней мѣрѣ 30,000 шшыковъ: а Рускіе шшыки памшны Варшавѣ!

24.

Я забылъ сказать тебѣ, что на сихъ дняхъ пріѣхалъ къ намъ изъ Главной Кварширы извѣстный

дипломашъ нашъ Баронъ Аншпешъ. Сего дня имѣлъ онъ переговоры съ Австрійскимъ Полковникомъ Лашуромъ, присланнымъ отъ Князя Шварценберга. *Дипломатика* есть также война: споромъ и упорностію, нераздѣльною однакожъ съ благоразуміемъ, многое можно къ пользѣ своей выиграть. — Чшобъ бытъ хорошимъ дипломашикомъ, надобно имѣть надежную память, острый умъ; знать швердо полишическую Исторію своего опечесства, Исторію Европы и цѣлаго свѣта. Разумѣется, что знаніе языковъ необходимо. — Наконецъ Варшава здается! Баронъ Аншпешъ сдѣлалъ условія сей задачи. Генералъ Милорадовичъ ушвердилъ ихъ. Они весьма выгодны для насъ. Всѣ больные и раненые Французы, копорыхъ въ Варшавѣ счисаютъ болѣе шести тысячъ, должны достаться намъ военноплѣнными. Всѣ магазины, арсе-

наль и прочія загошовленія зданы
будушѣ намѣ въ цѣлости.

Баронъ разсказывалъ завѣрное,
что въ Вѣнѣ уже начинающѣ про-
буждашся умы. Тѣ, которые вѣ-
рили всемогуществу Наполеона,
выходяшъ изъ заблужденія. Ис-
пина осмѣливаешся: возвышашъ
голосъ свой, указывашъ на раны
Германіи, на собщвенныя свои,
предспавляшъ бѣдшвіе народовъ,
раззореніе обласшей. Уже имя На-
полеона произносихся съ негодо-
ваніемъ. Ропотъ слышенъ въ до-
махъ; народъ шумишъ на ули-
цахъ; общее желаніе — миръ съ
Россією, война врагамъ ея. — Такъ
мыслишъ народъ: но Дворъ съ де-
молчишъ. Насмѣшники наводня-
ютъ столицу каррикашурами;
жители ушѣшающся ими. Нѣкто
прибилъ на врапахъ Соборной
церкви въ Вѣнѣ слѣдующее обв-
явленіе: „Великій Наполеонъ по
„дорогѣ опъ Москвы къ Вильнѣ
„разшерялъ 350,000 франковъ:

„кто найдетъ и представитъ въ
 „Парижъ хотя часть оныхъ, бу-
 „детъ щедро награжденъ!“

25. П О У Т Р У.

Вчера въ вечеру переправились
 мы чрезъ Вислу у деревни Вуль-
 ки, гдѣ она въ широтѣ равняет-
 ся съ Невною. Берега Вислы въ
 семъ мѣсцѣ наполнены оврагами
 и скалами, высокими елями по-
 крытыми.— По шайному условію
 съ Княземъ Шварценбергомъ намъ
 должно обойти Варшаву, стѣс-
 нить ее со всѣхъ сторонъ, и ша-
 кимъ образомъ принудить его къ
 вышупленію, а ее къ сдачѣ.—
 По сему мы продолжаемъ косвен-
 ное направленіе наше до деревни
 Боршженцинъ.

25. ВЪ ВЕЧЕРУ.

ДЕРЕВНЯ БОРТЖЕНЦИНЪ.

И такъ мы увидимъ Варшаву,
 будемъ въ ней, и конечно оспа-

новимся отдохнушь. Послѣ столь многихъ трудовъ, послѣ претерпѣнія столь многоразличныхъ нуждъ: спужи, голода и повсечасныхъ безпокойствъ, какъ бы пріятно для тѣхъ, копорымъ въ печеніи нѣсколькихъ мѣсяцовъ постелью была — влажная земля; покровомъ — бурное небо; оправдою — дымной полевой огонь; какъ пріятно, говорю я, успокоишься въ большомъ роскошномъ городѣ, въ свѣтлыхъ домахъ, въ обществѣ людей, гдѣ цвѣтушь еще пріятныя искусства, гдѣ послѣ шума вѣтровъ и свиста пуль можно услышать прелестный голосъ женщины или очаровательные звуки музыки!... Да! намъ надобно отдохнушь въ Варшавѣ, надобно пошому, что всѣ эшаго хошашъ. Впрочемъ мы часто хошимъ шого, что намъ вредно. Все сіе зависить отъ Князя Свѣтлѣйшаго: онъ наше *земное провидѣніе!*

26 Рано. — Въ двухъ миляхъ
отъ Варшавы.

Утро было прекрасно. Уже нѣсколько дней, какъ зима здѣсь ощушительно смягчилась. Солнце великолѣпно сіяло на голубомъ небѣ. Снѣгъ шалѣ и въ воздухѣ слышно было дыханіе весны. Тайное желаніе увидѣшь, хошя издали столицу Польши, щекошало любопытство мое. Я вышелъ пошморѣшь на здѣшнюю природу и на Варшаву. Обширное, ровное поле разшилалось съ сей стороны до самаго города. Острые верхи башенъ, церквей и нѣкоторые дома мелькали на горизонтѣ. — Дымъ изъ тысячи шрубъ свивался въ сѣдья шучи. Намъ не лзя еще было вшупишь въ Варшаву; но воображеніе не знаешъ оковъ невозможности; для него нѣшъ ни засшавъ, ни каруловъ. Безъ позволенія и билеша очушилось оно въ ней, шѣснилось въ шолпахъ народа, бродило

по улицамъ, заглядывало въ Прагу, искало слѣдовъ великаго Суворова, носилось надъ Вислою и любовалось великолѣпною мрачноспію споліцы. О!! воображеніе великой чародѣй!— Подивись нелюбопытствувъ здѣшнихъ поселянъ: живя въ двухъ миляхъ отъ Варшавы, они не бывающъ въ ней по цѣлымъ годамъ; а дочь хозяйна моего, лѣтъ пятнадцати дѣвушка, увѣряешъ, что еще средѣ въ ней не была. Щасливая безпечность! Она есть надежнѣйшею оградою чистыхъ нравовъ, для кошорыхъ споліца — гибель! . . .

26. Около вечера. Мокатово.

Прекрасный замокъ вдовы Фельдмаршала Князя Любомирскаго, шой самой, кошорой принадлежишъ Ландсб-Гушъ. Домъ убранъ съ большимъ вкусомъ. Въ немъ есть цѣлыя зеркальныя комнаты бронзы, мраморы и проч.

Сады обширные, съ красивыми бесѣдками и домиками. — Вопрь нѣсколько словъ собшвенно о Мокашовѣ. Теперь расскажу тебѣ о томъ важномъ и для Исторіи незабвенномъ произшествіи, которому мы сего дня здѣсь были свидѣтелями. Я хочу сказать о покореніи Варшавы, приславшей сюда ключи свои. Въ первый еще разъ въ жизни былъ я при такомъ обрядѣ. Суеша, шумъ и волненіе, сопровождавшія оный, имѣли въ себѣ что-то похожее на свадебные сборы. Съ самаго еще утра начали взаимно пересылаться; конные гонцы скакали взадъ и впередъ. Анштепъ былъ въ великихъ хлопотахъ. Условливались о мѣстѣ, часѣ и порядкѣ врученія ключей. Принять ихъ назначено въ Мокашовѣ въ два часа по полудни. Къ сему времени всѣ мы въ нарядныхъ мундирахъ собрались въ небольшомъ садовомъ домикѣ, гдѣ

остановился Генераль Милорадовичъ. Тутъ было человекъ съ 12 Генераловъ. Предъ крыльцомъ стоялъ въ строю прекраснѣйшій эскадронъ Ахшырскаго полку: зрители пѣнялись его каршиннымъ видомъ. Ровно въ два часа передовой посланный возвѣстилъ скорое прибыше Депушатовъ. Любопытство подвинуло всѣхъ къ окнамъ. Сперва показались вершники изъ Польской народной гвардіи, и вдругъ богатая кареша, восьмью Англинскими лошадьми запряженная, сопровождаемая опрядомъ сей же гвардіи, загремѣла и остановилась у крыльца. Эскадронъ отдавалъ честь. Въ слѣдъ за первую подвѣхала такая же другая. Эскадронъ повторилъ привѣщивіе.— Префектъ Варшавы, Меръ, Подпрефектъ, два члена духовенства, Бургомистръ и еще пять или шесть человекъ въ нарядныхъ шитыхъ мундирахъ, съ разноцвѣтными перевязями че-

резв плечо, собрались на крыльцѣ. — Двери наспижв! — и госпи всшупили вѣ комнашу. — Между ними находился шопѣ самый шарикѣ, кошорый вручалѣ ключи Суворову. — Толпа опшашнулася — Генералѣ Милорадовичѣ высшупилѣ впередѣ.

„Сшоплица Герцогсшва Варшавскаго, вѣ знакѣ миролюбиваго привѣлсшвїя побѣдоносному Рускому воинсшву, посылаешѣ сіе” — сказалѣ Префекшѣ, поднося хлѣбѣ и соль. „Вошѣ и залогѣ ея покорности знаменишому оружію, Всеавгустѣйшаго Императора Александра Перваго, ” прибавилѣ Мерѣ, подалѣ знакѣ — и старецѣ вручилѣ Генералу золошые ключи. — Всѣ поклонились очень низко. У нѣкошорыхѣ блеснули слезы на глазахѣ.

Генералѣ Милорадовичѣ отвѣчалѣ сѣ свойсшвеннымѣ ему благодарсшвомѣ и краснорѣчіемѣ. Онѣ говорилѣ между прочимѣ,

что для Государя, который под-
 емлетъ мечъ только для распор-
 жения оковъ, воюетъ — для мира,
 и покоряетъ народы желаетъ од-
 ною благоспѣю, ключи сіи будущъ
 шьмъ болѣе драгоценны, что они
 не обагрены кровью. „Ваши хра-
 мы, законы и самые обычаи,
 „продолжалъ онъ, останутся не-
 „прикосновенны. Жизнь, собствен-
 „ность и дома гражданъ не под-
 „вержены никакой опасности.
 „Пища крошкой души Импера-
 „тора — благошвореніе. Первымъ
 „доказательствомъ попеченій Его
 „о Варшавѣ есть уже то, что
 „Онъ освобождаетъ ее отъ по-
 „соя. Всѣ войска расположены
 „будущъ въ окрестныхъ селені-
 „яхъ и на поляхъ около города;
 „но дабы не обременить участи
 „поселянъ, городскіе жители по-
 „сраряются доставить войскамъ
 „нужное продовольствіе. О семъ
 „сдѣлаемъ особое постановление. —
 „Тако дѣйствуетъ Государь мой,

„говоришь Генералъ. Мщеніе чуждо
 „великой душѣ Его. Онъ не же-
 „лаешь проливать кровь за кровь,
 „и плашишь разрушеніемъ за раз-
 „рушеніе; и для самыхъ винов-
 „ныхъ опложилъ Онъ судъ Свой,
 „карая ихъ одною милоспшю.”—
 „Александръ Первый хочешь
 „жить для Испорціи” — прибавилъ
 дипломатъ Аншпешъ — и все кон-
 чилось. Депутаты уѣхали на-
 значивъ завтра въ 10 часовъ со-
 браніе въ замкъ Вилановъ. Ключи
 пошчасъ опправлены были къ Го-
 сударю съ Полковникомъ Сипяги-
 нымъ, начальникомъ Шшаба по
 авангарду.

Мы пересѣкли всѣ дороги, изъ
 Варшавы и Модлина выходящія.
 Безпрестанно приносясь съ пере-
 довыхъ постовъ въ кварширу Ге-
 нерала Милорадовича чемоданы
 съ письмами, опправленные по
 почтѣ. Военская оспорожность
 велись чинать все, что пишется

въ Варшаву и изъ Варшавы. — Много есть писемъ изъ разныхъ мѣстъ Франціи, Италіи и Германіи. По надписямъ всѣ почти принадлежатъ знаменитой покойницѣ — большой Французской арміи. — Много въ нихъ есть смѣшнаго жалкаго. Вообще спранны въ окрестностяхъ Варшавы узнавашь всѣ сокровеннѣйшія тайны семействъ, живущихъ въ Парижѣ, Вѣнѣ или Касселѣ. Есть много прекрасныхъ писемъ. Когда нибудь я тебѣ пришлю ихъ кучу. Между прочимъ попалась мнѣ цѣлая любовная переписка одной Шарлоты, жинельницы Наполеонскаго-герцога, что близъ Касселя, съ какимъ-то Людовикомъ, Капшаномъ Вестфальской гвардіи. Перехватныя письма и глаза невидимокъ, кошорыхъ рассылаемъ въ разныя стороны, доставляютъ намъ весьма нужныя свѣденія: мы узнаемъ задушевные тайны нашихъ непріятелей. — Недавно

изумилъ я одного выходца изъ
 Модлина, рассказавъ ему, сколько
 въ крѣпости улицъ, сколько во-
 рошъ, имена шѣхъ и другихъ;
 сколько магазиновъ, съ чѣмъ
 имянно, чѣмъ они крыши; гдѣ
 хранился порохъ; сколько какихъ
 войскъ и какихъ полковъ; сколько
 у нихъ колодцевъ, когда и въ ко-
 шоромъ испортилась вода; въ
 какіе дни пекшъ они хлѣбы и
 когда терпяшъ большой недоспа-
 шокъ въ водѣ. Наконецъ расска-
 залъ ему свойства Коменданша,
 его заняшя, его связи, — даже имя
 любовницы его! — Все эшо узнаеш-
 ся чрезъ нѣкоторыя *посредства*.
 Въ войнѣ необходимо имѣшъ свои
 глаза и свои уши въ спанѣ непрія-
 шельскомъ: чѣмъ вѣрнѣ видишъ
 и слышишъ, тѣмъ надежнѣ ра-
 зишъ. — Разпознавъ мѣста и вы-
 щупавъ силы непріяшеля, почти
 можно ручашся за успѣхъ. —

27. В и л а н о в о.

Примѣшилъ ли шы, какъ мы, имѣя Варшаву центромъ, движеніемъ нашимъ описывали около нее дугу, переходя изъ одного мѣста въ другое, дѣлая пригошвленія, скрывая намѣренія свои и въ городъ не всупая. Такъ ходилъ темная буря надъ селами и пугаетъ земледѣльцевъ, грозя разсыпашъ губительный градъ. Австрійцы уже давно высупили изъ Варшавы; а мы еще не занимаемъ ее. „Для чего же мы медлимъ, скоро ли всупимъ? или еще не рѣшена судьба Варшавы? — Что будетъ съ нею?“ — Такъ всѣ спрашивали, и никто не отвѣчалъ. „Что будетъ съ Варшавою?“ спрашивали у Барона Аншшета. „Одинъ Богъ и Александръ знаетъ про то,“ отвѣчалъ онъ съ таинственнымъ видомъ. Поляки все сіе знали, чувствовали и пререшали. Они видѣли, что мрачная туча носится

надъ ихъ главами, и не знали благошворительнымъ ли дождемъ, или палящими молніями разрѣшилася она. Вчерашній день облегчилъ ихъ отъ тяжкаго бремени сомнѣній. — Все эшо дѣлано было однакожъ очень къ спашь; ибо страхъ надъ волнующимися умами народа имѣе шъ дѣйствіе ещужи, сжимающей бурныя волны рѣкъ и озеръ. Между перехваченными письмами нашли мы одно, въ кошоромъ увѣдомляли, что весь арсеналъ Варшавскій розданъ народу. Къ чему бы, на примѣръ, эшо? — Теперь велѣно сносишь, и сносятъ все сіе оружіе въ Вилановъ. Офицеры наши не иначе могутъ вѣзжашъ въ Варшаву, какъ по билетамъ, и по ебъ спрожайшимъ запрещеніемъ въ ней ночевашъ. Впрочемъ Варшава, какъ говорашъ, очень намъ рада, и гораздо охотнѣе желала бы имѣшь войска наша въ себѣ, нежели около себя. — Но покуда

опрошусь въ Варшаву, спѣшу
осмотрѣть прекрасный здѣшній
замокъ.

В и л а н о в ь.

Древній замокъ Короля Собіе-
скаго, копорый въ 1683 году вы-
ручилъ осажденную Турками Вѣну.
Теперь принадлежишь онъ моло-
дому Спаниславу Пошоцкому. —
Эшо подлинно Королевскій за-
мокъ! Какое величіе въ располо-
женіи, въ зодчествѣ, въ уборахъ!
Сѣнная живопись прекрасна.
Лѣпной работы множество. Двѣ
большихъ галлереи наполнены кар-
тинами, въ числѣ копорыхъ ешь
прекрасныя, драгоцѣнныя, на
прим: Пуссеневы сельскіе виды;
все семейство Собіекаго; самъ
онъ на конѣ. Прелестная Собіе-
скаго жена предшавлена здѣсь
въ разныхъ видахъ: въ одномъ
мѣстѣ видишь ее прекрасною па-
спушкою, сидящею надъ чис-
тымъ ручьемъ и въ зеркалѣ водѣ

поправляющею свой цвѣточнѣйшій нарядъ; въ другой каршинѣ видше вы ее прелестнымъ Ангеломъ, лешающимъ подъ голубыми небесами. Жаль, что нѣшъ здѣсь каршины, представляющей самага Собіескаго въ поржешвенный часъ освобожденія Вѣны.— Здѣсь болѣе всего поршрешовъ. Прекрасныя женскія лица сшояшъ подъ усашихъ, желѣзными лапами покрышихъ и лаврами увѣнчаныль Поляковъ. Въ шакомъ нарядѣ они были героями. Вмѣстѣ съ лапами и куншушами сложили они съ себя древнѣе мужештво и швердосшь душъ.

В А Р Ш А В А.

Обширный, садами окруженный и гуляньями наполненный городъ. Льшомъ можешъ она назвашься цвѣшущее. Есть много огромныхъ палашихъ, дворцовъ; но мало шавихъ, которыхъ бы наружносшь поражала блескомъ и вели-

колѣніемъ. Слѣды времени не заглаживаются здѣсь спараніемъ людей. Одно только мирное время сзываетъ искусства для украшенія и обновы городовъ; а Варшава съ давнихъ уже лѣтъ, какъ древо на высокой скалѣ, была жерпвою бурей и непогодъ. — Лучшіе практики: Виленскій, Гамбургскій, Англійскій и Дрезденскій. — Всѣ знашныя оставили столицу, хотя Рускіе и вошли въ нее, какъ друзья. — Днемъ народъ толпился на площадяхъ; по вечерамъ пушота и уныніе пугаютъ на улицахъ.

29.

Сипягинъ возвратился съ Владиміромъ на шеѣ. Его служба достойна сей награды. — Государь восхищенъ былъ здачею Варшавы. Онъ обнималъ Князя Свѣшайшаго — войска кричали: ура! — Генералъ Милорадовичъ получилъ вензловыя изображенія имени Го-

сударя на эполеты, съ лестнымъ правомъ находишься при Особѣ Его Императорскаго Величества. — Князь Свѣшлѣйшій сопровождалъ сей Монарший даръ пріятнѣйшимъ письмомъ, въ которомъ въ свойственнѣхъ краснорѣчію его выраженіяхъ, говоришь между прочимъ, относясь къ лицу Генерала Милорадовича: „Великія заслуги „ваши ешоль много сблизили васъ „со Всеавгустѣйшимъ Императо- „ромъ нашимъ, что сіе даруемое „Имъ вамъ преимущешво; нахо- „дишься при Особѣ Его Импера- „торскаго Величества, сдѣлалось „необходимымъ для васъ и для „Него.”

Напрасно ожидали мы опдыха въ Варшавѣ: войскамъ велѣно выступишь въ походъ; чрезъ три дня поспѣшимъ и мы за ними. Разспашься съ Варшавою, не насладясь ея удовольствіями: эшо все равно, что въ жаркій день шолько принушашь воды изъ спущ-

денаго колодца и, не ушоя па-
лящей жажды, идши далѣ въ
знойный пущь.

Вчера Генералъ Милорадовичъ
съ великолѣпнымъ конвоемъ про-
ѣзжалъ Варшаву. Народъ шѣнил-
ся въ улицахъ и кричалъ ему:
виватъ!— Пріятно было видѣшь,
что въ домахъ, на улицахъ и
рынкахъ все было покойно: ни-
какія заняшя, работы и упраж-
ненія не прерывались. Сами жи-
тели сознаются, что при Фран-
цузакъ, пріятеляхъ ихъ, не такъ
было.

Извѣстный дарованіями своими
Дѣйствительный Снапскій Со-
вѣтникъ Фуксъ написалъ по слу-
чаю заняшя Варшавы нѣсколько
слѣдующихъ спрокъ:

„И такъ какъ повергаешъ Вар-
шава главу свою къ спонамъ Авгу-
стѣйшаго Александра Пер-
ваго. — Герцогство Варшавское
принадлежитъ Россіи. — Тѣ же
ключи, кошорые поднесены были

нѣкогда безсмертному Суворову, подносящя нынѣ знаменишому сподвижнику Ипалійскаго Милорадовичу. Суворовѣ, принявѣ ихѣ, возблагодарилѣ Бога, что не орошены они были кровію, и Милорадовичѣ по полямѣ, шрупами усѣяннымѣ, по кровавымѣ показамѣ гуда пришекшій, приемлешѣ ключи сіи съ такими же шеплыми ко Всевышнему моленіями. Вѣкѣ Екатерины сливаешя съ вѣкомѣ Александра, и пророчешво великаго мужа свершаешя. Суворовѣ сказалѣ: „Милорадовичѣ будешѣ славнымѣ Генераломѣ!“ —

30.

Понимаю, для чего не оставяюшѣ войскѣ въ Варшавѣ. Она могла бы сдѣлаться для насѣ шѣмѣ, что Кауя для Анибаловыхѣ. Прекрасные шракширы, шеашрѣ, лазенки и всякаго рода удовольшвія могли бы очаровашѣ,

разнѣжишь замаленныхъ въ бояхъ и заславишь ихъ забыть, что война не кончилась; ибо Европа еще не спасена!

В А Р Ш А В А.

Я былъ въ театрѣ. Онъ довольно великъ для всякаго другаго города, кромѣ Варшавы: она столица. Ложи въ пять ярусовъ. Лучшій актеръ и содержатель театра Дмушевскій. — Я былъ въ лазенкахъ. Это бани или ванны, гдѣ купаются. Однѣ изъ нихъ близъ Прагскаго моста — на судахъ. — Какая роскошь купаться въ лазенкахъ! Входишь въ прекрасную комнату, убранную зеркалами и диванами, тамъ изготовлено все нужное: полотенце, гребень, мыло, губка и даже подставка для удобнѣйшаго снятія сапогъ. Погружаешься въ глубокую, внутри свинцомъ обложенную ванну. Ошворяешь кранъ —

льется теплая вода; другой — брызжетъ прямо изъ Вислы спуденая. Вы можете составить себѣ ванну, какую хошите: лѣтнюю, осеннюю или зимнюю. Вода спанетъ мушна; пошяните за смурокъ — и она изчезнетъ! Свѣжая льется изъ крановъ. Теплой очень довольно; холодной — хощь полъ-Вислы выпустиште! и все эщо спощь 2 злота (120 коп. мѣдью.)

Я видѣлъ Вислу въ прекрасную лунную ночь. Золотые лучи сыпались на хрустальный ледъ. На другомъ берегу, за длиннымъ мостомъ, мелькала Прага. — Висла прекрасная, широкая рѣка, неуже Невы. Жаль, что жители Варшавы менѣе всего занимались ею. Есшьлибъ берега сей рѣки одѣшы были камнемъ, какъ въ Пешербургѣ; есшьлибъ какой нибудь волшебникъ, собравъ всѣ лучшіе 4-хъ этажные дома, разсѣянные по всему городу между

лачужекъ и грязныхъ переулковъ, выдвинулъ ихъ на набережную; ешьлибъ высокіе холмы, на одномъ концѣ Варшавы лежащіе, украсились хорошими спроеціями и садами: то Варшава была бы однимъ изъ первѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ!

Ешьлибъ Висла, какъ Волга и Нева, покрыва была торговыми лодками, барками и галіюшами, то Польша была бы щаслива. Торговля! торговля! сія душа царствъ не сущесствуетъ въ Герцогствѣ Варшавскомъ: Наполеонъ задушилъ ее раздоромъ своимъ съ Англією. Бывало пшеница степной Украйны, спада воловъ плодосной Волыніи и произведенія Подоліи шли въ Данцигъ, который оплачивалъ винами, сахаромъ и прочими пошребностями, сдѣлавшимися необходимыми.

„Прежде, говорилъ намъ одинъ обыватель, нагрузивъ галіюшъ свой въ Варшавѣ пшеницею и по-

шашомъ, я ѳхалъ по Вислѣ въ Данцигъ, и привозилъ ошшуда чистое золошо; а теперь все бѣдно!" Прежде Лишва снабжала шепи лѣсомъ; шепи ошдаривались лучшими изъ своихъ произведеній.

Варшава была нѣкоторымъ образомъ средоточіемъ шорговли. Ошъ шого-шо Поляки были шакъ богашы, не смощря на всѣ разоренія войны, — богашы! . . . Все эшо однакожъ не шакъ давно. Подъ правленіемъ Прусскимъ шорговля цвѣла — и Варшава благодареншвовала. — Наполеонъ все ошнял! Жишели Герцогшва спонущъ о потерѣ своей шорговли. Колоніальные шовары здѣсь ужасно дороги.

Какъ ведутъ себя Рускія войска въ Варшавѣ? — Какъ самые благородные рыцари Баярдова времени. — Щедрость Офицеровъ нашихъ особенно удивительна. Въ шракирахъ сыплютъ деньги.

Приходитъ, на примѣрѣ, старикъ съ дочерью: онъ играетъ на скрипкѣ, она на арфѣ; сыграла, проѣбла нѣсколько арій — и куча серебра очутилась предъ нею! — Приходитъ бѣдная монахиня, одна изъ Сестръ Милосердія, — проситъ, чшобъ ей заказали какую нибудь работу — и Милорадовичъ (*) даетъ ей тысячу рублей и велитъ сшить себѣ три манишки! . . . За то Поляки дивятся Рускимъ: народъ полюбилъ насъ чрезвычайно. Подумаешь, что всѣ Офицеры у насъ богачи; напрошивъ самая большая часть изъ нихъ очень небогаты — но шароваты. — Вчера Генераль Вильсонъ, провождающій время по большей части у насъ въ авангардѣ, угощалъ прекраснымъ обѣдомъ Генераловъ нашихъ въ шракширѣ Лондонѣ. —

(*) Ротмистръ Мариупольскаго Гусарскаго полка.

Я сказалъ, что народъ насъ любитъ; а вельможи? — Называютъ Сѣверными варварами; а сами любятъ, чтобы ихъ называли Сѣверными Французами!!! Но теперь, кажется, что и другое можно почести браннымъ словомъ. — Бѣдные крайне сѣшуютъ здѣсь на богачей. „Они недовольны тѣмъ, говорятъ они, что слѣдное счастье опдало имъ всѣмъ преимуществва, копорыя должны бытъ равно подѣлены въ обществѣ людей; они живутъ, какъ боги, въ великолѣпныхъ палатахъ, развѣзжаютъ въ раззолоченныхъ каретахъ; а мы гнѣздимся въ дымныхъ лачушкахъ и скишаемся по улицамъ, какъ опверженные. Дѣши ихъ родятся Графами и Князьями; рождение ихъ празднуется великолѣпными пирами; ихъ младенчество лелѣется въ шелкахъ и богашыхъ шканихъ: выросшущъ, и всѣ почести, всѣ пре-

„имущества, всѣ выгоды жизни—
 „ихъ собственность. А наши дѣ-
 „ши родящся въ горести, воз-
 „распающъ въ слезахъ; не рѣд-
 „ко умирающъ отъ недоспаш-
 „ка молока въ груди матерей,
 „голодомъ испомленныхъ. Ихъ
 „удѣлъ — нищета; ихъ жизнь—
 „бореніе съ нею! И къ доверше-
 „нію всего, вельможи подружи-
 „лись съ разорителями Европы,
 „вздумали воскрешать усопшій
 „край Польской; даньми и нало-
 „гами изсосали изъ насъ послѣд-
 „нюю собственность; сами развѣ-
 „бхались, а насъ оставили горе-
 „вать какъ мухъ безъ крыльевъ!”—
 Такъ сѣшующъ бѣдные на бога-
 тыхъ и вельможъ, хотя вель-
 можи въ Польшѣ и довольно еще
 благошворительны; ибо они вос-
 пишывающъ на свой щепъ бѣд-
 ныхъ молодыхъ дворянъ, часто
 замѣняющъ мѣсто олицовъ сирот-
 камъ, не скупы на подавнія и
 устривающъ много богоугод-

ныхъ заведеній.— На сихъ дняхъ прибылъ въ Варшаву Министръ Полиціи Александръ Дмишріевичъ Балашевъ. Для прочности здѣшняго порядка необходимо присушествіе человека, имѣющаго его умъ, дѣятельность и опытность.

1 Ф Е В Р А Л Я.

У васъ конечно еще понушъ въ снѣгу; снѣжны прещашъ ошъ мороза и въ окна бѣшъ вьюга; а здѣсь уже весна! Здѣсь солнце свѣщилъ въ полномъ блескѣ, сады начинающъ оживашъ, въ домахъ открывающъ окна, и самый благорасшворенный воздухъ нѣжилъ чувства. Варшава находится подъ $52^{\circ} 14' 28''$ сѣверной широты. — Весна! весна! прелестъ природы! Какая сладостъ разливается въ мѣрѣ! Какъ пріятно жившъ и дышашъ въ эшо время! Ахъ! ешъ-либъ я былъ на родинѣ, съ друзьями! . . . Но родина далеко; а

мы идемъ впередъ, идемъ въ Калишъ, идемъ въ Силезію, на Одеръ къ крѣпости Глогау.

Въ Варшавѣ есть липовая улица, которая въ лѣтнее время должна придавать большую красу городу и освѣжать воздухъ. — Прѣжняя Королевская улица удостоена нынѣ названіемъ — Наполеоновою!... Здѣсь есть люди, которые живутъ въ новомъ свѣтѣ — такъ называется одна изъ улицъ Варшавскихъ.... — Косшелы Варшавскіе извнѣ огромны, высоки, но мрачны; внутри красивы и богаты. Церковное служеніе здѣсь пышно и зашѣливо; музыка сильно дѣйствуетъ на чувства. На стѣнахъ видно много портретовъ усопшихъ и надписей въ честь ихъ. Вотъ надпись одному вельможѣ; она заключается симъ словами: „дай Боже ему небо; а Польшѣ болѣе такихъ гражд.“ „давъ!“ —

2 ФЕВРАЛЯ.

И шаю, едва взглянувъ на Варшаву, едва коснувшись ея наслажденій, я уже долженъ сказать ей: проси! — и можешь быть навсегда!... Уже мы выѣзжаемъ изъ Варшавы, удаляемся отъ ея забавъ. — Уже исчезаетъ она, какъ великолѣпное сновидѣніе изъ глазъ нашихъ, но не изъ памяти!... Все шаетъ вокругъ насъ. Снѣга превращающагося въ воды, — воды шумящія по необозримымъ долинамъ. Мы ѣдемъ на колесахъ, или, лучше сказать, плывемъ въ бричкахъ.

Дорожныя записки.

3 Февраля. — Съ восходомъ солнца услышали мы голосъ жаворонка — вспомни, что это 3 Февраля!... Мы ночевали въ мѣстечкѣ Блонъ. Очень порядочная площадь съ колодецъ и фонтаномъ: красивые дома, ее окружающіе, рашуша, госшиный дворъ

и башня съ часами съ перваго взгляда доказывающъ, что это мѣстечко не Лишовское, а той части Польши, которая въ со- сѣдствѣ съ Пруссіею, и получила уже отъ мудрой сосѣдки своей нѣкоторое образованіе. — Далѣе на дорогѣ прекрасно обстроенное село Неборовъ, Книгини Радзиви- ловой. Въ нѣсколькихъ версахъ отсюда ея же — Арнадія: досшой- на сего имени. — На прекрасномъ мѣстѣ прекрасный Англискій садъ, украшенный развалинами. Изъ всѣхъ поддѣланныхъ я отъ роду не видалъ лучше этихъ. Они Гошическіе, и пусты, и заросли правою, и совы гнѣздятся въ нихъ, и вѣтры воютъ. — Кто-то вы- бралъ себѣ одинъ уголокъ сихъ развалинъ и отдѣлалъ въ немъ одну комнашку. Неразбитое сте- кло, съ бѣлою занавѣскою, дѣ- лаешь пріятную прошивуполож- ность съ пустою несбишае- мыхъ стѣнъ. Длинная мостовая

въ саду, съ столпами, пирамидами и триумфальными ворошами, представляешь бѣгъ или ристалище древнихъ Грековъ, описанное Гомеромъ и Пиндаромъ воспѣ-
 шое. — Лучше всего здѣсь *сельской домикъ* во всей простотѣ. На рѣзныхъ ворошахъ представлены серпъ, коса и прочія полевые орудія. Войдише въ него — первая комната проста: это хижина; но далѣе видно превращеніе. Какая-то волшебница, можешъ бышь въ благодарностъ за ласковое гостепрѣимство, захошѣла преобразить хижину сію въ великолѣпнѣйшій чертогъ. Она махнула жезломъ — и чудо вполонину совершилось. Явились хрустальные слѣбны и одна изъ величайшаго цѣльнаго зеркала; явились мраморные столпы. Золото, серебро и фарфоръ украсили все прочее. — Но въ одномъ углѣ, среди зеркалъ, хрусталей, мрамора и золота, къ удивленію, видише вы простые полу-согнив-

шіе брусья, съвозъ кошорые порчишъ солома и слышно воркованіе горлицъ. Что бы это значило? — А вошъ чшо — Богиня или волшебница, превращая хижину въ храмъ, замѣшила въ одномъ просѣнкѣ гнѣздо голубей, и — чшобъ не обезпкоишь сихъ невинныхъ шварей — оставила гнѣздо и брусья, въ кошорыхъ оно заложено, неприкосновенными. И теперь, среди великолѣпнѣйшихъ предметовъ роскоши, служишъ оно напоминаніемъ прежней прощопы и неложнымъ знаменіемъ совершившагося чуда. — Какова выдумка! Видно, чшо хозяйка имѣешъ воображеніе. Такія-шо чудеса могушъ шворить богачи! О! ешълибъ они дѣлали шанія же превращенія съ бѣдными хижинами своихъ сосѣдей! — Богачь, имѣющій вкусъ, ешъ уже человекъ; но богачь-благотворитель — ешъ Ангелъ! — Въ одномъ избдѣшнихъ грошовъ можно видѣшъ

собрание самыхъ рѣдкихъ древно-
стей изъ Архипелага.

Далѣе по сей же дорогѣ городъ
Ловичъ имѣетъ также красивую
площадь и очень хорошее камен-
ное строеніе. Хозяинъ, у кошо-
раго мы ночевали, рассказывалъ,
что Французы, возвращаясь изъ
Россіи, горько жаловались на судь-
бу свою и ругались надъ поршре-
шомъ Наполеона. Рассказываютъ,
что Король Саксонскій, пріѣзжав-
шій въ Герцогство Варшавское,
плакалъ о гибели сполькихъ
тысячъ войскъ Польскихъ и сво-
ихъ. Сколько опцовъ! сколько ма-
терей! сколько невѣстъ вмѣстѣ
съ нимъ плачущъ и клянущъ вой-
ну и завоевателей! . . .

4 Февраля. Получено извѣстіе,
что Графъ Платовъ, обложившій
Данцигъ, разбилъ сдѣланную изъ
онаго большую вылазку. — Часть
Герцогства за Вислою покрыта
лѣсами; здѣшняя полнота. Почва

земли по большой части каменистая. Народонаселение небольшое. Много господских домов мелькает около дороги. Городъ Ловичъ, съ цѣлымъ округомъ своимъ, принадлежишь, или, лучше сказать, принадлежалъ Маршалу Давусу. Онъ здиралъ съ него 700.000 злотыхъ годоваго дохода. Почти все Герцогство раздано было такимъ образомъ Маршаламъ Французскимъ, и всѣ серебряные источники Польши поглощались пучиною Французской ненасытности. — Наводнение здѣсь повсемѣстно. Дорога представляется рѣкою. Вдущій изъ Варшавы примѣчаетъ склонение плоскости земной къ Сѣверу по теченію Вислы. Можетъ быть шому причиною близость моря. Всѣ сіи мѣста могутъ назваться понизовыми; наводнение же оныхъ происходитъ отъ тающихъ снѣговъ на льсистыхъ горахъ близъ Ченстохова. — Весною аршилерія и

даже легкимъ войскамъ проходишь здѣсь очень трудно. Удобнѣйшее время для войны въ болошискомъ Герцогствѣ Варшавскомъ есть зима. Во всѣхъ даже бѣднѣйшихъ домахъ, видимъ поршрешъ Косцюшки.

5 Февраля. Мы обѣдаемъ въ Пионикѣ (въ Пяшницѣ); а здѣсь есть среда, четвергъ и воскресенье. Кому-то вздумалось помѣститься по сей дорогѣ цѣлую недѣлю.

5 Февраля. Ночлегъ въ Баршковицѣ. Прекрасный домъ, окруженный садами и большимъ разливомъ водъ, принадлежащій Графу Залужскому, который живетъ здѣсь съ семействомъ своимъ, и очень привѣжливо принимаетъ Русскихъ Офицеровъ. Войска наши безпрестанно идущъ по сей дорогѣ — и обыватели спокойны.

6. Ночлегъ въ Унеіовѣ. Это мѣстечко при рѣкѣ Варшѣ. Ренъе, бѣгущій съ остаткомъ корпуса своего, сжегъ здѣсь большой

мостѣ. Ледѣ пронулся и въ переправѣ великое затрудненіе. Обозы и полки обходящѣ нѣсколько верстѣ лѣвѣе на мѣстечко Варшу, гдѣ мостѣ уцѣлѣлъ.— На другой сторонѣ развалины замка Архiepискупа Гнѣздненскаго.— За нѣсколько предѣ симѣ лѣшѣ мѣстечко сіе было очень богато. Здѣсь было много людей, живущихъ и прѣзжающихъ; были иностранныя конторы, и деньги звенѣли въ каждомъ домѣ. Догадываешься, что это было въ благословенныя времена торговли. По Варшѣ гоняли лѣсѣ и прочее въ Пруссію; барышѣ съ избыткомъ награждалѣ шруды и издержки. Прервалѣсь торговля— и мѣстечко опустѣло; праздность, уныніе и пустоша засмутили мѣсто дѣятельности, шума и движенія.

7. Дорога за Варшою чрезѣ песчаные боры менѣе наводнена.

8. Городѣ Калишѣ при рѣкѣ Проснѣ, очень красивый, по

большой части Нѣмцами населенный городъ. Здѣсь, за 4 предъсимъ дня сражался Генералъ Баронъ Винценгероде. Двѣ тысячи плѣнныхъ, 8 пушекъ и два знамя съ шрофеи одержанной имъ надъ непріятелемъ поверхности. Послѣ сего сраженія Ренье, какъ говорящъ, усккалъ въ Саксонію; а ошашокъ войскъ его присоединился къ Поняшовскому, запершемуся въ Ченстоховѣ.

9. Движенія войскъ ошпанавливающихся. Причиною сему здѣшнія дороги, на кошорыхъ все вязнешъ. Корпуса и ошряды располагающихся на временныхъ, или такъ называемыхъ кантониръ-квартирахъ.

22 Февраля. Местечко Ярочево.

Погода была прекрасная, воды шумѣли и окрешности разцвѣщали, когда Генералъ и мы пріѣхали верхами въ сіе мѣстечко.

Все обѣщало намъ весну; всѣ надѣялись наслаждаться ею. Но надежды обманываютъ часто. — Вотъ уже десятъ дней, какъ мы стоимъ здѣсь, и десятъ дней скучаемъ. Вѣтры сливаются въ бури, и бури воютъ въ воздухѣ. Со всѣхъ сторонъ сходятся тучи; что сыплютъ снѣгъ, что льютъ дожди. Рыхлая здѣшняя земля вездѣ разсунуается. Прощайте прогулки! грязь не дозволяетъ выходить изъ квартиръ. — Я спую въ маленькой комнатѣ у Ксенза; Генералъ въ довольно большомъ, на образецъ Голландскихъ построенномъ господскомъ домѣ. — Желѣзныя печи нагрѣваютъ его. Хочешь знать, какъ проводимъ мы здѣсь время? — Довольно нескучно, при самой скучной погодѣ. По вечерамъ ходимъ къ Полковнику или собираемся у Генерала. Тамъ читаютъ, рисуютъ, чертятъ, говорятъ, шутятъ. — Снисходительность начальника и

пріятная свобода въ обращеніи украшають сіи вечернія бесѣды. Не правда ли, что у васъ очень часто какой нибудь Сташской Совѣтникъ представляеть лицо великаго челоуѣка, пребуеть всеобщаго вниманія, ошличнаго уваженія, и холодною важностію заспужаеть бесѣды, гдѣ сердца хошятъ раскрыться для искренности и пріязни; а здѣсь полный Генералъ, Генералъ саномъ и дѣлами, славный въ Россіи, извѣстный въ Европѣ, шакъ ласковъ, великодушень, любезень! За то всякой подчиненный его любитъ, уважаетъ его въ душѣ, и умереть съ нимъ почишаетъ за удовольствіе.

Самъ Генералъ Милорадовичъ большую часть времени проводитъ въ чшеніи. Во все это время перечисывалъ онъ Плущарха. Онъ встрѣчается съ великими людьми его, какъ съ давними своими знакомцами, и много зани-

маешся ихъ дѣлами и участью.—
 „Найди мнѣ,“ сказалъ онъ од-
 нажды, „хотя нѣсколько мли-
 кихъ полководцевъ, кошорымъ бы
 опдали полную справедливосшь
 прежде смерти и кошорые умерли
 бы безъ огорченій, довольны жиз-
 нию и судьбою своею!“— Правду
 сказашь, что съ такимъ услови-
 емъ трудно найти и одного. Не-
 благодарность народовъ, неспра-
 ведливосшь Государей, зависшь,
 клевета и происки сопровожда-
 ютъ великихъ отъ колыбели до
 гроба. Жизнь ихъ есть безпре-
 шанное бореніе. Гдѣжъ награда?—
 Въ попомствѣ, въ Истории!...

25 ФЕВРАЛЯ.

Послѣ десятидневнаго заключе-
 нія, мы перемѣнили кварширы, и
 все дежурство наше переѣхало въ
 Ждуни. Это очень маленькой, но
 очень красивый и чистый горо-
 докъ на самой границѣ Силезіи.—

Завтра Генералъ ѳдишь въ Ка-
лишь благодарить Государя за
пожалованные ему вензеля на
эполешы.

26 ФЕВРАЛЯ.

Какъ они красивы, уюшны, чи-
сты всѣ сіи Польско-Нѳмецкіе
городки! издали на обширности
полей они кажутся бесѳдками;
пошому что сами здѳшнія поля
шочные сады! Черноземныя нивы,
одѳшыя пушишшою сочною зе-
ленью, изкрещенныя и окружен-
ныя просадьми изъ спройныхъ
оспрыхъ шополей (*), влекутъ и
очаровываютъ взоры. Одна пло-
щадь, одна или двѣ улицы—вошъ
и весь городокъ!—Смошришь въ

(*) Острою шополю называю я шотъ
родъ шополей, кошораго сучья
сами собою подымаются вверхъ,
и представляющъ дерево завосш-
ренное.

окно на площадь — видишь рашушу, шоргов и шоргующихъ; смотришь, изъ того же дома, въ другое окно — видишь поля и пахарей. Тутъ шумишь говоръ людей; шамъ звѣнишь пѣснь жаворонка. Эпи городки можно назвашь сельскими. — Какъ опряжны Нѣмцы! числятъ и мешушь городовъ свой какъ комнашу. —

Трудолюбие и дѣяшельность пробуждающся здѣсь вмѣстѣ съ солнцемъ. — Встаю нарочно рано, чшобъ увидѣшь упреннюю картину здѣшней жизни. — Подхожу къ окну — заря догараешъ, солнце всходишь. Площадь еще пуста; все шихо. Жаворонки свищущъ за городомъ. — Вдругъ распахнулась дверь; за нею другая! . . . Начинающъ разшворяшья дома. Выбѣгающъ прекрасныя молоденькія Нѣмочки въ спройныхъ кофшачкахъ, съ ведрами и кувшинами; одна передъ другою спѣшатъ къ фоншану. Моющся, плещущся и

черпають воду. Онѣ шають легки на ногу: не бѣгають, порхають; свѣжи и румяны какъ весеннія цвѣтки. Но вошь идушь почтенныя спарушки. Разспавляють лавочки, stools и шалаши. Сбираются продавцы и купцы. Площадь заселется и оживается. Въ одномъ мѣстѣ кричатъ: „помешлы! по мешлы!“ въ другомъ: „лучшее свѣжее масло, сливки, сухари и проч.“ Такая проснота въ жизни мнѣ правится, и я невольно срисовалъ абрисъ ея. — Въ домахъ вездѣ найдешь довольство и порядокъ; услышишь музыку и пѣніе. Дочь хозяина моего, торгующаго желѣзомъ, играетъ на форшениано съ флейшами, и чищаетъ Нѣмецкіе стихи. Развѣ эшаго мало! . . .

Марта 1. Городъ Фраунштатъ.

Я ѣздилъ съ Генераломъ въ Намишъ, гдѣ имѣлъ удовольствіе

познакомисься съ историкомъ великаго Суворова Егоромъ Борисовичемъ Фуксомъ. Тамъ же представился мнѣ случай сдѣлаться извѣстнымъ знаменишюму Графу Машвѣю Ивановичу Плашову. Онъ удостоилъ меня особеннаго вниманія и благосклонности своей.— Изъ Калиша проѣхали мы прямо чрезъ красивый пограничный городокъ Равичъ въ Фраушшань. Прекрасный городъ! Онъ безъ сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ въ цѣломъ Варшавскомъ Герцогствѣ. Большая здѣшняя улица не уступаетъ въ красотѣ ни Варшавскимъ, ни бывшимъ Московскимъ; а это даже и не главный, но просто окружный городъ въ префектурѣ Познанской. Тутъ осшановишся, и, кажешся, надолго, главная кваршира авангарда Генерала Милорадовича. Крѣпосшь Глогау осшюда въ двухъ миляхъ. Часшь войскъ подъ командою

Князя Волконскаго и Графа Сенп-Прієсна облегла ее.

М А Р Т А 3.

Здѣсь есть и театр! Каждый вечеръ наполняется онъ зрителями. Правда, что здѣшній театръ малъ какъ вершечъ; но актеры на немъ не куклы. Три актера и двѣ актрисы не испортили бы ни на какомъ столичномъ театръ въ комическихъ роляхъ.— Капюлической Косшелъ, по огромности, великолѣпію и древности своей, заслуживаетъ вниманіе путешественниковъ. Въ семъ Косшелѣ погребено семейство Гуровскихъ. Прошивъ каждой могилы на стѣнѣ надпись и поршрешъ усопшаго.

Таковъ здѣшній обычай! Между прочими поршрешами видишь въ прекрасныя лица, плѣняешься цвѣтущею молодостію, красою и невольно вздыхаешь, вспомнивъ,

что они уже — во гробъ!... — Но отъ мрачнаго великолѣпія Кошела, пройдя прекрасную площадь и большую улицу, заглянемъ на мою квартиру. — Въшъ прекрасная чистая комната, украшенная живописью зеркалами и диванами. Хозяинъ, одѣшъ очень опрятно; пьешъ по ушрамъ кофе, имѣешъ вкусный столъ, ходишъ въ театръ, читаешъ книги и судишъ о полишикѣ. — Кто онъ шаковъ? — Угадай! — Дворянинъ? — Нѣшъ! — Богатый купецъ? — Ишо нѣшъ. Ктожъ? — Мѣщанинъ — цырюльникъ! — Я предчувствую удивленіе швое и раздѣляю его съ шобою. Развѣ у насъ нѣшъ цырюльниковъ; но они живущъ въ хижинахъ, часто въ лачушкахъ. Отъ чего же здѣсь люди шакъ дошпашочны? — Это шайна образа жизни Нѣмцовъ.

П. П. Вчера прѣхалъ къ намъ изъ Кенигсберга бывшій Адьюшаншъ Графа Оштермана, молодой

Сакенъ, котораго отецъ составлялся и умеръ въ службѣ.

10 МАРТА.

У насъ здѣсь шапцующе и веселяшея подъ громомъ Глогавскихъ пушекъ. Вчера Полковникъ Сипягинъ удивилъ и забавилъ городъ великолѣпнымъ баломъ. Дѣвушекъ было очень много, и много хорошихъ; угощеніе прекрасное, и гости веселились до блага дня.

Жизнь авангардная, при всѣхъ трудахъ и опасностяхъ, имѣешь свои наслажденія. Въ шомъ мѣсѣ, гдѣ голосъ смерти, раздаваясь съ выспрѣлами, поражаетъ часто слухъ и невольно напоминаетъ о краткости жизни; въ шомъ мѣсѣ дружба должна бытъ искреннѣе, откровенностъ непришворнѣе, всѣ связи надежнѣе. Въ авангардѣ конечно болѣе, нежели гдѣ нибудь, спѣшатъ жить и наслаждаться; но шамъ помнятъ

шакже и шо, что, какъ говоришь
 Горацій, хороши ~~шо~~ шь на-
 слажденія, за которыми не слѣ-
 дуетъ раскаяніе; иначе въ слад-
 кихъ напишкахъ нашли бы горечь,
 и не уснули бы покойно подъ зву-
 комъ близкой спрѣльбы. Всякой
 день послѣ развода и передъ ве-
 чернею зарею играетъ у насъ на
 площади музыка; народъ пол-
 нится слушать ее. Великодушное
 снисхожденіе начальника удаля-
 ешь спрогую взыскашельность.
 Пріязнь и свобода украшаютъ
 авангардную жизнь Офицера.

13 МАРТА.

Я желалъ, чтобы ты былъ у
 насъ вчера, и вѣрно восхищился
 бы авангарднымъ нашимъ празд-
 несствомъ. Омъ хладныхъ спранъ
 Сибири до Немана, Вислы и Оде-
 ра праздновали вчерашній день
 повсемѣстно. Это былъ день Воз-
 шествія на Престолъ Государа
 Императора.

Войска и жители, безъ всякаго предварительнаго условія, приготовились къ общему празднеству. Съ восходомъ прекраснаго весенняго солнца движеніе и дѣятельность зашумѣли въ городѣ. — Караулъ Кексгольмскаго полка пошелъ къ разводу. Въ 10 часовъ смѣнилъ онъ караулъ Перновскаго. Прекрасные солдаты того и другаго полка обратили на себя всеобщее вниманіе. Бодро и весело проходили они по улицамъ, наполненнымъ зрителями. Послѣ развода всѣ пошли въ особый домъ, гдѣ Генералъ Милорадовичъ приказалъ приготовить великолѣпный обѣденный столъ на 200 особъ. — Руской полковой Священникъ служилъ молебенъ. Кромѣ военныхъ чиновниковъ, и почтеннѣйшіе изъ гражданъ присутствовали при ономъ. Я не могу описать восторга, который овладѣлъ сердцами, когда Священникъ произнесъ молишву, *чтобы Гос-*

подь положилъ всѣхъ враговъ подь
 столы Государя нашего. Они уже
 лежатъ у ногъ Его! — думалъ наж-
 дый — и слезы умиленія сверкали
 у многихъ на глазахъ. — Какъ
 сладко тѣмъ, кошорые за годъ
 предъ симъ видѣли грозныя шучи
 бѣдъ на горизонтѣ своего опече-
 шва; видѣли бездну, къ кошорой
 вихри ужасныхъ случаевъ влекли
 его, кошорые съ сердечнымъ спо-
 номъ предавали въ жершву пла-
 мени матеръ и красу городовъ
 своихъ, позволяя врагу прости-
 рать хищность, мечъ и цѣпи даже
 до береговъ Оки; какъ сладко, го-
 ворю я, было имъ мыслишь, что
 опечешво ихъ уже свободно, не
 только мыслишь, но и бышь въ
 семъ увѣрену — и гдѣжь? — стоя
 швердою ногою на берегахъ Оде-
 ра! . . . Всѣ вообще съ необычай-
 нымъ усердіемъ преклоняли въ сей
 день колѣна и молились Вышнему
 блюстителю Царей и царствъ.
 При пѣтїи многія лѣша Государю,

роша Полковника Мерлина па-
 лила изъ всѣхъ своихъ пушекъ.
 Глогавцы также сего дня спрѣ-
 ляли. Громъ ихъ пушекъ сливался
 съ шумомъ нашего торжества.
 Эти осажденные, равно какъ и
 Модлинцы, не щадящъ зарядовъ.
 Вскорѣ по опившии молебна, Под-
 префектъ, Бургомисръ и прочіе
 чиновники города, съ немалымъ
 числомъ окрестныхъ дворянъ, вмѣ-
 стѣ съ военными, съѣли за столъ.
 Офицеры угощали ихъ. Около
 двадцати Генераловъ, украшен-
 ныхъ блистательнѣйшими знака-
 ми ошличія, возвышали прису-
 ствіемъ своимъ сіе торжество.
 Изобиліе щедрою рукою пощичи-
 вало гостей. — Въ продолженіи
 обѣда, окна въ домѣ были опшо-
 рены, и музыка гремѣла. — Народъ
 болвшими толпами собрался на
 улицѣ. Офицеры вздумали пове-
 селишь его: намѣняли мѣлкихъ
 полу-серебряныхъ денегъ и на-
 чали бросать, говоря: „моли-

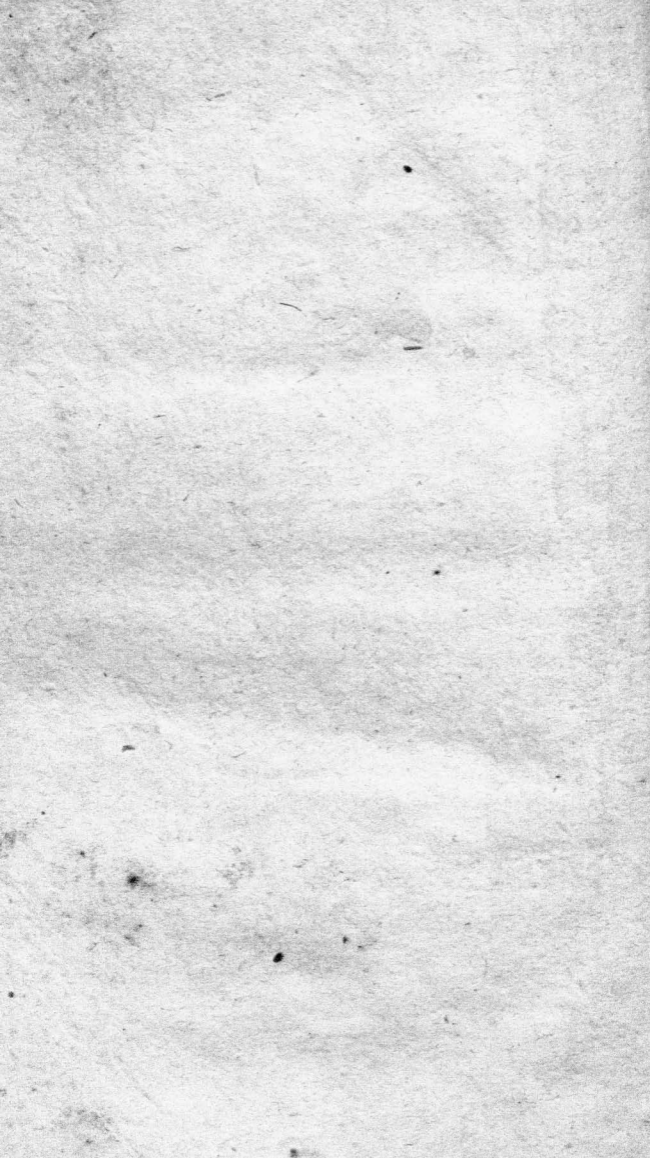
песь за здоровье Александра Перваго! — *Ура!* Громкія восклицанія раздались по всѣмъ улицамъ; деньги безпрестанно сыпались, и народъ неумолчно кричалъ: *ура!* — Туть же предспавили подписку для поддержанія здѣшняго шеашра. — Въ нѣскольکو минушь авангардная щедрость сынала шакую сумму, копорая удивила и ошасливила бѣдныхъ ащперовъ. За шо въ вечеру они ушѣшили насъ удачною игрою въ драмъ: *Государь, скрывающій санъ свой.* — Предметъ и содержание прекрасны. Переодѣшый Государь пушешествуя съ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ ему Министровъ, обозрѣваетъ землю свою. Чшо предспавляется глазамъ его? — Тьма несправедливостей!... Сильные давятъ слабыхъ; богачи играютъ судьбою бѣдныхъ; добродѣшель влечется въ заключеніе, пороки смѣются слезамъ ея; золото и происки кривятъ повсюду вѣсы

правосудіа; невинность спонешъ;
 заслуга, покрывая сбдинами, по-
 мишя вб нищешъ; праздность
 опдыхаешъ на шелковыхъ пери-
 нахъ. Добрый Государь пылаешъ
 негодованіемъ, хочешъ все пре-
 образишь—и многое исправляешъ.
 Каждый порывъ его соспраданія,
 каждое слово его приносишь цб-
 ление недугамъ Государства. —
 Государь, взирающій на народъ
 свой шолько сб высоты престолоа,
 ешъ шо же, что лекарь, поль-
 зующій заочно. Чшобъ излечишь
 раны, должно кб нимъ прика-
 сашься. — Вб заключеніе драмы
 появился вензель Александра
 Перваго, лаврами увбичанный и
 разноцвбшными огнями освбщен-
 ный. Молодая актриса говорила
 поздравленіе. Безпрерывное руко-
 плесканіе одобряло усердіе и игру
 актеровъ. — Сб насшуленіемъ
 ночи весь городъ запылалъ разно-
 цвбшными огнями. Множешво
 площаекъ украшало дома и улицы.

Въ разныхъ мѣстахъ блисшали
 разные прозрачныя каршины въ
 честь знаменишому дню. — По
 всемъ площадямъ и улицамъ игра-
 ла музыка. И Нѣмцы, у кошо-
 рыхъ привычка гасить огонь въ
 10 часовъ вечера сдѣлалась почти
 закономъ, разхаживали шолпами
 по городу и учились у Рускихъ
 кричать: ура! — Сонъ въ сей
 освѣщенной ночи уснулъ мѣ-
 сто веселости, и не прежде одер-
 жалъ надъ нею верхъ, какъ съ
 утреннею зарею.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

101

15

